

ХРИСТИАНОС

XXIII

АЛЬМАНАХ

ISSN – 1407 – 0898

Обложка работы архимандрита Зинона

Редакционный совет

Наталия Большакова, главный редактор, Латвия
Протоиерей Владимир Зелинский, Италия
Андрей Десницкий, Россия

Ответственный за выпуск
Василий Минченко

*При перепечатке материалов
ссылка на альманах обязательна*

© Международное Благотворительное Общество
имени Александра Меня
Рига, Латвия, 2014

*Путям,
которыми идет душа
человеческая к Богу,
посвящен этот альманах.
Особенно значима для нас
жизнь христиан нашего времени,
войдем же и мы вместе с ними
в святое любовное
единение с Богом – Отцом
и Сыном и Духом Святым,
Троицей единосущной
и нераздельной. Аминь.*

ИСТОЧНИК СВЯТОСТИ

Не раз альманах «Христианос» обращался, так или иначе, к теме святости, публикуя материалы о мучениках, исповедниках, святителях, учителях, молитвенниках, мыслителях, реформаторах и подвижниках XX века, открывающих новые страницы в истории христианской Церкви. Много статей было опубликовано и о святых Запада, ибо подлинная святость не измеряется принадлежностью к конфессии.

Церковь призвана свидетельствовать миру о святости. Собственно, история Церкви – история святости, святых. Плоды Церкви – это святые; пребывая в ней, люди, – порой, самые обыкновенные, – могут стать святыми. Отец Александр Мень учил, что святость есть осуществленная в жизни посвященность Богу (полностью подтвердив это собственной жизнью).

Святость – это в высшей степени универсальное и личное призвание каждого человека. Хотя, справедливо и определение Церкви, данное в IV веке поэтом, богословом, подвижником Ефремом Сириным: «Церковь – не собрание святых, а толпа кающихся грешников, которые, при всей своей греховности, повернулись к Богу и устремлены к Нему».

XX век с его страшными испытаниями и страданиями явил и сонмы святых мучеников, и особенный опыт постижения святости, который открывается через подвиг свидетелей веры в лагерях ГУЛАГа и в нацистских лагерях. «Но большинство новомучеников – это тысячи

и тысячи людей, казавшихся вполне обычновенными, – да и бывших таковыми, – которые отдали свою жизнь за Христа, ради того, чтобы сохранить Ему верность в чудовищных обстоятельствах гонений. [...] В их судьбе вера стала причиной удивительной верности Богу и своему призванию; может быть, именно это – пример для нас»¹.

Формы святости на протяжении истории менялись, но эти изменения, по слову митр. Антония, «выражают те пути, которыми Бог, в сердцах верующих, выражает Свою любовь к миру».

О святости, о путях к Источнику святости, о людях, проживших жизнь свою ради Царства Божия и правды Его говорят материалы этого выпуска альманаха, призывая читателей ещё раз задуматься, почему наше время называют пост-христианским, говорят о кризисе веры, кризисе святости... Но ведь Источник святости не иссяк, ведь Источник – Сам Господь. Может быть, беда наша в том, что мы далеки от Бога?..

Митр. Антоний (Блум), говоря о кризисе святости, считает, что «начался он не в наши дни, – он современен многим христианским поколениям. Но мы должны смело взглянуть ему в лицо, потому что святость – наше абсолютное призвание; созерцательная святость – не бегство; активизму нашего времени, стремящемуся уйти от всякого созерцания и обрести самоценность, недостает того содержания, какое присуще христианской святости, ибо содержание ее – Сам Бог»².

*Редакционный совет
альманаха «Христианос»*

¹ Лакирев. А., свящ. Вера и верность. Священномученик Феодор Грудаков // Христианос-XXIII. Рига, 2014. С. 151.

² Антоний, митр. Сурожский. Святость // Христианос-VII. Рига, 1998. С. 24.

Священник Владимир Лапшин

СВЯТОСТЬ КАК ПРИЗВАНИЕ

Будьте святы, потому что Я свят.

(Лев 11:45; 1 Пет 1:16)

Некоторое время назад вышла книга архимандрита Тихона (Шевкунова) «Несвятые святые», которая сразу привлекла к себе внимание церковных (и не очень) людей. Я не берусь судить о литературных достоинствах или недостатках этой книги, но ее название – это, несомненно, находка. Оно сразу же вызывает желание заглянуть в книгу и еще до ее прочтения заставляет задуматься: если люди, о которых идет речь, «несвятые», то почему автор называет их святыми, а если они все-таки (на его взгляд) святы, то зачем оговорка – «несвятые». Да и, вообще, кто такие святые и что такое святость?

И надо признать, что хотя *святость* является фундаментальным понятием не только христианства, но и многих других религий, точности и однозначности в его понимании и применении, по крайней мере, в отношении людей нет. Семитское слово *кодеш*, переводимое на русский как *святость*, включает в себя корень, означающий «отрезать, отделять», то есть содержит в себе идею отделенности, инаковости по отношению к миру, ко всему мирскому. То есть является тем, что можно по-русски обозначить как *священное*, посвященное божеству, принадлежащее ему. В этом смысле понятие *святости* присутствует практически во всех религиях, ибо во всех религиях имеют место быть священные предметы культа, или священные места и часто

люди, специально посвящаемые на служение тому или иному божеству.

Но библейское понимание *святости* не ограничивается только идеей отделенности, посвященности божеству. Более того, если общее для всех религий понимание *святости* относится, прежде всего, к чему-то материальному – предметам культа, местам или людям, и именно люди отделяют, посвящают нечто божеству, то библейское понимание относит это понятие к Самому Богу. Согласно Словарю Библейского Богословия, «В Библии [...] святость определяется не только как отказ от мирского – она содержит откровение Самого Бога. [...] Святость Божия заключает в себе все обладаемые Богом богатства и всю жизнь, все могущество и благость. Она больше, чем один из атрибутов Божиих. Она – отличительная черта Бога»¹. И в этом смысле абсолютной *святостью* обладает только Бог, только Он подлинно *святость*, только Он по настоящему *святой (кадои)*. Именно поэтому мы Бога провозглашаем Трисвятым, Дух Божий называем Духом Святым, а Единородного Сына Божьего исповедуем как «Един Свят, Един Господь, Иисус Христос». И только Он является источником производной *святости*, которую Он сообщает тварному миру, которой отделяет для Себя, освящает в этом мире то или того, что или кого избирает Сам. И вот эта производная *святость* уже относительна, и ее природа отличается от природы *святости* Бога.

Таким образом, понятие *святость* вполне применимо и в тварном мире, то есть может употребляться не только применительно к Богу, но и к предметам, местам

¹ «Словарь Библейского Богословия» под редакцией Ксавье Леон-Дюфура. Брюссель: Жизнь с Богом. 1974. С. 1007–1008.

и людям, но обязательно в их отношении к Богу. И еще раз важно подчеркнуть, что эта *святость* предметов, мест и людей относительна и может различаться по степени, в зависимости от того, насколько они с Ним, то есть с Богом, связаны. И в Ветхом Завете мы находим великое множество примеров такого применения этого понятия. Мы читаем о святых местах, о святых предметах культа, о святом городе Иерусалиме и о святом Храме в нем. А в святом Храме было святилище, называемое Святое, а за ним в самой глубине место, называемое Святое Святых. Библия рассказывает и о людях, избранных Богом для служения Ему, отделенных от мира, выделенных из него. Прежде всего, это народ Божий, древний Израиль. Он весь призван к святости, он «царство священников и народ святой» (Исх 19:6). Но и внутри народа мы видим некоторую градацию, различие в степени посвященности. Из народа выделены левиты, потомки Левия, из них, в свою очередь, избрано одно семейство – потомки Аарона. Здесь речь может идти о святости, зависящей от происхождения, передаваемой, если можно так выразиться, по наследству. Но Бог этим не ограничивается. Он избирает для Себя отдельных людей, независимо от их происхождения, то есть освящает их, делает Своими служителями. Они становятся пророками Божими, духовными вождями народа, они возвещают Его волю, а иногда, в особые моменты истории, даже «помазывают» царей.

Но, в любом случае, это всегда инициатива Бога, это Его избрание, исполнение Его воли. Только Он обладает святостью и делает святым то или того, кого Сам изберет. Примечательно и то, что понятие *святость*, слова с этим корнем начинают встречаться в Библии

только с книги «Исход», то есть только после избрания Богом народа Израильского и заключения Завета с ним. Исключение – рассказ, правда, тоже в этой книге о встрече Моисея с Богом, где сказано о святости места (см. Исх 3:5).

Эта производная, относительная святость может быть приобретена, получена от Бога, но может быть и утрачена. В ней можно возрастать, но можно и расстаться с ней. В Библии мы читаем об оскверненных, то есть о потерявших приданную им святость, святых местах. Но и о людях тоже. Например, Надав и Авиуд, сыновья Аарона, совершив недолжное, теряют не только священство, но и жизнь. Нечто подобное случилось и с Офни и Финесом, сыновьями священника Илия. Да и в истории всего народа Божьего, древнего Израиля множество примеров, когда народ изменяет завету с Богом, начинает «блудить с иными богами» и утрачивает свою святость. Но при этом всегда остается «малый остаток», некто, сохраняющий верность своему Богу, связь с Ним, а значит, и дарованную Богом святость.

Это как раз свидетельствует о том, что библейское понимание святости не ограничивается только идеей отделенности от мира, посвященности Богу, но еще и предполагает непорочность, неповрежденность, а в применении к людям включает нравственную составляющую. Важно только не путать святость с праведностью и безгрешностью (может быть, лучше сказать безошибочностью) в суждениях и поступках, или с другими нравственными качествами, если речь идет о людях. Все-таки святость, это нечто большее, это, прежде всего, верность Богу, живая связь с Ним, Его реальное присутствие в жизни человека. Ну, а проявляться это может в каждом конкретном человеке индивидуально,

в зависимости от замысла Бога и Его даров и даже от личных качеств или способностей самого человека.

Раннехристианская община во многом приняла и усвоила библейское ветхозаветное понимание святости и соответствующую терминологию. Особенно в применении к Богу. Но есть и существенное отличие. Если в Ветхом Завете внимание акцентируется на святости одного народа, в народе – одного колена и так далее, и передается эта святость «по наследству», по принадлежности к этому народу, хотя и усваивается личноственно, то в христианстве нам дано откровение, что к святости призвано все творение, весь род человеческий (см. 1 Кор 15:28). Справедливости ради, надо признать, что в какой-то степени это откровение присутствует и у ветхозаветных пророков и в ветхозаветной истории, но основной идеей Ветхого Завета все-таки стало избрание одного народа. А христианство подчеркивает именно универсальность призыва, независимость его от происхождения. Христианская святость определяется только «желанием Бога всех спасти» (см. Ин 12:47; 1 Тим 2:4) и личным выбором каждого человека, его ответом на призыв Божий.

Итак, все творение призвано к святости, весь мир должен быть освящен. Но многое в этом мире противится замыслу Божьему. Почему? Это уже особая тема, сейчас речь идет не об этом. Важно, что освящение, святость каждого христианина является «инъекцией» святости для мира, противящегося Богу. Поэтому, в отличие от ветхозаветного Израиля, стремившегося к отделению от всего остального мира, к сабиранию в одном месте, будь то Земля Обетованная или Иерусалимский Храм, христиане призваны к «проникновению» в этот мир, к его «завоеванию». Воскресший

Господь, явившись Своим ученикам, дает им наказ на все времена: «Итак, ступайте и сделайте все народы Моими учениками. Крестите их во Имя Отца, Сына и Святого Духа и научите соблюдать все, что Я вам повелел. И знайте: Я с вами всегда, до конца мира»² (Мф 28:19-20). А в Евангелии от Марка: «Идите по всему свету и возвестите Радостную Весть всем людям» (Мк 16:15). Можно вспомнить и многие другие места в Новом Завете, где Господь или Его апостолы говорят об этом же, может быть, другими словами, но смысл от этого не меняется.

Однако для того, чтобы стать «инъекцией» святости для мира, христиане сами должны быть святы. Здесь мы сталкиваемся с антиномией – с одной стороны, христиане посланы, внедрены в мир, по сути, чтобы освятить мир, они должны быть растворены в нем, но, с другой стороны, они должны быть отделены от него, отличны. В связи с этой антиномией особенно выпускло проявляется различие между ветхозаветным и христианским пониманием святости. В ветхозаветном Израиле святость, отделенность от мира, посвященность Богу предполагается, прежде всего, в буквальном соблюдении Закона, как он был понят религиозными учителями народа, в верности не столько Богу, сколько традиции. И проявлялось это зачастую исключительно внешне – соблюдение субботы, пищевые запреты, ритуальные омовения, отказ от близкого общения с иноверцами и даже с теми израильтянами, которые по каким-то причинам не могли все это строго соблюдать и считались грешниками. На страницах Нового Завета мы постоянно сталкиваемся с тем, что Господь осуждает

² Здесь и далее Новый Завет цитируется по Современному Русскому Переводу Библии (СРП). М.: РБО. 2011.

такой подход и предлагает новое понимание святости. А Его ученики, апостолы, усвоив это понимание, развивают его для практического применения в жизни.

Христианская святость - это верность Богу Живому, следование не букве Закона, а духу его, послушание Святому Духу. Апостол Павел об этом пишет так: «А плод Духа – любовь, радость, мир, стойкость, доброта, щедрость, верность, кротость, умение владеть собой. Нет такого закона, который бы это осуждал. Те, кто принадлежат Христу Иисусу, распяли на кресте свою плотскую природу вместе с ее страстями и желаниями. И раз мы живем Духом, отдадим себя под начало Духа! Так не будем тщеславны, не будем друг друга раздражать, не будем друг другу завидовать!» (Гал 5:22-26). То есть христианская святость проявляется не во внешнем отделении от всего остального мира, а во внутренней, духовной оппозиции миру, восставшему против Бога. Опять же, как пишет Павел: «...мы ведем бой не с людьми из плоти и крови, а с Началами, с Властьми, со вселенскими повелителями этого мира тьмы, с духовными силами зла в небесном мире» (Эф 6:12).

Итак, все христиане, составляющие из себя, как из живых камней, Святой Дом Божий, Святую Церковь Христа, являющиеся начатком, первенцами освящения мира, призваны к святости, должны быть святыми. Они просто не могут, не должны быть, как все. Господь, обращаясь ко всем Своим ученикам, говорит так: «Вы – соль земли. Если соль перестанет быть соленой, чем возвратишь ей вкус?! Она ни на что не годится, ее выбрасывают вон, под ноги людям!

Вы – свет миру. Город, который стоит на горе, не может укрыться от глаз. Когда зажигают светильник, его не накрывают горшком, а ставят на подставку – и он

светит всем в доме. Пусть так же светит свет ваш среди людей, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли вашего Небесного Отца» (Мф 5:13-16). И апостолы, особенно Павел, в своих посланиях к христианским общинам всячески подчеркивают это всеобщее призвание христиан к святости. Так Павел, адресуя свои письма, пишет: «От Павла, по воле Бога призванного стать апостолом Христа Иисуса, и от брата Сосфена – Церкви Бога в Коринфе, тем, кто посвящен Богу через Христа Иисуса, кто призван стать Его святым народом, вместе со всеми, кто везде и всюду призывает Имя Господа нашего Иисуса Христа» (1 Кор 1:1-2). Или: «От Павла, по воле Божьей апостола Христа Иисуса – святому народу Божему в Эфесе, хранящему верность Христу Иисусу» (Эф 1:1). То есть для Павла очевидно, что быть христианином, верующим в Иисуса Христа, и быть святым, посвященным Богу, это одно и то же. Христианин это тот, кто, веря в Иисуса Христа, соединяясь с Ним через таинства Церкви, уже не принадлежит себе, живет не для себя, а для Бога (см. Рим 6:11).

К сожалению, надо признать, что, как в те времена, так и сегодня не все люди, считающие себя верующими, готовы ответить на призыв Божий. Или, может быть, лучше сказать, просто не осознают свое призвание к святости, наличие особой миссии, возложенной на них Богом. Для многих, порой, даже очень церковных людей, христианство всего лишь одна из традиционных религий, помогающих получше устроиться в этом мире, в таком мире, каков он есть. Да, они могут считать ее лучшей или единственно правильной, но она, эта религия, для них, для того, чтобы они могли жить для себя, во имя свое, а не для осуществления замысла Божьего об этом мире. То есть, они не осознают, не

ощущают себя людьми посвященными Богу, принадлежащими Ему. Не они для Бога, а Бог и религия для них. Это хорошо видно по тем жалобам на Бога, с которыми церковные люди часто приходят на исповедь. «Он меня не слышит или не хочет слушать. Он не исполняет мои просьбы, мои молитвы». Ну, во-первых, мы даже о людях не можем точно знать, слушают ли и слышат ли они нас. Бог, скорее всего, и слушает и слышит. Но, во-вторых, и это главное, это не Он обязан нас слушать, а мы должны стараться слушать и слышать Его волю, не Он обязан исполнять все наши указания, а мы - Его заповеди, не Он обязан работать на нас, а мы служить Ему, жить и работать согласно Его замыслу. Конечно, Бог не бросает нас в этом мире один на один с нашими проблемами, Он видит наши трудности, Он слышит наши просьбы о помощи и часто помогает (надо быть честными), правда, не всегда так, как нам хотелось бы. Но суть христианства не в этом. Если от Бога и христианства мы ждем только этого, нам лучше обратиться к шаманизму. Христианство же даровано миру и нам для освящения, для преображения всего творения, которое должно начинаться с нас, с людей, называющих себя христианами.

Освящение христиан, их посвящение Богу начинается с таинств крещения и миропомазания. В крещении человек умирает для греха, для прежней жизни в мире, противящемся Богу, и рождается в новую жизнь для Бога во Христе Иисусе. Через миропомазание он посвящается на служение Богу. В ветхозаветном Израиле помазание миром совершалось над священниками, царями и иногда над пророками. В Церкви Христовой все ее члены становятся, как и ветхозаветный Израиль, «народом святым и царством священников», но при

этом еще и все через таинство становятся служителями Бога. При совершении таинства освященным миром помазываются лоб, уста, все органы чувств, тело, руки и ноги человека, принявшего крещение. То есть, весь человек «запечатывается» Духом Святым, весь человек становится принадлежащим Богу. Но это только начало освящения, через эти таинства христианин получает залог или семя Святого Духа, а дальше должна быть жизнь во Христе, в Его теле, в Святой Церкви Христовой, сопровождающаяся возрастанием в святости.

Но надо признать, что духовное напряжение, характерное для большинства христиан первых веков, со временем стало ослабевать. Со временем понимание того, что жизнь дана для святости, и что все христиане призваны быть святыми, выветрилось из сознания церковных людей. В связи с этим Церковь стала акцентировать внимание на подвигах святости отдельных христиан, тех или иных церковных деятелей. В церковной жизни появилось такое понятие, как канонизация святых, то есть официальное признание Церковью некоторых христиан святыми и их прославление. Сегодня даже существуют специальные комиссии по канонизации. В конечном счете, это привело к тому, что сегодня для большинства церковных людей святые это те, кто жил где-то далеко и когда-то давно и прославился удивительными подвигами, а к нашей реальной жизни здесь и сейчас никакого отношения не имеют.

Теперь, если вернуться к началу наших размышлений, к названию книги архимандрита Тихона, оно становится понятным. С одной стороны, люди, о которых он пишет, и многие, многие другие, подобные им, для которых не нашлось места на страницах его книги, или которых он просто не знал, не канонизированы Церковью,

не признаны официально святыми, то есть, «несвятые», но, с другой стороны, их святость для многих очевидна, они люди Божьи. Да, по жизни они могли быть не всегда правы в отношениях с другими людьми, у кого-то из них могли быть тяжелые характеры или не очень полезные привычки, одним словом, они не были «ангелы», но вся их жизнь принадлежала Богу, они жили для Него. А уж меру их святости определит Сам Бог, Он Сам разберется с их характерами и привычками, с их правдами и неправдами. Для нас же важно, что эти люди жили в наше время, многие из них учились в таких же школах, что и мы. Они, может быть, ходили по тем же улицам, по которым ходим мы. И с кем-то из них мы были знакомы. То есть, святость это не экзотика, это то, к чему мы все призваны, и для чего нам все дано. Выбор за нами.

Москва, 20 ноября 2014 г.

ИСТОКИ РУССКОЙ СВЯТОСТИ

Сергей Аверинцев

КРАСОТА И СВЯТОСТЬ¹

Название моего доклада уже предполагает, как предварительное допущение, тот вывод об особых чертах русской духовности, к которому, собственно, доклад должен подвести. Подобное соотношение между заглавием и текстом – не редкость, но докладчик обязан видеть заключающуюся в этом опасность. Как бы ни получилось, что мы сначала выстроим некую идеологическую конструкцию, а затем инструментализуем конкретные факты, чтобы они иллюстрировали эту конструкцию как «примеры», риторические “exempla”! В этой связи я хотел бы проявить в самом докладе так много остерожности, как только сумею.

«Святость» и «красота» – самые слова имеют способность волновать. Применительно к таким темам особенно нужно, как говорили некогда, «трезвеніе», особенно опасен патетический, эмоциональный тон, от которого я намерен строго воздерживаться. Читатель, знакомый с моими прежними работами на сходные темы, имеет право отметить, что такое воздержание не всегда было мне свойственно: например, мои выступления 1988 г., связанные с празднованием тысячелетия Крещения Руси, отмечены той самой интонацией, которую я сейчас хотел бы себе запретить. Tempora mutantur, et nos mutamur in illis: тон, который представлялся мне уместным как оправданная компенсация глухого

¹ Доклад, прочитанный на VIII экуменическом конгрессе «Образы русских святых», проходившем в монастыре Бозе (Италия) 20–23 сентября 2000 г.

замалчивания христианских тем в советскую пору, сегодня уже не имеет такого оправдания.

Что касается методических подступов к вопросу, очевидно, что возможности артикуляции темы красоты в лексике обоих древних языков, особенно существенно повлиявших на древнерусское богословское мышление, – прежде всего, греческого, а затем, через греческий, древнееврейского как языка Библии, – создает для интерпретатора множество подстерегающих его опасностей. Например, если греческое καλόν означает «прекрасное» в смысле, если угодно, эстетической категории, то оно же могло иметь и множество иных значений; и когда о. Павел Флоренский предлагал переводить лексему Φιλοκαλία, это заглавие знаменитого сборника аскетических руководств (в традиционном славянском переводе «Добротолюбие») как «любо-красие» или «красото-любие» (*Столп и утверждение истины. Опыт православной феодицей в двенадцати письмах*, М., 1914. С. 99 и 666–669), когда он же вкладывал как бы эстетический смысл в святоотеческое обозначение аскетики как «художества художеств», τέχνη τῶν τεχνῶν (там же), хотя на деле обозначение это само по себе имеет не больше касательства к эстетике, чем наше слово «техника», восходящее к тому же греческому τέχνη «художество», – мы вправе видеть во всем этом игру слова, игру ума, могущую иметь свой смысл, но ничего не «доказывающую». Гораздо интереснее то, что Флоренский тут же говорит от себя, из своего опыта: «...Аскетика создает не „добраго“ человека, а прекрасного, и отличительная особенность святых подвижников – вовсе не их „доброта“, которая бывает и у плотских людей, даже у весьма грешных, а красота духовная, ослепительная красота лучезарной, свето-носной

личности...» (там же, с. 99). Это, по крайней мере, свидетельство автора о своем восприятии; но для начала возможно поставить вопрос, что именно выражено в этом свидетельстве: личные идиосинкразии Флоренского, индивидуальности весьма своеобычной, или черты эстетизма позднеромантической, околосимволистской культуры, сформировавшей этого собеседника Андрея Белого и Вячеслава Иванова, – или всё же, наряду с этим и через это, также и некая надличная и вневременная константа русской православной традиции как таковой?

Когда мы ищем однозначные свидетельства о русской православной традиции, лучше обратиться к древним текстам и постараться взглянуть на них возможно проще и «трезвеннее».

Едва ли не каждому образованному русскому с ранних лет памятно описание язычников-варваров, потрясенных благолепием церковного обряда, данное в «Повести временных лет», под годом 6495 (987). Князь Владимир, если верить рассказчику, уже успел выслушать препространную проповедь греческого «Философа», изложившего ему священную историю от самого сотворения мира и до самого Страшного Суда; однако оказывается – в некотором противоречии со словом Апостола Павла «вера от слышания» *ἡ πίστις ἐξ ἀκοῆς* (Рим 10:17), – что этот вербально-аудитивный способ знакомства с христианской верой лишь предварителен и нуждается в дополнительном «испытании вер» по критериям менее логоцентрическим². Кто не помнит, что

² Разумеется, нет никакого сомнения в том, что за странноватой последовательностью событий в «Повести временных лет» не могут не стоять причины, связанные с противоречиями в данных традициях, с надобностью хотя бы внешне их примирить, а равно и с тенденциозными установками

это «испытание вер» описывается почти исключительно как приобретение непосредственно-чувственных впечатлений об обрядовой практике различных религий? Ключевые слова – «красота», «веселье», и, конечно, «видѣхомъ». О мусульманах – «поклонився сядет и гладить сѣмо и овамо, яко бѣшено, и нѣсть веселья въ нихъ»; о католиках-германцах – «красоты не видѣхомъ никоєаже». И вот после негативных или недостаточно позитивных переживаний приходит *fotissimo*: «И придохомъ же въ Греки, и вѣдоша ны, идѣже слѣжать Богъ своимъ, и не свемы, на нѣбѣ ли есмы были, ли на земли: нѣсть бо на земли такого вида ли красоты такою, и не доумѣмъ бо сказать; токмо то вѣмы, яко онъдѣ Богъ съ человѣки прѣбываєтъ, и есть слѣжба ихъ паче всѣхъ странъ. Мы убо не можемъ забыти красоты томъ, вслѣдъ человѣкъ, аще вкуситъ сладка, послѣди горести не принимаетъ, тако и мы не имамъ сде быти».

повествователей и редактора. Мы решаемся, отнюдь не позволяя себе игр в некритическое наивничание и вполне отдавая себе отчет в важности подобного рода источниковедческой проблематики, вынести в этой статье последнюю за скобки. Как бы сильно редакторские затруднения ни определяли результат, характеристика этого результата имеет, очевидно, и другое измерение – не источниковедческое, а историко-культурное. Если повествователь вообще находит возможным предложить читателю такую комбинацию версий, из которой получается, что решающий и венчающий момент при выборе веры – не проповедь, а нерасчлененное сопреживание обряда, это само по себе не может не быть симптоматичным для строя выразившей себя в этом культуры. В контексте того же Григория Турского подобное просто не получилось бы, оно было бы отторгнуто не то что ментальностью западного клирика, но самой лексикой клерикальной латыни...

Чтобы понять, что именно здесь специфически русское, уместно сопоставить с текстом «Повести временных лет» трактовку аналогичной темы в латинской литературе раннего западного Средневековья. Вот примерно на полтысячелетия ранее «Повести временных лет» Григорий Турский (*Hist. Franc.* II, 29) рассказывает, как христианка Хродехильда, супруга все еще языческого короля Хлодвига, добившись разрешения крестить их общего сына, в порядке миссионерской стратегии воздействия на своего мужа, замыслила придать крестинам возможно более эстетически привлекательный характер: *“Interea regina fidelis filium ad baptismum exhibet, adornare ecclesiam velis praeceperit atque curtinis, quo facilius vel hoc misterio provocaretur ad credendum, qui flecti praedicatione non poterat”* («Благоверная государыня, готовя крещение сына, повелела украсить церковь засвасами и тканями, дабы тот, кого не смогла убедить проповедь, хотя бы этим таинством был бы легче склонен к вере»). Сама стилистическая трезвость и синтаксическая сжатость этого замечания особенно живо дают почувствовать взгляд взрослого – на дитя, воспитателя – на воспитуемого, миссионера – на варвара; взгляд, каким сам автор в солидарности со своей благочестивой героиней оглядывает Хлодвига, приглашая к тому же и читателя. Лицо уже обращенное есть субъект миссионерского воздействия на необращенного как на объект; христианину, и уж тем паче клирику, просто необходимо сознательно планировать это свое воздействие. Сама краткость фразы говорит о самоочевидности точки зрения. Всё понятно само собой, слов почти не требуется. Куда более красочно другое место той же книги, описывающее крестины уже самого Хлодвига (II, 31): *“Velis depictis adumbrantur plateae,*

ecclesiae curtinis albentibus adornantur, baptisterium componitur, balsama diffunduntur, micant flagrantes odore cerei, totumque templum baptisterii divino respergitur ab odore...» («Улицы затеняют многоцветными тканями, церкви украшают светлыми завесами, приготавливают крецалью, разливают ароматы, ярко блестают благоуханные свечи, весь храм крецальный окропляется божественными благовониями»). Это патетическая ритмизированная проза, однако содержание ее весьма предметно: благолепие праздничного убранства дается через конкретный реестр его зрительных и обонятельных компонентов – навесы над улицами, ткани в храмах, повсюду благоухания, к которым подбавляют свой запах зажженные свечи, – что свидетельствует о последовательно объективированном подходе к событию. Что здесь невозможно, так это слияние автора (и постулируемого им читателя) с эмоциями варвара-неофита. Предметность имплицирует взгляд со стороны: то, что для «гордого сикамбра» должно стать целостным и неразложимым переживанием христианской инициации, то для клириков, действующих как мистагоги этой инициации, оказывается деловой задачей, аналитически разлагающейся на ряд частных задач, которые именно для того, чтобы быть разрешимыми, должны стать ограниченными, овеществленными, опредмеченными. Вместе с деятельными миссионерами из носящих высокий светский сан мирян, какова Хродехильда, но, прежде всего, вместе со своими коллегами по духовенству, Григорий Турский ощущает себя в положении ответственной внеситуативности: он привык присматривать за происходящим, что уже запрещает ему перестать – скажем, от избытка чувств – различать происходящее и свою собственную наблюдательную позицию.

И еще одна важная импликация, нигде не эксплицируемая, но стоящая за всем текстом как целым: у Григория Турского само собой разумеется, что пограничный момент, *rite de passage*, делающий столь важными для посвящаемого именно чувственные компоненты культового акта, неповторим ни в биографии Хлодвига, ни в истории его народа. Автор смотрит на Хлодвига, как набожный взрослый может смотреть на подростка, которого он уговорил зайти в храм. Сам модус его сочувствия настроению этого подростка предполагает, что для него-то всё иначе, чем для этого подростка. Было время для наивного, неразлагаемо-цельного чувственно-сверхчувственного переживания; а затем приходит время для доктрины, для проповеди; установка верующего должна, наконец, стать, как нынче говорят, логоцентристской.

Вернемся к «Повести временных лет». Что же, в ней вовсе отсутствует всякий намек на ту специализированную и рефлексированную «клерикальную» перспективу, которая определяет самоидентификацию повествователя у Григория Турского? На уровне вербальном эта перспектива, во всяком случае, наличествует, она введена в грамматической форме 3-го лица – чуть раньше, чем только что приведенное патетическое признание в форме 1-го лица множественного числа. В самом деле, упомянуто, что торжественное богослужение, произведшее такое воздействие на посланцев св. Владимира, было устроено по умыслу византийского императора и константинопольского патриарха, то есть светского и духовного «предстоятелей» греческого православия. Вот это место: «**На⁸г⁹триє посла [царь] къ патреархъ, глагола сицє: Прідоша Рѹсь, пытающє вѣры нашєл, да пристрой церковь и крілосъ, и самъ причинисѧ въ**

святительской ризы, да видатъ славу Бога нашего. Си слышавъ патрархъ, повелъ созвати крилость, по обычаю створиша праздникъ, и кадила вожьгоша, пѣнья и лики съставиша. И иде съ ними в церковь, и поставиша я на пространынѣ мѣстѣ, показающе красоту церковнѹю, пѣнья и слѹжбы архиерейски, престолныe дьяконъ, сказающе имъ слѹженье Бога своего. Они же во измѣни вывшe, 8дивищесм, похвалиша слѹжбѹ ихъ».

Нельзя не отметить, однако, следующих моментов, характерных для широкого контекста «Повести временных лет» в целом. Во-первых, этот пассаж не только стилистически значительно менее выразителен, чем следующее за ним повествование умиленных посланцев, он и композиционно ему субординирован, поскольку подготавливает и поясняет рассказ от первого лица и лишь в нем обретает свое завершение и свой смысл. Во-вторых, упоминание некоторых конкретных деталей церковного благолепия — многолюдство клира и певчих, зажженные кадила, — очевидным образом неполно, даже случайно; его явно недостаточно для аналитического разбора на компоненты того нерасчлененного переживания, которое приготовляется для посланцев св. Владимира.

И вот самая, пожалуй, поразительная черта эпизода «испытания вер»: граница между точкой зрения язычника, которому первый раз в его жизни показывают византийскую литургию, и точкой зрения более или менее опытного христианина, сознательно и систематически в литургии участвующего, перестает быть ощутима. Зададим вопрос, тематизированный современной французской критикой языка: “*Qui parle?*” Мы видели, что при наличии обеих форм повествования, в

1-м лице и в 3-м лице, доминирует атмосфера повествования в 1-м лице. И повествователь, и постулируемый им читатель эмоционально и риторически готовы отождествить себя с участниками «испытания вер».

Разумеется, со временем «Повесть временных лет» доходит до более «логоцентрического» и «библиоцентрического» момента в истории русской христианской культуры. Соответствующее место (под 1037 г.), пожалуй, не в меньшей мере памятно каждому: «И въ Ярославъ любя церковные Уставы, попы любаше по великих, излиха же черноризцѣ, и книгамъ прилежка, и почтажа е часто въ нощи и въ дне; и собра писцѣ многы и прекладаше отъ грекъ на словѣньское писмо, и списаша книги многы, и списка, иниже поучашеся въ Ерніи людье наслаждаются ученьемъ Божественнаго». Следует высокоторжественная похвала книгам: «Сы бо суть рѣкы, напающи вселеню, се суть исходища мудрости; книгамъ ве есть неизгнаная глубина; сими бо въ печали утешаеми есмы» и т.д. Однако риторическая эмфаза этого пассажа никак не может компенсировать полного отсутствия конкретных имен и деталей. Порой в рассказе «Повести временных лет» о Ярославе находят сходство с преданием о деятельности болгарского царя Симеона, который должен был представлять собой образец для Ярослава. Так, Б. М. Успенский замечает: «Деятельность Ярослава Мудрого на Руси в какой-то степени повторяет деятельность болгарского царя Симеона (893–927), который также собрал вокруг себя кружок переводчиков с греческого языка во главе с Иоанном Экзархом»³. В наличии известного параллелизма между традицией

³ Успенский Б. А. Краткий очерк истории русского литературного языка (XI–XIX вв.). М., 1994. С. 17, прим. 6.

о временах Симеона и тем, как «Повесть временных лет» изображает Ярослава – обусловлен ли этот параллелизм литературным влиянием или только сходством темы, – сомневаться не приходится. Тем выразительнее контраст: в составе болгарского предания мы находим имя того же Иоанна Экзарха, а знаменитое сочинение черноризца Храбра «О письменах» содержит достаточно конкретную рефлексию над конкретными реалиями книжной культуры...

Но тут же, тут же «Повесть временных лет» переходит от книжной темы все к той же теме *красоты церковной*, созидания и украшения литургического пространства: «**І**арославъ же сей, ако же рѣкохомъ, любимъ бѣ книгамъ, и многы написавъ положи въ святѣй Софии цѣркви, юже созда самъ. **О**краси ю златомъ и срѣвромъ и сосуды церковными...» Храм св. Софии Киевской, конечно, заслуживал летописного упоминания; но в своем качестве конкретизирующей детали упоминание это подчеркивает неравноправность, несимметричность статуса двух тем – «логоцентристической» и «эйконоцентристической». Первая обходится без конкретизации, вторая – нет.

Весьма любопытные параллели к эйконоцентризму «Повести временных лет» мы находим в дошедшем в составе Ипатьевской летописи и восходящем, по-видимому, к концу XII в. сказании о князе Андрее Боголюбском. Когда князь уже умерщвлен и его тело выставлено в выстроенной им соборной церкви, оставшийся ему верным служитель по имени «**Ко**взмище Кіланинъ» в своем сетовании говорит именно об этом храме: «...Иногда бо аче и гость приходилъ изъ Царягорода, и отъ иныхъ странъ, изъ Рѹсской земли, аче Латинянин, и до всего христъянства, и до всѣхъ погани, и рече:

въведѣте и въ церковь и на полаты, да видатъ истиныное христъланъство, и крѣстяться и Болгарѣ, и Жидовѣ, и вся погань, видивше славу Божію и Укращеніе церковноє...» (примечательно вербальное и смысловое сходство все с тем же рассказом «Повести временных лет» об «испытании вер»).

«Укращение церковное», т. е. храмоздательство и вообще поощрение сакральных искусств, служащих лiturгии, фигурирует здесь как материализация душевного устроения благочестивого князя, или, выражаясь в терминах «метафорологии» Ганса Блуменберга, как *абсолютная метафора* этого устроения.

«Сый благовѣрныи и христолюбивыи князь Андрѣи отъ млады вѣрсты Христа возлюбивъ и Пречистую Его Матерь, ...ако полагъ краснъ душю Украсивъ всеми добрыми нравы, Уподобисѧ царю Соломону, ако домъ Господъ Богъ и церковь преславны святыи Богородица Рождества посредѣ города камену создавъ Боголюбомъ и Удиви ю паче всехъ церквин; подобна тобѣ Сватаѧ Святыхъ, юже бѣ Соломонъ царь премудрыи создалъ, тако и сини князь благовѣрныи Андрѣи...»

Уже в Киевском Патерике (XIII в.) мы встречаем имя и агиографически разработанный личный образ иконописца – преп. Алипия. На Западе почитаемое имя было вправе иметь *doctor*, представитель культуры «логоцентрической»; напротив, мастеру, в ручном труде осуществляющему *красоту церковную*, прилично было оставаться безымянным. По преданию, ангельская рука оказала одному флорентийскому живописцу, трудившемуся над образом *Santissima Maria Annuntiata*, то самое благодеяние, что и Алипию, помогши довести труд до конца; но имени флорентийца, в отличие

от имени пещерского инока, предание не называет. А в какой культуре христианского круга мы найдем описание созерцания икон – именно созерцания, в сидячем положении тела, не уставной молитвы перед иконами в узком смысле слова «молитва», – как мистико-аскетического подвига? Однако преп. Иосиф Волоцкий именно так, и притом с большой эмфазой, описывает в поучение своим читателям времяпрепровождение в праздничные дни «богодъхновенныxъ» (!) иконописцев Даниила Черного и Андрея Рублева (*Отвещание любоззорным и сказание въ кратце*, см. Чтения в Об-ве истории и древностей Российских, № 7. Смесь, М., 1847. С. 12). Если канонизация преп. Андрея Рублева, соответствующая современным церковным нормам, произошла на нашей памяти, то почитание святого иконописца началось еще в допетровской Руси и составило важную тему тогдашней агиографической словесности. В качестве воплощенного идеала христианского искусства Андрей Рублев сопоставим с Беато Анджелико, каким последнего описал Вазари; но ощутимо и поучительное различие. Для западного восприятия, выразившегося у Вазари, Беато Анджелико – умелый и благочестивый живописец, который, *кроме того*, и в жизни был безупречным доминиканским аскетом, так что его личная праведность определенным образом отражалась в настроении его творческой деятельности. Для русского восприятия, выразившегося у Иосифа Волоцкого и в других текстах, например, в «Сказании о святых иконописцах», Андрей Рублев свят и праведен именно в своем качестве иконописца, так, что его святость и его труды неразделимы даже логически, почему и возможно увидеть его всматривание в более старые иконы не просто как благородный досуг, *otium*

cum dignitate, и не просто как труд профессионального самоусовершенствования, но именно как аскетический подвиг и как мистическое тайнозрительство.

Стоит вспомнить, что в XVI в., т. е. в классическую пору конфессиональных конфликтов, иезуит Антонио Пассевино, безуспешно пытавшийся склонить Иоанна Грозного к обращению в католицизм и сохранивший от своей неудачи некоторое раздражение против Руси, с неизменной похвалой отмечает одну сторону русской жизни: «скромность и строгость» искусства иконописцев.

Чтобы красоте можно было поверить, это должна быть особая красота. Потворство чувственности, хотя бы субlimированной, и культ самоцельного артистизма – исключены. У странника Макара Ивановича, человека из народа, подслушал герой «Подростка» Достоевского глубоко ранившее его душу старинное слово «благообразие», выраждающее идею красоты как святости и святости как красоты. Красота тесно связана в русской народной поэзии с трудным усилием самоотречения. В песнях о царевиче Иоасафе, уходящем от роскоши царского дворца в суровую пустыню, именно эта пустыня воспевается как «прекрасная пустыня», и обещает она не только тяготы и скорби, но и радости для зрения и слуха, когда «древа листом оденутся, на древах запоет птица райская архангельским голосом». Нигде в русском фольклоре теме красоты ландшафта не дано столько простора, как в этих песнях, воспевающих отказ от соблазнов богатства и неги. Только суровый смысл целого оправдывает перед судом традиционной русской духовности любование красотой, ручаясь за то, что любование это не выродится в гедонизм и красота останется тем, чем должна быть: «благообразием».

А теперь обратимся как раз к «логоцентрическому» аспекту русской церковной культуры. Уже то

обстоятельство, что православные книжники славянства обращались к примеру греческой украшенной речи непосредственно, минуя латинское средостение, побуждало их перенимать не только риторические «фигуры мысли» и «фигуры речи», но, прежде всего иного, словообразовательные модели – великолепие характерных для греческого языка двухкорневых и многокорневых образований. Таковы, например, ключевые слова русской этики и эстетики – все эти «цело-мудрие» (греч. σω-φροσύνη), «благо-образие» (греч. εὐ-σχημοσύνη), «благо-лепие» (греч. εὐ-πρέπεια) и т.п. Каждый, кто читал в подлиннике греческих языческих и христианских авторов, знает, как это важно для приобщения к глубинному уровню греческой эстетики слова. Из века в век, из тысячелетия в тысячелетие некоторые специфические возможности торжественности, глубокомыслия, но также остроумия находили реализацию именно в таких словах. Красота целой грозди слов, как бы сцепляющихся в единое слово, – это самая суть греческого вкуса к слову; и она-то была принята к сердцу русским народом, и притом на века.

Призовем в свидетели не какого-нибудь особого ценителя славянизмов, вроде Шишкова или святителя Филарета Московского в XIX в. и Вячеслава Иванова в XX в., даже не специалиста по тонкостям церковного обихода и коллекционера языковых раритетов, каким был замечательный русский прозаик Николай Лесков. Ради чистоты эксперимента мы не станем обращаться к русским консервативным романтикам славянофильского или неославянофильского толка. Нет, нашим свидетелем будет автор совсем иного рода, трезвейший из реалистов – Чехов. У Чехова есть зарисовка картины нравов, которая называется «Святою ночью» и опубли-

кована в 1886 г. Мы слышим там голос совсем простого человека – послушника Иеронима, который восторженно выражает свою привязанность к самым сложным, на греческий лад тяжеловесно-торжественным лексемам из обихода православной гимнографии: «Древо светлоплодовитое... древо благосеннолистенное... Найдет же такие слова! Даст же Господь такую способность! Для краткости много слов и мыслей пригонит в одно слово, и как это у него выходит плавно и обстоятельно! „Светоподательна светильника сущим...“ сказано в акафисте к Иисусу Сладчайшему. Светоподательна! Слова такого нет ни в разговоре, ни в книгах, а ведь придумал же его, нашел в уме своем!.. И всякое восклицание нужно так составить, чтобы оно было гладенько и для уха вольготней».

Несколько пояснений насчет греческого источника многокорневых словообразований, которыми так воссторгается смиренный послушник. «Древо светлоплодовитое» – это δένδρον ἀγαθόκαρπον, «древо благосеннолистенное» – это ζύλον εὐσκιόφυλλον, и оба эпитета заимствованы из знаменитого ранневизантийского гимна, который по-гречески называется *Τυμος Ακαθιστος*.

Устами простосердечного Иеронима говорит не только почтение к святыне веры, но также – нераздельно с таким почтением – неподдельное, спонтанное увлечение игрой со словами, полной торжественности и самого серьезного веселья, которое по-русски называется «витийство».

А теперь несколько слов о том измерении красоты, которое позволительно назвать, скажем, «космическим».

Кульминация православного церковного года – это, без сомнения, Пасха, имеющая преимущество даже в сравнении с Рождеством. Кто хоть однажды пережил

пасхальную всенощную в греческом или русском соборе или приходском храме, не сможет в этом усомниться. Православная Пасха не сводима до конца к календарной дате, она излучает свою сущность на все дни года. Прежде всего, конечно, на каждое воскресенье – день недели, получающий в русском языке самое свое наименование от пасхального события. Весь приход поёт еженедельно на каждой воскресной заутрене: «*Воскресение Христово видевше...*». Но не только воскресенье может служить отблеском и как бы иконой Пасхи. Величайший русский святой послепетровской поры преп. Серафим Саровский (1760–1830) имел обыкновение круглый год приветствовать каждого пасхальным приветствием: «*Христос воскресе!*». Итак, всё время (и, разумеется, вся вечность!) стоят для верующего в конечном счете под знаком Пасхи.

Нам уже приходилось говорить о том, какое значение имеет в контексте православной мистики имя. Поэтому особенно важно, что Пасха – единственный праздник, имя которого в литургической поэзии вводится в число имен Самого Христа. Слово «Пасха» восходит к греческому *ΠΑΣΧΑ*, фонетически точно передающему арамейское *pashha*. А это слово употребляется в Ветхом Завете также и для обозначения пасхального ягненка; апостол Павел применяет его к Спасителю, принявшему заклание для спасения людей (I Кол 5:7). Это именование Христа сызнова звучит в каждом православном храме в каждую пасхальную ночь, когда от экстатического напева у богомольца перехватывает дух: «*Пасха священная нам днесь показася, / Пасха нова, святая, / Пасха таинственная, / Пасха всечестная, / Пасха, Христос Избавитель...*».

Космическое измерение православного понимания Пасхи заслуживает быть рассмотренным особо. Соот-

нессенность с космосом получает здесь особый шанс, между прочим, и потому, что антропоцентрически-героическая западная иконография, представляющая выход Воскресшего из гроба, строго говоря, не совсем приемлема для православной традиции: ведь никто из людей не видел событие Воскресения, а потому оно и не может быть изображено «исторически». (Еще в нашем столетии такую точку зрения энергично защищал известный русский богослов иконы Леонид Успенский.) Вместо этого традиционное византийское и древнерусское иконописание дает темы, непосредственно ориентированные на бытие всемирное: прежде всего, Сочество во ад, также встречу воскресшего «Садовника» с Марией Магдалиной посреди райской растительности.

Пасха как праздник освящения всего сущего, весна как природно-космическая притча о том, как обновляется дух человека, – таковы лейтмотивы великолепной проповеди греческого Отца Церкви Григория Назианзина, именуемого Богословом († 390). В ходе этого размышления о пасхальной гармонии стихий обнаруживается общеправославная склонность к такому образу мира, для которого Пасха служила бы средоточием: *«... Царица времен года сопровождает царя дней и раздаёт щедрой рукой самое прекрасное и самое радостное, что у нее есть. Ныне ясней сияют небеса. Ныне солнце восходит выше в золотом блеске. Ныне светлее лучится круг луны и чище блестит венец звезд. Ныне волны мирно сочетаются с берегами, солнце – с облаками, земля – с растениями, растения – с нашими взорами»* (Or. 44, Migne PG 36,608 sqq.).

В самом начале исторического пути русской литературы мы уже встречаем захватывающую разработку природных и космических аспектов православной

пасхальной мистики. Это проповедь высокоодаренного церковного витии XII в. Кирилла, епископа города Турова, на Фомино воскресенье: «*В минувшую неделю святыя Пасхи [...] всему пременение бысть. Сътвори бо ся небом земля, очищена Богом от бесовьских скверн [...]. Ныне небеса просветишася, темных облак яко вретища съвleckыше, и светлынь въздухомъ славу Господню исповедаютъ...».*

И в русской лирике XX века мы находим некоторое соответствие пасхально-весеннему космизму Григория Богослова и Кирилла Туровского – правда, в разработке, далекой от стародавней простоты. Позднее стихотворение Бориса Пастернака «На Страстной» (из последней главы романа «Доктор Живаго») открывается импрессионистическими пейзажными зарисовками, обрамляющими реальность литургии:

*...И вносит с улицы в притвор
Весну, весенний разговор
И воздух с привкусом просфор
И вешнего угара...*

И природа, и литургические уставные действия подготавливают главное – чудо Распятого и Воскресшего:

*Но в полночь смолкнут тварь и плоть,
Заслышав слух весенний,
Что только-только распогодь –
Смерть можно будет побороть
Усилем воскресенья.*

Для целей, которыеставил себе Пастернак, немаловажно, что он хотел здесь именно верности общерусскому переживанию церковного года.

К 700-летию со дня рождения преподобного Сергия Радонежского

Наталья Белевцева

ОБРАЗ ПРЕПОДОБНОГО СЕРГИЯ РАДОНЕЖСКОГО В ТВОРЧЕСТВЕ Ю. Н. РЕЙТЛИНГЕР (ИНОКИНИ ИОАННЫ)¹

Личность и творчество Юлии Николаевны Рейтлингер (в монашестве сестры Иоанны, 1898–1988) сейчас уже известны многим, интересующимся художественным наследием русской эмиграции. Для Дома русского зарубежья им. Александра Солженицына (в дальнейшем ДРЗ)² Юлия Николаевна является особенным персонажем, т.к. в ДРЗ накапливается фонд её имени, начало которому положили росписи церкви св. Иоанна Воина в Медоне (Франция), выполненные ею в 1932 г. и спасенные, а затем перевезенные Никитой Алексеевичем Струве в 2003 г. в Москву. Собранные из фрагментов, прошедшие семилетнюю реставрацию, они выставлены для всеобщего обозрения.

Юлия Николаевна родилась и провела детство в Петербурге. Оба её деда (Александр Иванович Рейтлингер и Николай Степанович Гонецкий) были участниками русско-турецкой войны 1853–1855 гг., генералы.

¹ Текст выступления на Международной Научной конференции «Образ, наследие и традиции преподобного Сергия Радонежского в культуре Русского зарубежья» (27–28 октября 2014 г., Москва, Дом Русского Зарубежья).

² Москва, ул. Нижняя Радищевская, д. 2.

Отец – высокопоставленный служащий. Мать, Лидия, воспитанница Смольного института, поклонница Ушинского. В гимназии постоянно что-то зарисовывающая девочка получила прозвище «Рейтлингер-художница», дальнейшие ее занятия – в школе Общества поощрения художеств.

В 1918 г. в Крыму, в Олеизе юная Юлия Рейтлингер знакомится со священником Сергием Булгаковым (1871–1944) (он недавно рукоположен и служит в Гаспре), и эта встреча определяет всю ее дальнейшую жизнь. Она становится не только духовной дочерью отца Сергия, но его помощницей и другом на всю жизнь.

Путь Юлии Николаевны – это история русской эмиграции и реэмиграции. Осень 1921 г. – после смерти матери бегство из Крыма в Варшаву к отцу, затем Прага (философский факультет Карлова университета и первые занятия иконой), а с 1925 г. – Париж, переезд в который устроил о. Сергий, возглавивший кафедру догматического богословия в Свято-Сергиевском Богословском институте. Кратковременные уроки у призданного иконописца Д. Стеллецкого («научиться ничему не могла»), консультации у старообрядческих мастеров, в частности у Пимена Софронова, и трехгодичный курс религиозного искусства в мастерской Мориса Дени, где она больше всего ценит штудии по композиции. «Общего художественного развития получила я от них очень много. Но в чем-то – поскольку католическая картина разнится от иконы – мне надо было впоследствии идти как бы “от противного”», – писала она в Автобиографии³. Занятия в Национальной библиотеке давали возможность в иллюстрациях видеть мировое

³ Вестник РХД № 159. 1990. С. 84–104.

иконописное наследие. В 1928 г. Юлия Николаевна специально едет из Парижа в Мюнхен, чтобы посмотреть большую выставку икон, привезенную из СССР («...глаз не оторвать от Троицы Рублева!»). С этого времени она в постоянных поисках нового пути, по ее выражению, – к «творческой иконе», т.е. такого пути в иконописании, чтобы через неё, как художника, говорил «дух времени»⁴. Она – в центре религиозного возрождения, который олицетворяли философы Николай Бердяев и Борис Вышеславцев, христианские мыслители Георгий Федотов, Василий Зеньковский и Владимир Ильин, историк искусства Владимир Вейдле, богослов Лев Зандер, наконец, мать Мария (Скобцова) и о. Сергий Булгаков. Она живет при Свято-Сергиевском богословском институте, помогая по хозяйству в семье о. Сергия. Их отношения не исчерпывались его наставничеством и ее послушничеством, они были сотрудниками на пути стяжания Духа Божьего. Еще в Праге его очень поддерживал «дивный образ Софии», подаренный Юлией. Она вполне разделяла его учение о софийности мира. Ведь недаром о. Сергий тогда, в 1923 г. записал в своем дневнике: «Я считаю, что внутренне меня слушает и слышит одна Юля»⁵. А в письме к ней от 11/24 августа 1929 г. признается: «...с тобой и на тебе я с радостью постигаю, что изображение, софийную телесность Богочеловека как человека передают не только формы и черты, но и краски, свет и цвет. Краски суть *свойства* Христова человечества, софийны. [...] Краски суть софиесловие, следовательно, богословие.

⁴ Из письма Ю. Н. Рейтлингер прот. Александру Меню от 07.03.1982 г. // Умное небо. М., 2002. С. 375.

⁵ Булгаков Сергий, прот. Из памяти сердца. Орёл. 2000. С. 115.

[...] Ты – богослов настоящий, софийный, – и я о тебе радуюсь, мой друг и товарищ»⁶.

Наша тема – это «Образ прп. Сергия в творчестве Ю. Н. Рейтлингер».

Рассмотрим в хронологической последовательности иконы прп. Сергия, написанные Юлией Николаевной.

Образ прп. Сергия Радонежского занимал значительное место в творчестве Юлии Николаевны не только как образ величайшего святого земли русской, но и как небесный покровитель о. Сергия Булгакова. Также именем преподобного был назван Богословский институт в Париже, храм которого был расписан Дм. Стельцким в 1925–27 годах, (в то время, когда в Париж перебралась Юлия Николаевна), – изображение на храмовой иконе там в полный рост.

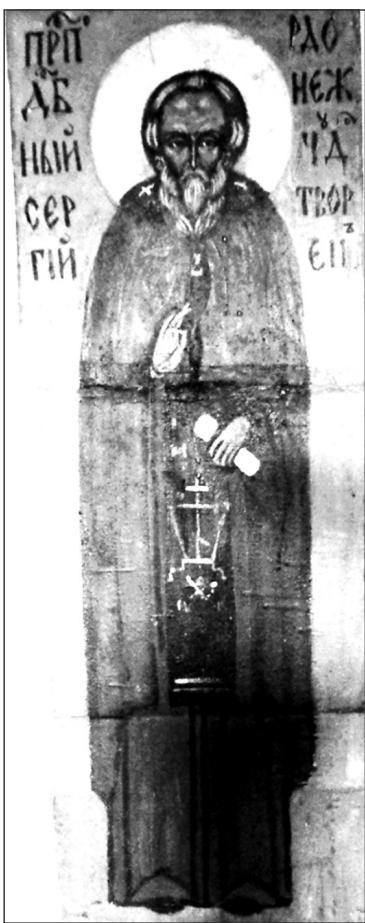
⁶ Вестник РХД № 182. Париж, Нью-Йорк, Москва. 2001. С. 71.

Такую полноростовую икону пишет и Ю. Н. для храма Св. Иоанна Воина в Медоне в 1932 г. Этот храм был построен в 1929 г. усилиями той части медонской общины, что поддержала послание митрополита Сергия Страгородского (1927 г.) о лояльности по отношению к советской власти («ваши радости – наши радости» и т.д.) в форме *отказа от антисоветской деятельности*. Митрополит Евлогий, который управлял «лояльными» западно-европейскими приходами и был настроен на соединение с Матерью-Церковью (МП), назначает настоятелем нового храма отца Андрея Сергеенко (1902–1973), по словам владыки, священника «незаурядного [...] склонного к мистической жизни», но и деятельного работника. Отец Андрей выбрал для росписи храма оригинальную в своем творчестве Ю. Н. Рейтлингер.

Вот что сама Юлия Николаевна рассказывает о том времени: «...кроме икон – я еще брежу фреской. Но нет стены!

В Париже закрывалась колониальная выставка. Многие павильоны были оформлены модным изобретением – краской Stiess, подражающей фреске. У меня был выгодный урок. Купила на свои деньги на слом фанеру, подготовленную этой краской – по ней можно писать еще новой. С благословения о. Андрея Сергеенко мы обшли церковь-барак в Медоне, где он служил, и я расписала его [...].»

Когда роспись была закончена, историк искусства В. В. Вейдле осмыслил работу Юлии Николаевны так: «Глядя на эти большие плоскости, смело обобщенные линии, дневные непритушенные краски, вспоминаешь Матисса (или все, что во французском искусстве прямо или косвенно исходит от него), но одновременно чувствуешь и глубокую, отнюдь не насильтвенную, а вполне

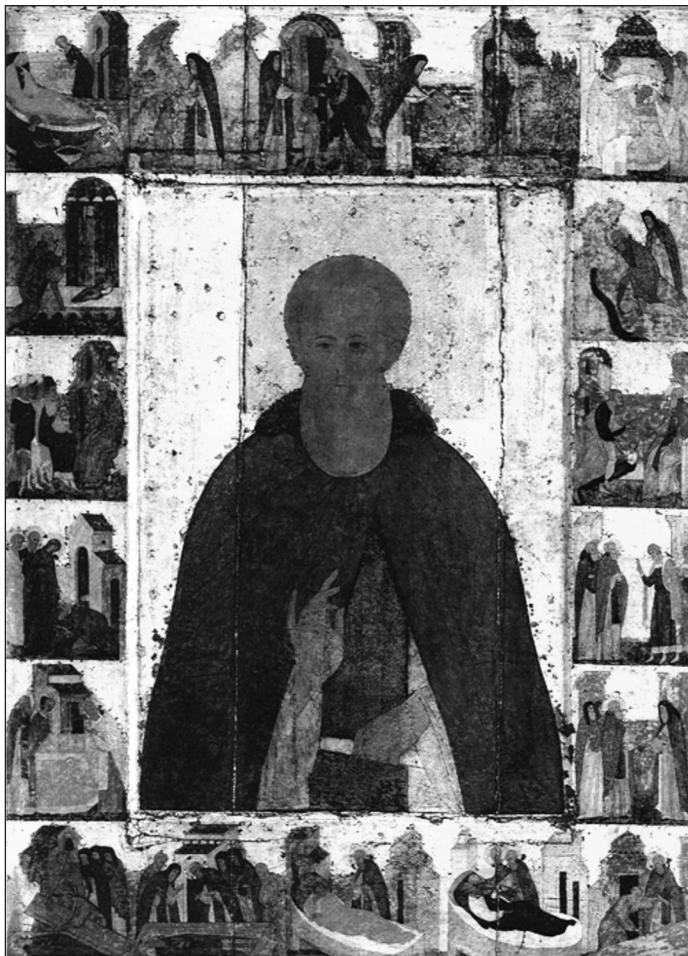
Изображение с благословляющим жестом правой руки и свёрнутым свитком в левой. Иконография верха, до бёдер, восходит к традиции XV–XVI вв. и её можно соотнести, например, с иконой из *Троицкого собора Троице-Сергиевой Лавры*:

органическую связь с духом и стилем древней нашей иконописи; связь, ничего не имеющую общего с мертвенным внешним подражанием; связь, объясняемую не натурой стилизатора, а родством вдохновения, дара и молитвенного чувства⁷.

Были расписаны стены и написан иконостас. Он сгорел, когда в церкви жили бездомные, вероятно, в 1970-е годы. Росписи перед уничтожением церкви были сняты Н. А. Струве, т. к. имели фанерную основу, и большой частью во фрагментах перевезены в Москву.

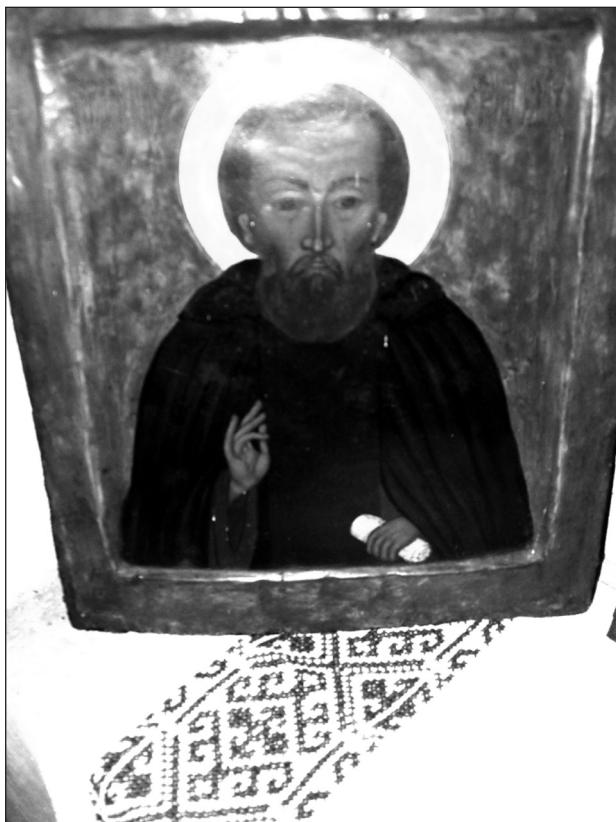
Спасённый фрагмент с образом прп. Сергия размером 115,0 x 40,5 см выставлен на галерее второго этажа ДРЗ.

⁷ «Числа», № 7–8, 1933 г. С. 257.

Преподобный Сергий Радонежский, с житием
Конец XV века (?). Троице-Сергиева Лавра

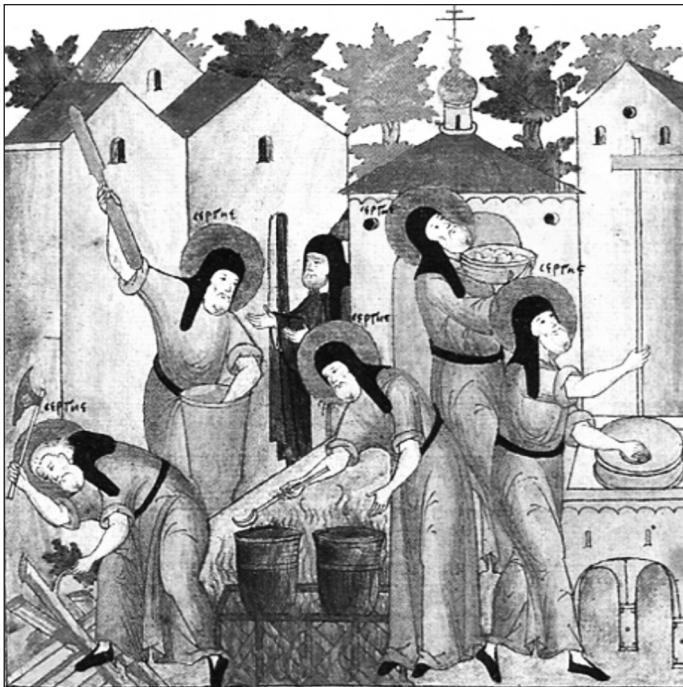
Низ образа Ю. Н. пишет как на византийских иконах: эти параллельно-вертикальные складки одежды унаследовала Византия от античности. В изображении у Ю. Н. ряса не «волнуется», как у Стelleцкого, и

мантия в её образе прилегает к рясе, а не распахнута, как у Стеллецкого. Всё очень строго, краски скромны: тёмная мантия, алая ряса и синяя епитрахиль – характерные сочетания Медонской росписи.

Подобная иконография, но поясная – в иконе, хранящейся в Муазене.

Это был 1938 г., Ю. Н. уже три года – монахиня, постриженная в рясофор митрополитом Евлогием. В деревушке Муазене в 60 км к востоку от Парижа отец Евфимий Вендт (1894, Россия – 1973, Франция) основал

Миниатюра из рукописи лицевого Жития прп. Сергия конца XVI века из собрания РГБ

женский скит. Ю. Н. написала иконостас для церкви, которая долгие годы размещалась в подвале жилого дома на территории монастыря. Строительство отдельного храма по чертежам о. Евфимия продолжалось около 15 лет с 1955 г. до 1969 года. Но ещё до его завершения, расписывать церковь был приглашён о. Григорий Круг, который в 1964–66 годах создал в ней свои фрески и некоторые храмовые иконы. Тогда же из прежней церкви в новый храм был перемещен ряд икон и иконостас письма с. Иоанны.

Николай Перих.
Сергий строитель, 1924 г.

Чаще всего Сергий изображается строителем, плотником, как на ранних (*Миниатюра из рукописи лицевого Жития преп. Сергия конца XVI века из собрания РГБ*), так и поздних изображениях (Н. Перих).

Именно Сергий строитель опоэтизирован Борисом Зайцевым: «“Сам рубил избу в лапу”. Сергий вырос в сосновых лесах, выучился этому ремеслу. Чрез столетия сохранил образ плотника, святого, неустанного строителя сеней, церквей, келий. И в благоухании его святости так явствен аромат сосновой стружки. Поистине Сергий мог считаться по-

кровителем этого великорусского ремесла».

Икона в Муазене написана в стиле «реа-символизма» (термин Ю. Н.): действительно ветхие одежды и вообще сирость какая-та даже в пейзаже, символизирующая скучность первоначальной жизни на Маковце. Разница принципов иконописания особенно очевидна, при сравнении этой иконы с росписью 2000-х годов в Святых воротах Троице-Сергиевой Лавры (вероятно, имеющей более ранний прототип).

Но вернёмся к прп. Сергию с лопатой у Ю. Н. С этой рабочей позы и одновременно позы предложения-призыва-принятия, типичной для профильных/ в четверть изображений святых в полный рост, начинается ряд изображений прп. Сергия у Ю. Н.

В конце 1930-х через Наталью Парэн [ур. Челпанова, 1897 (Киев) – 1958 (Со, близ Парижа)], жену бывшего в 1920-е годы атташе по культуре Французского посольства в СССР Бориса Парэна, выехавшую в 1926 г. с мужем во Францию, художницу, книжного графика, Ю. Н. знакомится с «новейшими изданиями советской детской книги. Я была от них в восторге – «вот бы так – религиозные!» Меня захватил «миссионерский пыл». Своими жалкими средствами (никогда иллюстрацией

не занималась, тираж – мой собственный – мизерный) [...] сделала «Мальчик у Христа на елке», «Где любовь, там и Бог» (они света не увидели), «Герасим и его лев» – сперва ручным способом трафаретом – 60 экземпляров, потом французская писательница снабдила французским текстом, и эта книга выдержала несколько изданий: имела большой успех».

В фонде ДРЗ хранятся и книжка «Герасим и его лев», и иллюстрации к рассказу-притче Л. Толстого «Где любовь, там и Бог», и иллюстрации к детской книжке о святых. Есть среди них и две иллюстрации, посвященные прп. Сергию.

Первая – «Явление отроку Варфоломею».

Дивное изображение детской кротости и провидческой милости странника-ангела. Гармоническое равновесие композиции достигается круговоротом лошадок в правом верхнем поле. Краски нанесены, как на детской раскраске.

Вторая – к истории «Чуда о хлебах».

Сюжет из первых лет существования обители прп. Сергия. Тогда в ней многоного не хватало. Однажды кончилась вся еда. А ходить за подаянием в окрестные деревни монахам прп. Сергий не разрешал. Назревало недовольство. Преподобный собрал всю братию и стал поучать и утешать их, объясняя, что нужно «терпеть с верой и благодарностью» и тогда «испытание послужит на пользу и доставит великую награду».

В этот момент в ворота обители постучали – за ними стоял воз, нагруженный хлебом. И на следующий, и на

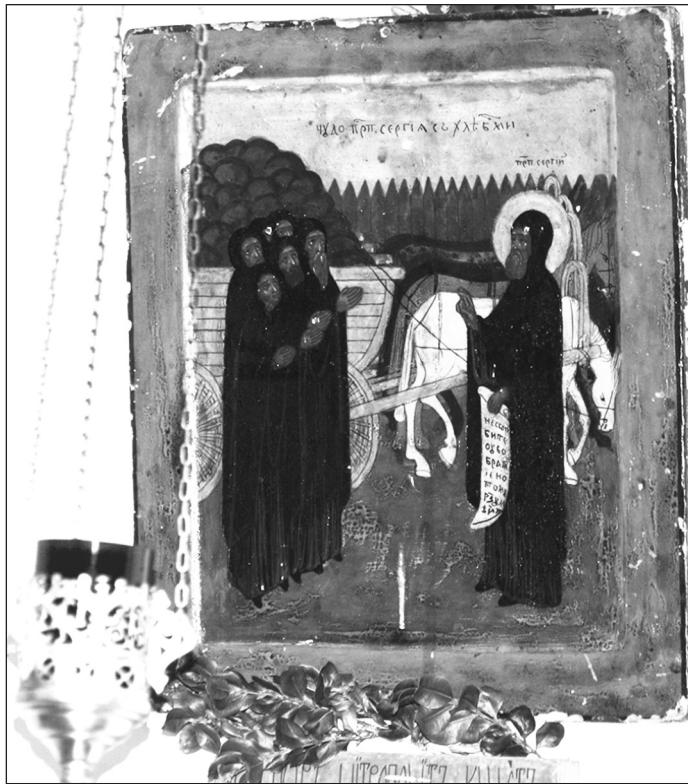
третий день в монастырь было привезено множество снеди.

Трогательно по-детски зеркальное изображение рук монахов и преподобного: Вот видите! – Надо же!

Это изображение иконографически может восходить к миниатюре из рукописи лицевого Жития прп. Сергия конца XVI века из собрания РГБ:

Тот же сюжет на иконе из трапезной Богословского института Свято-Сергиевского подворья в Париже. Здесь Сергий благославляющий со свитком, на котором слова: «(Не скорбите убо братие моя но по сему разумейте). аще угодны будут дела моя пред Богом, то и обитель сия не оскудеет». Слова, которые канонически

сопровождают иконы многих святых. Икона «взрослая», но сказочные лошадки придают ей детскую интонацию. И что важно: прп. Сергий чуть выше монахов, но не над ними. Это тоже «реа-символизм»...

В Духовном дневнике той поры Юлия Николаевна записывает свое настроение при создании иконы прп. Сергия: «Душа поёт радостные светлые краски. Почему это похоже на изображение рая? Потому что святой сам и есть кусочек рая. И изображая даже тот мир, который его окружал, в котором он жил (пейзаж, церковка), будет вполне правдиво и это изобразить, как рай, потому

что святой сам преображал себя и преображал окружающее; так видел он это окружающее и жил в преображенном его аспекте – будучи и здесь и не здесь одновременно, пока не переселился от жизни сей, но пребывает с нами всегда»⁸.

Но ещё до работы в Муазене и до детских книжек, в том же 1938 г. сестра Иоанна написала триптих для храма экуменического Братства преподобного Сергия и мученика Албания в богословском колледже в Мерфилде, на севере Англии.

Кратко об экуменизме и Братстве

Вся деятельность РСХД и Православного института в Париже была направлена на духовное объединение христиан. Главными движителями в этом процессе были о. Сергий Булгаков и Николай Михайлович Зернов (1898, Москва – 1980, Оксфорд, Англия). (Зернов стал и первым редактором Вестника РСХД). После конференции РСХД в Пшерове – «Пшеровской Пятидесятницы» (1923 г.), съезды Движения устраивались ежегодно во многих уголках Европы.

Так в январе 1927 г. состоялся съезд в городке Сент-Албансе (Св. Албания), недалеко от Лондона. Его главной задачей было сближение православных и англикан. Этому способствовала деятельность Н. М. Зернова, который был хорошо осведомлен об интересе англикан к православию. Вот как он вспоминал о дне открытия съезда: «В нем участвовало 30 англичан и 12 русских. Английская чинная публика была удивлена [...] увидав

⁸ Диалог художника и богослова. Ю. Н. Рейтлингер (сестра Иоанна) и о. Сергий Булгаков. – М.: Никея. 2010. С. 185–186.

на станции необычайную группу приехавших путешественников. В центре её выделялась характерная фигура о. Булгакова, в тяжелой рясе русского покроя, с длинными волосами и седой бородой. Вокруг него толпились другие профессора и студенты из Парижа. Отдельно от них стояла английская делегация, среди неё привлекали внимание англиканские монахи из Келхама с красными веревочными поясами»⁹.

Уже через год Съезд состоялся в Англии второй раз. На втором «английском» съезде и возникло Братство св Албания¹⁰ и прп. Сергия Радонежского. На третьем съезде Братства в 1933 г. о. Сергий Булгаков даже выступил с предложением допустить к причастию англикан, что не было понято. Но в 1936 г., в Париже, и это зафиксировала хроника, на очередной конференции Содружества, митр. Евлогий пригласил англиканского «епископа Фрира совершить англикансое богослужение в соборе св. Александра Невского. В полном епископском облачении, стоя на архиерейском месте в центре храма, Фрир провёл службу в окружении множества русских православных прихожан. Это был первый случай, когда англикансое богослужение совершалось в православном храме в присутствии русской общины. Оно стало знаком литургического признания русским епархиальным епископом англиканского епископа как своего брата. Эта конференция была организована Парижским отделением Содружества, объединившим большую группу русской православной молодежи под руководством о. Булгакова»¹¹.

⁹ Зернов Николай. За Рубежом. Париж. 1973. С. 112–113.

¹⁰ Первомученик Британии (IV в.).

¹¹ Сборник статей юбилейного номера журнала «Соборность». Париж, 1998. С. 20.

Далее сближение не продолжилось. В 1938 г. еп. Фрир скончался.

Для того, чтобы почтить память председателя Братства святого Албания и преподобного Сергия, Уолтера Фрира (епископа Тирского), Братство в 1938 г. пригласило сестру Иоанну написать икону Христа Вседержителя с предстоящими – святыми-покровителями Братства в часовне-храме над могилой еп. Фрира.

В Автобиографии Юлия Николаевна об этом вспоминает так:

«Первая поездка в Англию. [1938] Братство св. Албания и преп. Сергия пригласило меня написать триптих для храма в богословском колледже в Mirfield, на севере Англии – дар его этому колледжу. Поехала туда, жила в женском монастыре, откуда автобусом ежедневно ездила работать над триптихом в колледж. Посередине – Спас, по бокам – преп[одобный] Сергий и муч[еник] Албаний. Храм – последнее слово современной англиканской архитектуры. Триптих был огромный, и так подавлял своими размерами и своим м.б. стилем – слишком православный, что впоследствии, когда все было готово, вызвал ропот среди руководителей колледжа, как мне рассказывали, почти до раскола. Чем дело кончилось – я не знаю».

Далее мы хотим процитировать свидетельство исследовательницы творчества с. Иоанны, живущей в Англии Татьяны Константиновны Юдиной: «Огромная, сияющая, светоносная – золото и лазурь – трёхстворчатая икона хорошо видна от входа на хоры, которые в англиканских церквях располагаются внизу, между «кораблём» и алтарём, восходя ступеньками на обе стороны от главного прохода. Во время Великого

Поста её створки закрыты, тогда на них снаружи можно видеть только крест, написанный во всю их высоту и ширину (почти 2 х 1¼ м). Ширина раскрыто го триптиха составляет около 2,5 м. В центральной его части – изображение Христа на небесном престоле. Известный в Византии уже с VI века, в России получил особое распространение в XIV–XV веках под именем «Спас в силах» или «Христос в славе». Это – целый богословский трактат в красках. [...] Трактовка образа сестрой Иоанной полностью совпадает с канонической и основывается на Писании, Предании и поучениях отцов Церкви. Фон иконы – светло-фиисташковый – весенний, с прозрачно-клейкими листочками, земли. На нём хрустально-голубой овал – мир духовный, сфера бесплотных сил; внутри него – овал тёмно-охристый – светозарная энергия мира Божественного. Спаситель восседает на престоле в виде двухцветной (розовый – утренняя заря, золотой – полуденное солнце) радуги. [...] Космический аспект Церкви-Христа раскрывается в изображении синергии (сотрудничества) Бога и Человека: в верхних углах средней части триптиха (в 1/16-ю часть его размера), справа и слева от Спасителя (соответственно) помещены погрудные «иконы в иконе» святого мученика Албания и преподобного Сергия Радонежского, а на внутренней части створок, в полный рост, во всю их высоту – преподобный Серафим Саровский и святитель Василий Великий».

«Триптих в конце концов был «принят» англиканскими священниками настолько что, он и поныне является (теперь уже – неотъемлемой) частью церкви колледжа и монастыря (общины Воскресения – Community of the Resurrection). Он располагается над алтарём

бокового придела церкви – освящённого во имя святителя Василия Великого»¹².

После окончания работы в Мёрфильде с. Иоанна послала чёрно-белое (цветных тогда ещё не делали) фото триптиха о. Сергию, который не замедлил отозваться письмом:

«3 октября 1938 г.

[...] Поздравляю тебя с окончанием работы, твоя энергия и рабочее напряжение прямо удивительны. Композиция величественна и иератична, хотя без красок не хватает моего воображения. Преп. Серафим

¹² Юдина Т. К. Проводники света невечернего. Комментированная автобиография инокини-иконописца Иоанны с отступлениями и дополнениями. – Архив ДРЗ. Фонд № 36. Рейтлингер Юлия Николаевна (сестра Иоанна). Оп. 3, ед. хр. 12а.

композиции непривычно для нас выпрямлен и вытянут, но, очевидно, иначе нельзя. Вседержитель не суров [...], но благостен. [...] Но оба символические образа Fellowship – преп. Сергия и муч. Албания – выступают рельефно и в то же время не разрушают целого. [...] Еще раз поздравляю и сорадуюсь»¹³.

Юлия Николаевна работала над Триптихом полтора месяца (см. Духовный дневник) в августе-сентябре 1938 г.

Затем, уже после смерти о. Сергия, в 1947 г., с. Иоанна расписала в Лондоне часовню при доме Братства. Эти росписи сохранились, сейчас они в англиканском монастыре Святой Троицы в Кроули (Западная Англия).

Строки из Автобиографии об этом:

«Братство св. Албания и преп. Сергия купило в Лондоне дом (на ул. Ladbroke Grove). Пригласили меня расписать «часовню» – одна из комнат нижнего этажа с тамбуром.

Обшили стены (наконец-то – стена! хоть и фанера) фанерой и залевкали ее.

История церкви: вверху – фриз от сотворения мира до конца Апокалипсиса; внизу – отцы Церкви, святые англиканские и православные. В тамбурае (– алтаре) Агнец, стоящий на верху горы, старцы с гуслями.

Одноярусный иконостас – Спаситель, Матерь Божья, муч. Албаний и преп. Сергий».

Святые – в полный рост, каждый на фоне своего родного храмового пейзажа, в то же время находятся в каком-то единстве диалога. Св. Албаний изображен воином с крестом и мечом (он был обезглавлен), прп. Сергий почти обращен к мученику благословляющим жестом

¹³ Умное небо. М., 2002. С. 534.

со свитком, имеющим начальные слова: «(Не скорбите убо братие моя но по сему разумейте). аще угодны будут дела моя пред Богом, то и обитель сия не оскудеет». Это относится и к обители, для которой писалась икона.

Вот, что констатировал в 1940-е годы митр. Евлогий: «Если говорить об отношениях нашей зарубежной Церкви, в частности, с англиканами, надо признать, что общение с ними продолжает укрепляться. Особенно оживленную деятельность развивало (и по сей день

развивает) содружество святого мученика Албания и Преподобного Сергия Радонежского – англо-русское Братство, объединяющее преимущественно молодое поколение. [...] На этих собраниях не только обсуждаются церковные вопросы, но и совместно молятся; ежедневно бывает богослужение – Литургия, по очереди: сегодня православные служат, завтра англикане. Есть общая икона Преподобного Сергия и святого Албания, к которой прикладываются все – православные и англикане»¹⁴.

В 1944 г. перед своей смертью о. Сергий наказал с. Иоанне: «Возвращайся на Родину, Юля, и неси свой крест. И, слышишь, Юля, с радостью неси!». В 1946 г. она переехала в Чехословакию и до 1955 г. ждала разрешения на въезд в СССР. Жить в Москве или в Ленинграде Юлии Николаевне не позволили, – она была «распределена» на жительство в Ташкент. Там заработала себе пенсию росписью шелковых платков. Приезжала в Москву летом, чтобы спасать свои больные глаза от среднеазиатской жары, а главное – общаться.

В последние пятнадцать лет жизни с. Иоанны ее духовным отцом становится о. Александр Мень. Ему она передает облачение о. Сергия, которое привезла из Франции и бережно сохраняла многие десятилетия. По просьбам, можно сказать, по заказам о. Александра, Юлия Николаевна писала иконы для домов его прихожан. Писала для знакомых и незнакомых. Но с семьей

¹⁴ Евлогий (Георгиевский), митр. Путь моей жизни. Гл. 22. Экуменическое движение. – М.: Московский рабочий. 1994. С. 546–547.

Мичуриных-Лачиновых она была близка с давних пор. В Ташкенте у неё была подруга Нина Николаевна Мичурина, урожд. Лачинова (1907 – кон. 1970-х?), очень дальняя родственница поэта Ф. И. Тютчева. После революции через Харбин эмигрировавшая в Японию. Там она познакомилась с художницей Варварой Дмитриевной Бубновой (1886–1983) и стала ее доверенным лицом. Известна их переписка. Муж Нины Николаевны Александр Павлович Мичурин (1877–1957) был другом Н. О. Лосского (1870–1965), преподавал в Шанхае философию, а в Токио, в Институте иностранных языков (Гайго) русский язык. В 1958 г. Нина Николаевна, уже будучи вдовой, вернулась в СССР и тоже была «распределена» в Ташкент.

В 1968 г. Нину Николаевну неудачно прооперировали, и она ослепла. Юлия Николаевна и Нина Николаевна постоянно заботились друг о друге – глухая, но крепкая Ю. Н. и слепая и хрупкая Н. Н. Жили они далеко друг от друга, но Ю. Н. часто бывала у Н. Н., старалась помочь ей, поговорить с ней. Когда Нина Николаевна стала совсем беспомощна, её перевез в Москву племянник. Михаил Борисович Лачинов. Для его семьи Юлия Николаевна написала чудный складень, соединив все дорогие ей идеи и имена. Центральная часть: София, Премудрость Божия с предстоящими – Богородицей с Младенцем Христом во чреве и Иоанном Предтечей; их как бы обнимает Христос, опираясь на сияние (мандорлу), охватывающую Премудрость, Богородицу и Иоанна. Правая створка – прп. Серафим Саровский, левая – прп. Сергий Радонежский – оба на лещадках, покрытых ёлочками; руки их обращены к Центру в жесте принятия Божьей Премудрости.

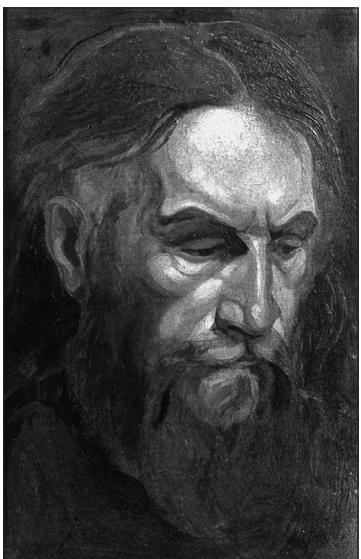
Прямоугольный рельеф складня смягчен и украшен фризом в виде куполообразных закомар: по центру с Троицей, по бокам – с херувимами. Фон – «свет», «умное небо» (т. е. мир ангельский) золотого тона, София – алая.

Этот складень писался в Москве, в доме искусства-веда и реставратора живописи Ольги Павловны Постернак в самом начале 1970-х.

Во всех изображениях прп. Сергия Юлии Николаевне удавалось сочетать древнерусскую традицию иконописания с духом XX века, который звучит в сочетании красок, в деталях и особенностях композиции.

Хочется отметить, что в каждом лице прп. Сергия у Юлии Николаевны можно увидеть иконописные черты её духовного отца и друга Сергея Булгакова.

В Дневнике отца Сергия есть такая запись-молитва, обращенная к его святому:

Портрет работы
Ю. Н. Рейтлингер.
Отец Сергий Булгаков.
Париж. 1936 г.

свойства и слабости, но, кажется, и самую природу. Кто может приблизиться мыслью к этому уединению двухлетнему в дремучем лесу, этой смерти заживо, в себе соединяющей все образы креста: и от одиночества, и от слабости, и от зверей, и от стужи, и от голода? Кто может? Но молчаливый ответ о том, что там было, был храм во имя св. Живоначальной Троицы; Преподобный Сергий ведал там, в пустыне, тайну Пресв. Троицы, Любви-Бога. И он же уведал и тайну Матери Божией, Духа Святого»¹⁵.

«Преподобный отче Сергие, моли Бога о нас! Ведет и хранит народ свой угодник Божий, и живет в нас сила его побеждающая. Какая это сила? Обедневший боярский сын, безвестный отшельник, ничем не славный и не знаменитый. Эта сила – любовь ко Христу беззаветная, самоотвергающаяся любовь ко кресту Еgo, ни перед чем не останавливающаяся силой духа, к которой мы не можем даже и мыслью вознести, как к белоснежной вершине Казбека. Все пре-взмогла эта любовь, не только все человеческие

¹⁵ Булгаков Сергей, прот. Дневник духовный. М., 2003. С. 65–66.

Павел Тюрин

ИКОНА И ЦАРЬ

*И сказал Господь Самуилу:
послушай голоса народа
во всем, что они говорят тебе;
ибо не тебя они отвергли,
но отвергли Меня, чтоб
Я не царствовал над ними;
Как они поступали с того дня,
в который Я вывел их из Египта,
и до сего дня, оставляли Меня
и служили иным богам,
так поступают они с тобою.*

1 Цар 8:7-8

Из фрагмента Библии, вынесенного в эпиграф, ясно, что согласие Всевышнего на то, чтобы «поставить» еврейскому народу царя, чтобы у них было «как у прочих народов», дается как уступка (попущение или снисхождение к человеческой немощи), причем этому предшествовало осуждение Своего народа за недоверие Его промыслу и подражание язычникам. Характерно, что просьба народа о царе последовала, когда выяснилось, что сами сыновья пророка Самуила, которых он поставил судьями над Израилем, «не ходили путями его, а уклонились в корысть, и брали подарки, и судили превратно» (1 Цар 8:3). Видимо, что-то неладное стало с праведностью у «избранных» в Израиле¹.

¹ Ср.: «Христианский царь нужен был в историческом пути не потому, что этим осуществлялось Христово Царство, а именно потому, что Царство Христово не осуществлялось,

После первородного греха, когда человек уже не мог общаться с Богом лицом к лицу, ему всегда не хватало Божественного присутствия в личностных, живых и чувственных (зримых и осязаемых) формах. Символическому и умопостигаемому знанию Бога постоянно не доставало «лицезрения» Его как конкретной персоны, а чем-то подобной и сопоставимой с человеком; подчиненного ему, но и связанного общим нравственным делом на земле. И это вовсе не пресловутое «бегство от свободы», так часто неосновательно приписываемое русскому народу. Это, как писал К. П. Победоносцев, «сила нравственного тяготения» – не выражение слабости, но созерцание искомого идеала, «вызывающего наше преклонение и подчинение, ибо идеалом нельзя владеть, а ему можно только подчиняться, как высшему для нас началу». Эта черта обнимает целую серию добродетелей: «смирения, скромности, искренней радости при отыскании идеального, без зависти к тому, что выше нас, а с одной чистой готовностью поставить это высшее в образец себе и руководство» [2].

«Богословию и умозрению в красках» религиозного человека нередко сопутствуют попытки организации всей своей жизни на началах, которые пусть отдаленно, издали, но все-таки уподобляются служению высшему. Это стремление человека указывает на потребность не только знать, догадываться, припомнить, видеть, слышать о Небесной иерархии, но и в формах своего жизнеустройства хоть как-то соответствовать ей. Потребность в такой компенсации «утраченного рая» может иногда казаться не временным замещением отсутствующей мистической полноты, выполняющей роль под-

он нужен был в меру неосуществленности Царства Христова» (Н. А. Бердяев) [1].

держки: «рукотворного» подтверждения существования нерукотворного (но здесь, напрямую отсутствующего), средства обеспечения контакта с предстоящим – приготавляя к встрече с подлинным.

Могло возникнуть, и часто не без оснований, подозрение в том, что эта попытка человека удержать в сознании образы, свидетельства и следы касания земли Творца обернется подменой Единого и Истинного Бога идолами (идолопоклонство), заслоняющими и оттесняющими Первопричину из жизни человека вообще². Но эта опасность возникала, если физическое зрение оставалось без руководства духовным зрением, когда ослепленный грехом человек забывал о своем происхождении и впадал в язычество. Но, озаренный пониманием глубины своей греховности, человек ощущал острую потребность в восстановлении нарушенного зрения и связи. Поэтому-то требование царя земного есть попытка земными средствами установить (хотя бы имитировать) гармонию потерянных отношений с Царем Небесным, когда «Личный Бог ставит на земле личного Царя, которого народ не избирает, но о даровании которого молит» [4]. Это стремление блудного сына, осознавшего, бедственность своего состояния – по собственной вине оказавшегося в изгнании и рассеянии – восстановить

² Прот. Александр Шмеман, в частности, замечает: «иконопочитание, потому что в нем тоныше всего граница, отделяющая его «халкидонскую» сущность от настоящего идолопоклонства, очень скоро (после четвертого Вселенского Собора в Халкидоне) стало во многих местах извращаться, принимать недолжные формы... Возникнув на правильной – христологической основе, как плод и раскрытие веры Церкви в Христа, – они слишком часто отрываются от этой основы, превращаются в нечто самодовлеющее, а, следовательно, в ниспадение обратно в язычество» [3].

в реальной жизни образы своей подлинной родины (Ср.: «чем онтологичнее духовное постижение, тем бесспорнее, принимается оно как что-то давно знакомое, давно жданное всечеловеческим сознанием. Да и в самом деле, оно есть радостная весть из родимых глубин бытия, забытая, но втайне лелеемая память о духовной родине» – о. Павел Флоренский) [5].

В христианстве, прежде всего в православии, такими знаками Божественного присутствия в земной жизни человека являются – были, могут и, очевидно, должны быть – икона и царь. Не случайно, Церковь, со дня победы над одной из больших ересей – иконоборчеством, догмат Иконопочитания празднует вместе с Торжеством всего Православия, по отношению к которому Православный Царь олицетворяет крепость и защиту.

Существует определенный параллелизм в статусах иконописи и монархии, и потому можно говорить об «иконографии и икономии монархии». Известно, что иконописный канон в широком смысле включал все формы и виды Образа – иконы, иконостас, храм, монастырь... Царь как прообраз Господа, по сути, есть Его икона. Иоанн Дамаскин, например, считал иконами не только самые св. иконы. Для него и пророческие символы Ветхого Завета – «иконы». Далее и Сын «икона» Отца, наконец, всякий человек, созданный по образу и подобию Божию является «иконой» Творца.

Отец Павел Флоренский уподобил иконы окнам, «через их стекла мы видим, по крайней мере, можем видеть, происходящее за ними – живых свидетелей Божиих» [6]. Далее он замечает, что уничтожить иконы – это значит замуровать окна в горний мир. Вынуть же стекла, ослабляющие духовный свет для тех, кто способен видеть непосредственно – это подразумевало бы

обладание способностью дышать эфиром и жить в свете славы Божией. Икона – то же, что небесное видение, и не то же: это – линия, обводящая видение. Видение не есть икона: оно реально само по себе. Но икона, совпадающая по очертаниям с духовным образом, есть в нашем сознании этот образ, но помимо образа это не икона, а доска³.

Иконы могут отличаться друг от друга по своим художественным достоинствам, но с точки зрения церковной это не имеет решающего значения. Подобно тому, как стекла окон могут быть в большей или меньшей степени загрязнены, свет, сквозь них проникающий,

³ Иконостас есть явление святых и ангелов, и, прежде всего, Богоматери и Самого Христа во плоти, – свидетелей, возвещающих о том, что по ту сторону плоти. Иконостас есть сами святые. И если бы все молящиеся в храме были достаточно одухотворены, если бы зрение всех молящихся всегда было видящим, то никакого другого иконостаса, кроме предстоящих Самому Богу свидетелей Его и не было бы. Только по немощности духовного зрения молящихся, Церкви, в заботе о них, приходится эти небесные видения отмечать, закреплять вещественно, след их связывать краской, указывать полуслепым на тайны алтаря, открывать им, хромым иувечным, вход в иной мир, запертый от них собственной их косностью, кричать им в глухие уши о Царствии Небесном, после того как оказались они недоступными речи в обычновенный голос. Снимите, говорит Флоренский, вещественный иконостас, и тогда алтарь, как таковой из сознания толпы вовсе исчезнет, закроется капитальной стеной. Вещественный иконостас не заменяет собой иконостаса живых свидетелей и ставится не *вместо* них, а лишь как *указание* на них, чтобы сосредоточить молящихся вниманием на них. Поэтому икона всегда или больше себя самое, когда она – небесное видение, или меньше, если она не открывает мира сверхчувственного и не может быть называема иначе, как расписанной доской [7].

имеет один и тот же источник; может затрудниться восприятие света, но не измениться его природа. Отец Сергий Булгаков, говорит, что, какой бы скромной в этом отношении икона ни была, если совершается тайнодействие Церкви и образы на ней запечатленные освящаются – «освящается икона сия благодатию Св. Духа» – происходит отождествление образа с Первообразом⁴, которое совершается через благодатное, единственное именование иконы [8].

Так же обстоит дело с Царем земным – вещественной иконой Царя Небесного – монархом, т. к. религиозные требования к царской властиозвучны каноническим правилам иконописи.

Иконописный канон в широком смысле включает все формы и виды Образа – икона, иконостас, храм, монастырь... и является неотъемлемой частью Предания Церкви⁵.

В Священном Писании слово Царь употребляется и по отношению к Богу и по отношению к людям, и означает высшую степень власти. Бог называется царем как высочайший творец, властитель и промыслитель мира

⁴ В известном подобии церковному освящению икон стоит совершение Таинства св. Миропомазания царя по вступлении на престол в Чине Священного Коронования как Главы народа христианского. Ср. слова Митрополита Платона при возложении царского венца Александру I: «сей венец на главе твой есть слава наша, но твой подвиг. Сей скипетр есть наш покой, но твое бдение. Сия держава есть наша безопасность, но твое попечение, сия порфира есть наше ограждение, но твое ополчение...».

⁵ И не случайно то, говорит А. Шмеман, что борьба с иконами в восьмом веке оказалась также борьбой с монашеством; и нет ничего характернее и показательнее для отношения Церкви к христианскому миру, чем «победа в нем монашества: признания его «нормой» христианского пути» [9].

и рода человеческого, которому все всецело принадлежит. Все Ему обязано началом и продолжением своего бытия.

Земной царь получает верховную власть как бы под залог подражания Богу в условиях своего земного существования. Причем, смысл данной ему власти заключается только в праве на безоговорочное выполнение принятых на себя обязанностей при вступлении на престол. Государь, писал И. А. Ильин, «смеет» далеко не все, а лишь законное, государственное, совестное, честное, правое, Богу угодное, и он знает, что Государь, не блюдущий право, сам подрывает свою власть. Его «самодержавие» заключается не в том, что ему все позволено, что его власть не знает никаких границ, а сам он стоит выше всякого права и закона, а в том, что осуществляет он ее независимо от всякой чужой воли [10]. Не пересказывая здесь «царственный облигаториум» [11], который монарх должен исполнять независимо от того, соответствует ли это его личным склонностям, отметим, что царь, являясь, по выражению И. Л. Солоневича, «точкой концентрации всех творческих национальных сил», «выразителем воли, т.е. совести нации», – в своем служении всегда предстоит перед высшей инстанцией. В исполнении миссии Государя нет «перерывов»: в каждую минуту своей жизни он несет все бремя своего служения и ответственности. «Царская власть и есть та точка, в которой происходит встреча исторического бытия с волей Божией» [12].

Можно спорить, писал Л. А. Тихомиров, одна ли религия способна давать нации всеобъемлющий идеал, в котором освещаются все стороны ее жизни. Но в практике истории никакие философские системы не способны были в этом отношении заменить религиозного

мировоззрения. Только религия ставит Божественную личность превыше всего в природе и, таким образом, в человеческой жизни сохраняет высшее место для начала нравственного, личного. Только при свете религии, человек, при всех своих подчинениях условиям материальным и социальным, сохраняет сознание верховного значения своей личности (ведь он не одинок в мире, а находится под покровительством Божественной Личности!). Монархия выражает доверие, по преимуществу, к силе нравственной. Отсюда ясно, что наиболее твердую почву для монархии дает именно христианство. Монарх, будучи христианином, сознательно принимает власть не иначе как служение, то есть как долг и обязанность.

Власть царя оказывается безграничной (в политическом смысле), но чем более она принимает такую безграничность, тем более она принимает миссию «Божественного служения», а стало быть, и всю страшную ответственность. При таких условиях, пишет Л. А. Тихомиров, несение власти является в нравственном отношении истинным подвигом. Он поставлен для осуществления справедливости того, что соответствует правде. Царь, поставленный в полную зависимость от Бога, призван выполнять Его волю для верховного устроения земных дел народа; «это, – пишет Л. Тихомиров, – не есть передача государю народного самодержавия, как бывает при идее диктатуры и цезаризма, а просто отказ от собственного самодержавия в пользу Божьей воли, которая ставит царя, как представителя не народной, а Божественной власти».

Представляя перед народом в политике власть Божью, царь перед Богом представляет народ – «Народ согрешит – царь умолит, а царь согрешит – народ не

умолит». Но вместе с тем, «в этой взаимной ответственности царь стоит даже на первом месте» [13]. Иван Грозный формулировал свое сознание обязанности «дать торжество правде высшей, нравственной, Божественной» так: «Верую, яко о всех своих согрешениях суд ми прияти, яко рабу, и не токмо о своих, но и подвластных мне дать ответ, аще моим несмотрением согрешают» [14].

Для нехристианина, писал Тихомиров, этот политический принцип просто не понятен. Но наш народ, подчинившись в царе до такой безусловной степени Богу, не чувствует тревоги, а, напротив, успокаивается – «Его вера в действительное существование, в реальность Божией воли выше всяких сомнений, а потому, сделав со своей стороны все для подчинения воле Божией, он вполне уверен, что и Бог его не оставит, а стало быть даст наибольшую обеспеченность положения» [15]. И, следовательно, ограничить самодержавие – это значит упразднить верховную власть нравственно-религиозного идеала, или, «выражаясь языком веры, упразднить верховную власть Божию в устройении общества» [16]. Поэтому-то, для истинно верующего христианина принятие православной монархии является долгом благочестия [17]. И. А. Ильин писал: «Государь, вступая на престол, становится не просто властелином, но пленником и мучеником своей власти» [18]. И более того, по мнению Н. Н. Алексеева, библейские рассказы о царях Израиля «не могут отрешиться от той поражающей мысли, что помазание на царство есть не благо, а скорее наказание Божие» [19].

Царь, таким образом, связанный обязательствами перед каждым из своих подданных, может оказаться виновным и в их грехах – «за грехи больших всегда

страдают малые»; его грех неправедности увеличивается этими связями, и он первым ответит за них перед «Царем царей» за неправедность и неисполнение своего предназначения. Этот суд, нравственная ответственность перед Богом тяготеет над ним больше, чем над кем-либо. Поэтому-то, «если народ, потерявши веру в Бога, получает, так сказать, право бунта против Него, то уж монарх ни в каком случае этого права не имеет, ибо он, в отношении идеала, есть только хранитель (*depositaire – носитель*) власти, доверенное лицо» (Л. А. Тихомиров) [20]. Один из идеологов монархизма конца XIX века писал: «сам монарх не мог бы умалить полноту своих прав. Он волен ими не пользоваться, подвергая тем опасности себя и государство, но он не мог бы отменить их, если бы и хотел» (М. Н. Катков) [21].

Монархическая идея, писал отец Сергий Булгаков «это есть вообще идея освящения власти в лице ее высшего представителя, идеал святого царя, предуказанный в Ветхом Завете, в псалмах и пророческих книгах, и данный в образе «кроткого Царя» совершившего Свой царский вход в царственный град». В то же время, продолжает Булгаков, «историческая царская власть представляла собой столько же осуществление этой идеи, сколько и ее затемнение и извращение. Может быть, она и погибла вследствие этого своего внутреннего несоответствия своей идеи⁶. Этот апокалипсис власти есть, так сказать, утопия православия, однако имеющая для себя основание в библейских пророчествах» [23].

Царское служение – это, в основной своей части, несение послушания, подобное во многом иноческому, и

⁶ И возможно, поэтому, «крест монарха – это разорванность между насилием и созиданием» Оливье Клеман [22].

Церковь постоянно напоминает ему, что служение его, столь превознесенное, есть служение церковное к славе Божией, поскольку Православная Церковь не может быть равнодушна к тому, как осуществляется Правда Божия в жизни общества. Православный царь являлся первым слугой Церкви, а «в его лице государство венчало себя крестом» (о. С. Булгаков) [24]. «Царь – священник, потому, – говорит Оливье Клеман, – что он символизирует вечное в земном. Царь – пророк, потому что, ведя борьбу со всеми идолами, он провозглашает приход истинного Царства» [25]. И потому, как следует из конституционного документа Византии конца девятого века (*Epanagoge*) о нормальном соотношении властей: «Василевс и Патриарх, мирская власть и священство, относятся друг к другу как тело и душа и, собразно существу человека, оба необходимы для благоденствия подданных. На согласии той и другой власти утверждается высшее благо государства» [26, 27].

Монарх в своем служении уподобляется монаху, и как таковой (как и Церковь, ощущающая себя в целом «иконой Христа»), призван быть «иконой Царя Небесного».

* * *

Икона и царь, как вещественные символы Божественного присутствия среди людей, в силу особенностей своего земного происхождения (недостаточной «прозрачности» стекол «окна») могут далеко отстоять от своих идеальных первообразов. Тем не менее, их священное предназначение, сакральный смысл иконы и монарха, объединяющий и уподобляющий их друг другу, ничто не в силах нарушить.

Вполне возможно, что этот статус Иконы и Царя вызывал особую агрессивность сил безбожия в любых его формах – цареборчество/иконоборчество. Чтобы осознать масштабы и глубинный мотив иконоборчества в разные исторические периоды, психологию враждующих с Иконами, необходимо обнаружить первопричину этого противостояния, поскольку конкретные причины иконоборчества – возможно, лишь частные проявления фундаментального несогласия или неспособности жить под Богом; ведь в христианском сознании изображение Христа Спасителя неразрывно связывается с верой в истинность Его воплощения в человеческом облике.

В иконоборческой напряженности – борьбе против Христа (опосредованной борьбой против Его земных прообразов, так же как, по-видимому, борьба против христианства есть опосредованное, замаскированное выражение вражды с Богом вообще) достаточно явственно угадывается архетипическое противостояние Каина Авелю. Каин и Авель – братья навек; братьями же остаются ветхий и новый человек, которые соотносятся друг с другом именно как Каин и Авель – один из которых неутомимый противник Бога, другой – Его смиренный сын.

Каином в его действиях руководит не только ревность и зависть, потому что он не только убийца, осмелившийся посягнуть на равенство перед Богом; он настаивает (диктует Богу) на необходимости соблюдения принципов старшинства в ситуациях предпочтения, выделенности, избранности. В психоаналитической трактовке это не просто борьба за отцовскую любовь, а скорее борьба за наследование – отсюда и конфликт с Авелем, который «решается» уничтожением возможного претендента (другого). Но, разумеется, это только

начало, потому что никакие увещевания Бога не остановили Каина в его намерениях. Грех влечет Каина к себе, а не стремление любыми средствами завоевать Отцовскую любовь. Поэтому убийство Авеля – это только начало нереализованной перспективы – завладеть Отцовством, поставить на Его место собственное «отцовство» – вместо Отца небесного «самоотцовство» – самозванство (мнимость). Это, возможно, безотчетное желание Его смерти, и только каинова немощь и страх поражения удерживают его от открытого выступления против Бога и расправы над Ним. Каин не желает спокойного и радостного бытия на тех условиях, которые Господь предоставил Своему творению – «О человек! сказано тебе, что – добро, и чего требует от тебя Господь: действовать справедливо, любить дела милосердия и смиренномудро ходить под Богом твоим» (Мих 6:8). Но Каин не в состоянии господствовать над своими греховными помыслами, поэтому он убивает Авеля – икону Бога как Его смиренность – смиренного Сына Божия; Самого Бога он пока убить не может. Авель является Каину образ Грядущего Сына Божия, истинную природу Спасителя человечества.

Но «каинитам» не нужен Спаситель, тем более, – всего человечества. Они требуют собственной избранности, хотят видеть себя над всеми. Сначала они убивают Авеля – человеческий образ Бога, но потом, укрепившись в своей греховности, приняв спасительную жертвенность Христа за Его беспомощность, убивают Богочеловека Господа Иисуса Христа.

Совершенное убийство Христа не могло препятствовать ни Его воскресению, ни распространению христианства, но, как и прежде, внутренний непереносимый диссонанс собственных тайных замыслов и влечений,

вектор их восприятия не меняется, он только приобретает различные формы иконооборчества – богооборчества. Не исключено, поэтому, что именно неспособность признать священнический статус икон становится не преодолимым барьером и делает невозможным истинное приятие христианской веры.

Здесь уместным будет привести слова Гегеля – «если человек хочет быть действительным, он должен вести какое-нибудь определенное существование... Кому конечное слишком претит, тот не достигает никакой действительности, а остается в области абстрактного и бесследно истлевает внутри себя» [28].

В связи с этим приходит еще одно объяснение причин отрицания икон. Библейские тексты характеризуют еврейский народ как безгосударственный, последовательно живущий в формах теократического управления. Не исключено, что традиционный максимализм Израиля, обусловленный Страхом Божиим о неследовании религиозному Закону, присутствие Ковчега – нравственной меры, постоянно напоминающей о невыполнении Завета, вызывает угрызения совести, страх и сомнения в возможности требования дополнительных условий и помощи со стороны Всевышнего. Это может быть упорство веры в преизбыточность уже данного Богом Израилю, но это может быть и игнорирование, непризнание тщетности человеческих усилий без непосредственного руководства Господом⁷.

⁷ И еще одно, несколько отвлеченнное дополнение. Икона, царь... и Горний мир – формально-логический конфликт о сопоставимости конечного и бесконечного разрешается в представлениях Г. Кантора об актуальной бесконечности, т.е. как «ставшей», взятой в целом; в актуальной бесконечности (в отличие от потенциальной, самый упрощенный

С другой стороны, продолжающееся расхождение иудаизма и христианства может иметь причину не только в различном толковании библейских пророчеств, но и быть выражением иудейского беспокойства о чрезмерной увлеченности человеческого разума культивированием иудейского «дичка» и утрате статусов и онтологических отношений между Богом и человеком – сопротивлением искажению имманентных «генотипов» и Бога и человека. Поэтому принятие человеко-подобных форм Божественного участия могло означать

вид которой – «дурная» бесконечность) часть не меньше целого и может быть равна целому. В актуальной бесконечности конечное и бесконечное как бы совмещаются, существуют всегда вместе. Г. Кантор определял потенциално бесконечное как переменную величину, перерастающую все границы. Актуальное бесконечное – в себе постоянное, константное, лежащее по ту сторону всех величин, количества. Потенциальная бесконечность – это лишь момент актуальной бесконечности, из которой она выводится логически; и более того, понятие потенциальной бесконечности невозможно при отрицании бесконечности актуальной.

Подмечена структурно-семантическая связь понятия потенциальной бесконечности и научно-познавательной деятельности, с одной стороны, и понятия актуальной бесконечности и искусства, с другой (т.е. искусство представляет собой тот вид человеческой активности, который соединяет и сообщает конечным свойствам материального мира признаки бесконечного, сохраняя его жизненную актуальность для человека) [См. 29]; поэтому в отвержении икон как адекватных прообразов Бога можно видеть, радикальное непонимание принципов, как сказал бы математик, актуальной бесконечности. Возможно и такое определение бесконечности – это то, что, является собой недостижимое человеку качество; это существующее законченное целое, обладающее недостижимым совершенством – бесконечность не как неисчислимость, а – недостижимость.

и восприниматься как признание своей греховности и поврежденности уже такой степени, что религиозность человека приблизилась к опасно близкому и с трудом отличимому от языческого поклонения. Результатом является отвержение монарха и иконы как недостаточно сверхъестественных, «не чисто божественных».

В полемике Н. А. Бердяева и Н. Трубецкого о религиозных основаниях монархического правления, Бердяев говорит, что возникшее тяготение к монархии «избранный народ», несмотря на выпрошеннное согласие у Господа, осознает как грех – «Ко всем грехам нашим мы прибавили еще грех, когда просили себе царя» (1 Цар 12:19); и, следовательно, – делает вывод Бердяев, – монархия все равно и изначально богопротивна и греховна – «Царская власть есть порождение греха, результат нежелания народа жить в непосредственной теократии» [30]. Гораздо ранее Л. А. Тихомиров высказался по поводу этих споров: «Трудно понять, как повторяют подобные вещи, люди, читавшие Библию». В своем фундаментальном исследовании оснований монархической государственности он писал: «Если человек, при должной святости, мог бы жить даже одним нравственным законом, то тем более, казалось бы, он мог бы жить при поддержке социальным строем и церковью, под непосредственным водительством Божиим... Но по своей «жестоковынности» в грехе, в порывах страсти и эгоизма, люди даже к этому не способны. Для нравственной выработки людям, прежде всего, необходимо понять эту страшную степень своей нравственной бедности, ибо иначе мы не способны отрешиться от горделивого воображения своей высоты. И вот собственно для этого был Израилю дан момент непосредственной теократии». Исход опыта этого иде-

ального состояния известен из истории Судей. Израиль (а в лице его и все человечество) показал сам себе, что не способен держаться на такой высоте и нуждается в дополнительных подпорках⁸, как бы он ни старался обойтись без них («у Бога добавки не просят» – С. Довлатов). Это было допущено Господом, чтобы люди поняли себя, и своей охотой сами наложили на себя принуждение – «это в нравственном отношении есть торжество самопонимания, т. е. высшей мудрости – и торжество свободы, ибо нет выше проявления свободы, как то, когда человек сам себя связывает во имя идеала»; «народ Израильский, хотя и не имел достаточно святости, но по крайней мере сознал это; желая же непременно жить по правде – почувствовал решимость подчинить себя новым ограничениям своего произвола». Царство, следовательно, является по желанию народа, сознавшего свою неспособность находиться под

⁸ Л. А. Тихомиров пишет, что Моисей, исполняя волю Божию, последовательно устраивал Израиль для этого нравственного воспитания человека. Моисей, не учреждая царства, однако, предвидел его и заранее указал его Израилю. «Когда ты придешь в землю, которую Господь, Бог твой, дает тебе, и овладеешь, и поселишься на ней, и скажешь: "поставлю я над собою царя, подобно прочим народам, которые вокруг меня", то поставь над собою царя, которого изберет Господь, Бог твой...» (Втор 17:14-15). «Эта оговорка "подобно прочим народам", – считает Л. А. Тихомиров, – очень характеристична в социально-педагогическом отношении. Богоизбранный народ должен убедиться и сам сказать себе, что он не выше «прочих народов». Это не раз напоминал Израилю и сам Моисей, повторяя, что Господь избрал Израиль вовсе не потому, чтобы он был лучше прочих народов, и даже землю Ханаанскую дает им, Израильянам, не за то, что они сами хороши, а потому что народы Ханаанские требуют наказания...» [31].

непосредственным водительством Бога, а потому просящим у Бога конкретного представителя власти, «причем народ не выходит из власти Божией, и даже не избирает сам себе царя, а принимает назначенного Богом. Эта, Богом делегированная, власть Им же освящается и царь получает обязанность исполнять не свою волю, а Божию. Подданные же получают обязанность повиноваться царю».

В заключение обсуждения темы оправданности монархии с точки зрения Священного Писания Л. А. Тихомиров пишет: «Все наши подпорки своей немощи суть результат греховности. В этом смысле, учреждение государственности есть «великий грех», все равно какой бы формы власть мы ни созидали, но лучше сознание греха и искание опоры, нежели неосновательное самомнение. И в этом смысле требование государственности составило заслугу Израиля и было оправдано» [32].

Явление Иисуса Христа Царя Иудейского на земле – тоже следствие усугубляющихся грехов человека, его неспособности жить по-божески, руководимым и Торой, и пророками и своими царями. Сын Божий и Человеческий, принимая грехи человечества на Себя, становится Царем человечества и Иконой Господа, поскольку Его миссия и мессианство в том, что *не нарушить Закон пришел, но исполнить Его в грешном мире*. И, очевидно, человек – человеческая свобода, несовершенства и слабость людей – для своего спасения, нуждается в постоянном и наглядном присутствии Бога – Его спасительных образов – царя и иконы.

Н. Н. Алексеев пишет: «Что может быть более несовместимо с заповедью христианской лояльности, чем

доктрина цареборчества, обоснованная... почти исключительно на авторитете Ветхого Завета?» [33]. Вместе с тем, утверждает Н. Н. Алексеев, идеально монархия не находит обоснования ни в евангельском учении о христианской лояльности, ни в политических воззрениях ветхозаветных книг, и то обстоятельство, что христианская культура сохранила почитание царей, объясняется прочностью языческих пережитков их обожествления кесарей и рядом приспособлений, которое претерпело христианство, после того, как стало официальной религией [34].

Можно предположить, что подобный взгляд возникает именно в силу того, что в православном монархе видят не икону, а только лишь персону, все-таки лишь человеческим произволением поставленную над людьми. Отец С. Булгаков, переживший сложную эволюцию от симпатий к марксизму до церковного служения, признавался: «...каким-то внутренним актом, постижением, силу которого дало мне Православие, изменилось мое отношение к Царской власти, воля к ней... Я постиг, что Царская власть в зерне своем есть высшая природа власти, не во имя свое, но во имя Божие... Я почувствовал, что и Царь несет свою власть как Крест Христов, и что повинование ему тоже может быть Крестом Христовым и во Имя Его. В душе моей, как яркая звезда, загорелась идея священной Царской власти, и при свете этой идеи по-новому загорелись и засверкали, как самоцветы, черты русской истории; там, где я раньше видел пустоту, ложь, азиатчину, загорелась Божественная идея власти Божией милостью, а не народным произволением» [35].

* * *

Много примеров в русской истории, вообще в практике жизни православного человека говорят о том, что он *не считает себя данником Бога*, но жаждет быть Еgo другом и быть именно под Его покровительством. Православный христианин – это часто данник Князя мира сего («жить-то как-то надо»), быть в постоянном подчинении у которого, даже чисто по человеческим меркам, унизительно. Поэтому он так часто уничижает себя, и, взрывааясь от сознания этой зависимости, проглинает себя за собственные слабости, и потому же так часто бывает «беспричинно» охвачен благоговейным отношением к миру, какой он ни есть. Он постоянно поглощен размышлениями о смысле существования и достойном служении истине, подготовке себя к встрече с Христом, вопросами – с чем же я приду к Нему (не с компьютером же нового поколения), угодна ли, приятна ли будет Ему моя душа с такими ее качествами после достигнутых человеком завоеваний в отпущенной жизни.

Характерные черты русского уклада жизни отмечал В. Ключевский: «Человек украшает то, чем живет его сердце, во что кладет он свою душу, свои умственные и нравственные усилия. Современный человек, свободный и одинокий, замкнутый в себе и предоставленный самому себе, любит окружать себя дома всеми доступными ему житейскими удобствами, украшать, освещать и согревать свое гнездо. В древней Руси было иначе. Дома жили неприхотливо, кой-как. Домой приходили как будто только поесть и отдохнуть, а работали, мыслили и чувствовали где-то на стороне. Местом лучших

чувств и мыслей была церковь. Туда человек нес свой ум и свое сердце, а вместе с ними и свои достатки».

Контрастной этой жизненной позиции оказывается pragматическая организация жизни западного человека с его идеями бесконечности прогресса (бесконечности так часто «дурной», бесцельной и неосновательной); обеспокоенного соотношением и репертуаром потребляемого и прав каждого на это, с его установками на успех и соперничество, неотъемлемой частью которых являются враждебность и агрессивность. Как считает американский психоаналитик К. Хорни, мы склонны связывать успех с положительными личностными качествами и способностями, такими как умелость, предпринимчивость и смелость. В религии эта установка выражается в утверждении, что успех – Божья милость. Несмотря на то, что эти качества могут быть решающими в определенные жизненные периоды, «такая идеология игнорирует два существенных факта: 1) возможность достижения успеха строго ограничена: даже если внешние условия и личные качества у людей одинаковы, лишь немногие из них могут добиться успеха; 2) решающую роль могут сыграть не упомянутые выше факторы, а другие, такие, как, например, недобросовестность или случайные обстоятельства. Поскольку эти факторы игнорируются в общей оценке успеха, неуспех, помимо того, что ставит потерпевшего неудачу человека в фактически невыгодную позицию, отражается также на его самооценке» [36].

Первоначально аскетический мотив деловой активности в протестантской этике, отказ от роскоши и траты средств на удовольствия с целью использования их для рациональной организации мирского труда, не смог долго удерживаться на декларируемом уровне

эквивалентом монашеского служения. В массе своей, у людей, воспитанных в протестантском духе, произошел, как сказали бы психологи, «сдвиг мотива на цель». В процессе срашивания дела и веры (обычная ссылка здесь на то, что «вера без дел мертвa»), вера заменилась делами. Дело стало ведущим в этой диаде и опустило веру с высот молитвенной сосредоточенности и внутреннего зрения к скрупулезности учета, доступного глазу и рукам.

Дело, признанное синонимом веры, легко приобрело большую валентность, потому что устранило из сознания постоянную проблематичность соотношения души и тела в человеке в пользу тела; так лукаво успокоили тревогу души – внешний успех стал наглядным и неоспоримым подтверждением истинности веры и милости Божией. Вопрос о том, где действительно помочь Бога, а где попустительство сатане – стал схоластическим. Таким образом дела веры соглашались с интересами тех, кто не желал поступиться «естественными и человеческими потребностями», но якобы при соблюдении должных этических приличий.

Поэтому протестантизм, особенно в его кальвинистском варианте, меряющий богоизбранность человека успешностью его практической деятельности и не разбирающий, где помочь Бога, а где попустительство сатане, устраивал, по словам Ю. Бородая, «всех злодеев Европы» – «ведь учение о предопределении отнимало у своих адептов только одну свободу – свободу выбора между добром и злом, но зато дарило им право на безответственность по отношению к собственной совести». Не удивительно поэтому, что и в восприятии провославноверующего секуляризированный христианин западной части мира часто предстает как данник

Бога, от которого хорошо бы поскорее как-нибудь отвертеться, откупиться, чтобы не мешал дружить с Князем мира хлеба и зрелиц.

И все-таки заглатывающая сила сделала свое дело, кроша истину и бахвалясь безнаказанностью своего теоретического и практического разбоя. Всякий хищник получил возможность спрятаться за оторванный у другого кусок, начертав на нем: «*Практика – критерий истины*». Но изменчивый успех тут не может быть критерием, потому что, если «практика – критерий истины», то что же тогда критерий практики? Ответ может быть один – только сама Истина, т.е. Красота и Добро⁹. «Недостаток» добрых помыслов в том, что зримо они мало что дают непосредственно тем, кто ими движим. Чуть только в добрых поступках (в себе ли, в других) угадываем выгоду, пользу – она тут же теряет свой аромат достоверности и качество истинности. Но как быть сознанию и легко ли оставаться смиренным, видя нарастание своей беззащитности и беспомощности, если те, кому так доверчиво вверил свою бескорыстность, смотрят на тебя равнодушными глазами, как только проглотят принесенное им добро? И что тому – всю жизнь испытывать гонения, быть отвергнутым, с обжигающей горечью чувствовать себя тяжело несчастным? *Ничего!* Только одно утешение: *в доброте как в чистоте*, и мы не стали хуже, чем были.

В XIX веке роль духовного водительства народа взялась исполнять просвещенная интеллигенция, уже прислушивающаяся к христианоподобной социалистической ереси. Очарованная вниманием к себе

⁹ Известно святоотеческое представление о Красоте, как об одном из имен Бога или как богоподобие. Так же и старославянское слово Добро означает Красоту.

любопытствующей публики, она постепенно становилась влиятельной («передовой», «прогрессивной») силой в обществе. Религиозное чувство покаяния, став самодовлеющим, обернулось прелестью – «уничижение паче гордости», – а последовавшее затем возведение несвободного себялюбивого человека в ранг абсолюта, выдвинуло перед ним богоchorческую задачу. В этой «религии человекобожия» (о. Сергий Булгаков) только на поверхности безразличие к Богу, а в глубине архетипический страх и желание отомстить, унизить Его за собственные грехи и несовершенства. Поэтому атеистическое чувство стремилось завлечь на свою сторону как можно большее число сторонников, внедрившись в самую трепетную и сокровенную часть души человека – в его покаянное перед Богом состояние. Покаяние перед народом – то же, что прилюдное самолюбование собственной немощью: оно эпатирует откровенностью своего отчаяния и ущербности, и не страшится осуждения, внушая окружающим, что «все такие» и другими быть не можем.

Ненависть к монархии во многом была связана с нарушением чувства необходимости ранга, нежеланием признавать иерархичность бытия. Когда уже не считается необходимым оглядываться на возвышающий идеал и вообще волноваться об отклонениях от него, когда религиозность подменяется руссоизмом, то низменное признается естественным, естественное – практическим, практическое – истинным. Тогда уже недалеко до грустно ироничного замечания Вл. Соловьева – «человек произошел от обезьяны, следовательно, человек есть Бог». Тогда цель жизни формулируется так, чтобы максимально и «без потерь» воплотить в реальность найден-

ный «идеал» человека, которому все позволено и ничего уже не чуждо¹⁰.

Поначалу, еще религиозные по форме, но вполне аффективные и богоборческие по содержанию, эти идеи толкнули либеральную интеллигенцию к народническому движению. А далее, совсем отвязавшись от религиозности и «просочившись в народную среду, интеллигентная идеология должна была дать вовсе не идеалистические плоды» (П. Струве) [37]. «Во имя чего?» – спрашивал С. Л. Франк, и отвечал: «Этот положительный идеал можно определить разве только так: во имя безграничной самочинности рационального устроения жизни» [38].

Каяться надо в церкви, перед духовником, а не на площади. Внечерковное покаяние вызвало в народе, после недолгого замешательства, презрение к интеллигенции и к тем, с кем ее отождествляли. Поэтому так быстро она сама оказалась одной из первых жертв на площадных алтарях. «На русской интеллигенции, – говорил о. Сергий Булгаков, – лежит страшная и несмыываемая вина – гонения на церковь, осуществляемого молчаливым презрением, пассивным бойкотом, всей этой атмосферой высокомерного равнодушия, которой она окружила церковь. Вы знаете, какого мужества требовало просто лишь не быть атеистом в этой среде, какие глумления и заущения, чаще всего даже непреднамеренные, здесь приходилось испытывать... И вот теперь судьба свела церковь и интеллигенцию в состояние общей гонимости от большевиков» [39]. Зинаида

¹⁰ И вспоминается предупреждение Пифагора о том, что человечеству угрожают три смертельные опасности: материализм ученых, невежество жрецов и бесчинства демократии.

Гиппиус в своих воспоминаниях о религиозно-философских собраниях 1901–1903 гг. свидетельствует, что для интеллигентских кругов 1900-х годов существовали твердые, не требующие проверок, материалистические положения. Одно из них: «Религия есть реакция»; «поэтому группа, где возникли вопросы религиозные, не могла не считаться окончательно отковавшейся от интеллигенции, не стать, в глазах традиционных ее представителей («мыслящий реализм», «трезвая правда», «общественные требования»), группой интеллигентских «отщепенцев» [40].

Психологические же мотивы этого «дела» русской интеллигенции, отрицание всякой «метафизики» (скрывающее более глубинный феномен – неверие в Бога, т. е. атеизм), разрушение всех религиозных, государственных и культурных устоев, разрыв с прошлым и полное его отрицание ради строительства «нового общества», – пишет А. Казарян, «в постоянной неудовлетворенности собой, в отсутствии мира в душе, в «подпольности» самой души, в ее сознательности, обусловленной нескончаемой рефлексией и неспособностью к покаянию». Знаменательно, что в сознании интеллигенции это «дело» приобрело характер «общего дела» и, согласно патерналистской логике, навязываемого всем остальным в качестве обретенной вечной «истины» [41].

Но еще более тяжким последствием «хождения в народ» стало то, что, указав на виновников житейских тягот, создавали в народе ложное представление о его праведности и убивали чувство сострадания, а человек избавился от необходимости признания личной ответственности за происходящее в жизни... Это психологически замещало потребность в самосовершенствовании

и покаянии человека за убогость своей жизни, целиком списывая его грехи на подставленных виновников. Не случайно, П. Б. Струве видел в идеологии демократически настроенного дворянства признаки социального и политического воровства, а также зародыши последующих идейных форм русской интеллигенции («интеллигентщины», как обозначил ее в начале века П. Б. Струве) – ее государственного отщепенства [42]; позже, в конце XX века А. И. Солженицын назовет эту же категорию людей «образованщиной».

Отсюда патетика и энтузиазм тех, кому растолковали главную причину их несчастий; поддавшись идеи, что погибает то, что «не прогрессивно», многие освободились от необходимости сколько-нибудь считаться с теми, на кого пала тень подозрения в исторической греховности. Совращение состоялось, и «Россия историческая становилась Россией эсхатологической. Началось *видимое* отделение зерен от плевел. В то же время окончательного исполнения сроков в революции 1917 года не было» (В. Карпец). В своей размашисто-публицистической манере И. Л. Солоневич писал: «Сейчас, после революции, мы можем сказать, что это дворянство каялось не совсем по настоящему адресу и что из него выросли наши дворянские революционеры...» [43]¹¹. Нечто подобное тому площадному – окаянному покаянию снова произошло в России, теперь уже в наше недавнее время.

Эти разрушительные мнимые права народ получал как бы сверху – с высоты мнимого теоретического обо-

¹¹ «Русское крестьянство попало под крепостной гнет в период отсутствия монархии, – когда цари истреблялись и страной распоряжалась дворянская гвардия». И. Л. Солоневич [44].

снования. В этом было то новое, небывалое в поведении народа, о чем писал Х. Ортега-и-Гассет – «право действовать безо всяких на то прав», «человек массы открыл в себе «идеи», «мысли»; однако он не имеет даже понятия о легком, чистом воздухе мира идей. Он желает иметь собственные «мнения», но не желает принять условия и предпосылки, необходимые для этого. Поэтому все его «идеи» – не что иное, как вожделения, облеченные в словесную форму». Ведь для того, чтобы иметь идею, надо прежде всего верить, что есть какие-то основания или условия ее существования, т.е. верить в Разум, в мир отвлеченных истин. Ведь, когда люди на самом деле пытаются составить мнения, они обращаются к высшей инстанции, подчиняются ей, признают ее кодекс и ее решения [45].

В начале XX века монархическое правосознание, писал И. А. Ильин, было поколеблено во всей России. Оно было затемнено и вытеснено в широких кругах русской интеллигенции, отчасти и русского чиновничества и даже русского генералитета – анархodemократическими иллюзиями и республиканским образом мыслей. По мнению И. Л. Солоневича, государственный переворот 1917 года был результатом дворцового переворота, который перерос в «революцию» только тогда, когда выяснилось полное отсутствие у знати (которая в русской истории слишком часто выступала против коренных интересов народа и потому против самодержавия¹²⁾) и

¹² По мнению С. Солнцева, глядя абстрактно, можно сказать что царский аппарат оказался неспособным точно оценивать темпы и характер идущих параллельно в историческом развитии потоков и, был, следовательно, несоответствующим возникающему кризису. Появились устойчивые вихри конфликтных образований, разрушить которые было уже очень трудно [49].

генералитета каких бы то ни было опорных точек и популярности в народе [46].

Русское простонародье стало склонно противопоставлять закону свой собственный беззаконный почин – «надо управляться самим; надо разрешать себе больше, чем разрешает власть; надо не бояться правонарушения и преступления и самому «переменять свою участь» [47]. Поэтому «напрасно было бы объяснять это тем, что господа «народовольцы» считали новые реформы «недостаточными» и добивались их углубления. Совсем нет. Здесь дело шло о монархии: ее творческие успехи, ее во многих отношениях демократические реформы, ее растущая в народе популярность – все это было нестерпимо для революционеров-республиканцев-социалистов из подпольных кругов... Перемены должны были идти не через Царя и не от Царя, а помимо него и против него» [48]. Но вместе с этим, пишет Лев Регельсон, в государстве российском уже длительное время накапливалось разочарование и неверие в способность традиционных сил к организации достойной жизни общества – «произошло расщепление народного сознания: глубинные изначальные чаяния соборности и Царства Божия на Земле не исчезли, но для целей государственного строительства оказались излишними, ненужными. Из-за того, что учение Церкви не развивалось, эти чаяния становились все более смутными и неосознанными: громадная энергия этих устремлений не находила реального приложения. Поскольку Церковь и Царь не осуществляли народных ожиданий и даже не давали религиозной надежды на их осуществление, то народ становился восприимчивым к мысли, что Церковь и Царь, а, в конечном счете, Бог – «враги» этих чаяний, препятствия на пути к их

осуществлению. Принятие этой мысли частью народа означало Революцию...» [50].

* * *

*Никто не даст нам избавенья
Ни бог, ни царь и ни герой*
«Интернационал»

В 1917 году не только в «континентальной» России, но и на прилегающих к ней территориях началась катастрофическая по своим последствиям деформация жизни всех народов ее населяющих. Кто-то от этих потрясений на какое-то время выиграл, но с тех пор на ее пространстве сместилось все, что более или менее органично развивалось и эволюционировало. Это несчастье, сопоставимое с крушением великих цивилизаций, может показаться стихийным социальным бедствием. Сейчас проясняется, что тогда только начался крестный путь России. Теперь уже она предана распятию.

Причины тому многообразны, но очевидно, что мотивирующей силой, приведшей в движение силы распада российской государственности, была утрата религиозного смысла жизни. Религиозность, наполняющая мистичностью всю жизнь человека, определенно указывает масштабы и границы его бытия; его жизнь находится под покровительствующим вниманием Бога, но требует от человека одновременно решительности, терпения и смирения – веры и надежды на Господа. То есть, требует личной смелости и самоотверженности в собственной вере в Бога, и только лишь в надежде, призываии и ожидании Чуда прощения и причащения к

Нему. Собственная вера становится единственной опорой (может быть, гарантом?) его правоты. Это означает, что от человека требуется способность к риску, всегда содержащемуся в актах веры; утверждая собственно веру своими поступками и жизнью человек делает шаг на встречу Богу, он утверждает свое желание и выбор – быть с Богом (*«Верую, Господи! Помоги моему неверию!»*). Но это и шаг навстречу неизвестности. В этом и страшный риск – человек «играет», возможно, неповторимой никогда и никем, единственной своей жизнью. Величина ошибки здесь измеряется бесконечностью – бесценностью для меня моей жизни. И поэтому значимость аргумента Б. Паскаля о том, что человек, как минимум, ничего не проигрывает, веря в Бога, – даже, если Его нет в действительности, в такого рода вопросах, пожалуй, не только ничтожна, но и своей двусмысленной расчетливостью недостойна серьезности стоящей перед ним задачи. Своим выбором я даю себе и (может быть!) Ему шанс быть, и это его, человека выбор и риск, его жертва в пользу бытия (существования) Бога.

Если же Его все-таки нет, то надо полагаться только на себя и действовать не наудачу, а исключительноrationально и уж, конечно, ни в коем случае не рискуя так опрометчиво своей жизнью в пользу гипотетического существа. В крайнем случае, теоретически допуская Его существование, даже как крайне маловероятного явления природы, которое, тем не менее, полностью исключать нельзя, следует относиться к этим вопросам, по возможности, бесстрастно, без суеверности и нетерпения ожидания действительной веры в Бога. Известно философское высказывание, демонстрирующее *призрачность основания для веры – требование человеком смысла*

своего существования: что бы мы подумали о человеке, который стал бы утверждать: «мой дом не может сгореть, так как это сделало бы меня глубоко несчастным?!». Собственно, это же утверждает и апостол Павел – «Если Христос не воскрес, тщетна вера наша», что ставит оправданность веры в зависимость от позитивистской доказанности или недоказанности факта Воскресения. Не имея личных, прямых и очевидных подтверждений ни того, ни другого, человек остается один на один с сознанием собственной конечности в бесконечном мире¹³.

¹³ Кажется, что вопрос о происхождении мира, так или иначе, связан с темой его конечности или бесконечности. В итоге подобных размышлений человек оказывается перед альтернативой: *мир был создан или мир был всегда*, и соответственно – *Бог был всегда или мир был всегда* – любой из вариантов равносителен в своей утвердительности. Но напрашивается вопрос: что человеку труднее представить – конечность мира или его бесконечность? Что для него более немыслимо? Логика и непосредственное восприятие подталкивают к ответу о бесконечности мира, от грандиозности которого кружится голова. Но, возможно, что в связи с этими рассуждениями подсказкой может стать высказывание Н. Бора, сделанное им после выступления В. Гейзенберга и В. Паули о квантовой физике в 58-м году прошлого века в Нью-Йорке: *«Все мы согласны, – сказал он, – что ваша теория безумна. Вопрос, который нас разделяет, состоит в том, достаточно ли она безумна, чтобы иметь шансы быть истинной. По-моему, она недостаточно безумна для этого».*

Современной наукой описаны парадоксы, ускользающие от логического анализа, причем в сфере физических исследований известны факты, когда принцип парадоксальности становится надежным основанием для экспертных оценок. И не исключено, что, применительно к обсуждаемой, также достаточно «безумным» и в действительности более

Возможно, людей «очень хороших» и «очень плохих», вне зависимости от внешних обстоятельств, не так уж много. Большинство же более или менее добрые, более или менее злые – «полезависимые» – податливые, склоняющиеся к благому или дурному в зависимости от настроений и тенденций к тому в обществе, в котором живут.

Ослабление веры в Бога и надежды на Царя, устранение царственного «удерживающего»¹⁴ внущили народу страх и боязнь риска; пока была опора в этой власти, удерживавшей открытое выступление и хвастовство сил зла, пока была надежда на поддержку своей вере и на оправданность риска, не многие решались добровольно содействовать до поры таящемуся Антихристу. Епископ Нектарий (Концевич) Сеаттлийский в своем докладе, посвященном прославлению Царской семьи и всех Новомучеников Российских на Съезде Русской православной молодежи в Сан-Франциско в августе 1981 года говорил: «Тайне беззакония необходимо было, чтобы получить свободу действия, взять от среды Удерживающего, что и произошло по попущению Божию за грехи всего русского народа. Итак, Удерживающий взят от среды, и с этого момента все мы являемся свидетелями

вероятным ответом является именно *созданный Всевышним конечный мир*, т.е. субъективной причиной того или иного мира, в котором оказывается человек, является его собственное желание и выбор.

¹⁴ Разные авторы напоминают, что самодержавие (т. е. независимость от чужой власти, самостоятельность) в подлинном смысле есть такое служение, на которое возлагается крест удерживающего зло, для спасения многих, и отнятие «удерживающего», по слову св. апостола Павла (2 Фес 2:3;7-8), означало бы приход «человека греха, сына погибели, беззаконника» [50, 51].

бездержного разгула и распространения зла во всем мире» [52].

По мнению Н. А. Бердяева, «революции в христианской истории всегда были судом над историческим христианством, над христианами, над их изменой христианским заветам, над их искажением христианства. Именно для христиан революция имеет смысл и им более всего нужно его постигнуть, она есть вызов и напоминание христианам о неосуществленной ими правде» [53]. Религиозные верования народа, которыми держалась монархия, к началу революций 1917 года разложились; нигилизм, захвативший интеллигенцию, проник в народный слой; правда и ложь перемешались в коммунизме именно по причине его религиозного характера – но именно отрицание духа и свободы и делает его глубоко антирелигиозным и антискиптическим [54]. Отец Сергей Булгаков высказывал даже мысль, что большевистские гонения на церковь тоже от социалистической ревности в вере в «социалистическое отечество», в «социалистическую лжетеократию», и что этот революционный порыв все же лучше, чем согласие на обезбоженное «правовое государство» и безбожная «веротерпимость» [55].

Религия человекобожия отчетливо проявлялась в гневливом и высокомерном отвержении помощи свыше, в ревнивости и подозрительности по отношению к тому, что хоть в малейшей степени утверждало существование независимого от человека высшего существа. Все должно было быть контролируемо, рационально взвешено, заново спроектировано так, чтобы ниоткуда не могла неожиданно прийти угроза, нарушающая безраздельную самость человека. Несомненно, устанавливаемая тоталитарность была следствием страха кары

отмщения за поднятый бунт против Бога. Это подтверждает «пролетарская культура», вся коммунистическая идеология, повсюду активно пропагандируемая и ни перед кем не желавшая держать ответа. Особое место в ней занимали воинствующий атеизм с его враждой с конкретными силами, ему противостоящими – Церковью и монархией.

Основой жизни стала идеология «освобождения» – борьба, а с нею культ успеха, силы, превосходства и безразличие к жертвам. Жертвы даже стали как бы украшением Борьбы, доказательством величия выдвинутых целей, ожесточенности схватки «сил прогресса и реакции». В воспоминаниях Федора Степуна бешеная энергия и маниакальное упоение властью руководителей революции выглядят именно как силы ада, вырвавшиеся из под власти «удерживающего»¹⁵. Монументальность и неистовость, с которыми большевизм принялся за созидание коммунистического общества, сравнимы только с сотворением мира, как оно рассказано в книге Бытия – «День за днем низвергал он на взбаламученную революцией темную Россию свое библейское: «да будет так»... «Да не будет Бога, да не будет Церкви, да будет коммунизм»... В ответ на ленинское «да будет так», жизнь отвечала не библейским «и стало так», но всероссийским «и так не стало». Перенесенное в плоскость человеческой воли творчество из ничего не созидало новой жизни, а лишь разрушало старую» [56].

Патриарх Тихон уже только через год, в октябре 1918 года, в своем послании Совету народных комиссаров, имел все причины обличать новую власть: «Вы

¹⁵ «противящийся и превозносящийся выше всего, называемого Богом или святынею, так что в храме Божием сядет он, как Бог, выдавая себя за Бога» (2 Фес 2:4).

разделили весь народ на враждующие между собой станы и ввергли их в небыvalое по жестокости братоубийство... Не России нужен был заключенный вами позорный мир с внешним врагом, а вам, задумавшим окончательно разрушить внутренний мир. Никто не чувствует себя в безопасности; все живут под постоянным страхом обыска, грабежа, выселения, ареста, расстрела... Не проходит дня, чтобы в органах вашей печати не помещались самые чудовищные клеветы на Церковь Христову и ее служителей, злобные богохульства и кощунства... Не есть ли все это верх бесцельной жестокости со стороны тех, которые выдают себя благодетелями человечества и будто бы сами когда-то много претерпели от жестоких властей?.. Все это у всех на глазах. Да, мы переживаем ужасное время вашего владычества и долго оно не изгладится из души народной, омрачив в ней образ Божий и запечатлев в ней образ Зверя...» [57].

Поэтому совсем не случайно, что в большевистской пропаганде такой большой удельный вес занимала «оптимистически трагедийная» и патетическая песенная культура, с помощью которой стремились заместить и заглушить в народе совестливые импульсы за содеянное. И конечно, на первом месте в языческо-богоборческом эпосе стоит его стержневой клич: «Добьемся мы освобожденья своею собственной рукой!», чему предшествует уверение, прямо противоположное девизу российской государственности – «никто не даст нам избавления – ни бог, ни царь и ни герой». Этой сатанинской литургике самозванства, гримирующей эстетическими средствами безжизненность и бездуховность, может противостоять именно христианский Бог, православный Царь и подлинный Герой.

Как бы ни относиться к личности Николая II, к его окружению последних лет, к его моральным качествам и способностям как государя, проявлявшихся в тех или иных обстоятельствах не так, как от него ожидалось, свергнутый и скомпрометированный, – он в любом случае продолжал оставаться иконой. Владимир Карпец справедливо утверждает, что «не может быть плохого или хорошего, умного или глупого Царя. Есть Царь. И измена ему есть духовное прелюбодеяние всего народа...» [61].

Николай II сказал однажды: «Если России нужна искупительная жертва, я буду этой жертвой» [62].

Существует самая разнообразная и полярная по оценкам биографическая литература Николая Александровича Романова; в качестве примера можно привести несколько мнений:

В одном отношении царствование Николая является величественным: он сделал невозможным самодержавие в России. Двадцать два года упорной, неослабной, ни на минуту не прерывавшейся работы понадобилось ему на то, чтобы в насквозь монархической, темной, неграмотной, мужицкой стране не только расшатать и ослабить, но и с корнем... вырвать вон исこんную и мистическую любовь к царю, веру в него... И только, когда Николай II увидел, наконец, что труды его увенчались успехом, что он добился цели, и спокойно и просто – («как командование ротой передал», – говорили очевидцы) – подписал текст отречения» [63];

«...религиозный мистицизм, пристрастие к спиритизму, оккультизму и т.д., характерные для всей царской семьи и придворного окружения, особенно остро проявлялись у царствующей четы»;

«Александр III был самолюбивый царь и благодушный и простой дворянин. Николай II – малосамолюбивый царь и весьма самолюбивый и манерный Преображенский полковник»;

«Мне представляется, что это событие вызвало в душе будущего императора отрицательное отношение к Японии, т.е. я хочу сказать, что этот удар шашкой японского изувера, нанесенный в голову молодому цесаревичу, конечно, неблагоприятно повлиял на его впечатления о Японии и о японцах в частности... Если бы не было такого мнения о японцах, как о нации антипатичной, ничтожной, и бессильной..., то, вероятно, мы бы не начали эту позорную политику на Дальнем Востоке ... и не пережили бы всех тех ужасов, которые мы переживали как во время войны, так еще большие как ее последствия» [64].

«Император Николай II был просвещеннейшим Монархом, глубоко верующим человеком, твердо усвоившим учение св. Православной Церкви, проникнутым сознанием Своей высокой миссии Православного Самодержавного Монарха, Помазанника Божьего... Вот те начала, на основе которых Император Николай II по примеру своих предков, вел государственный корабль, чтобы обеспечить народу мир и благоденствие» [65].

Кажется, что человеческая история происходит более или менее стихийно, но удивительно, что периодически она «вдруг» начинает кристаллизоваться. Действующие лица истории прокладывают свой путь не по внешним ее отметинам (событиям); они обычно не подозревают, что продвигаются по уже проложенному руслу, до поры до времени приковенному и неприметному. Жестокость «вообще» приобретает сакраль-

ный смысл, она «возвеличивается» помещением ее в надмирную сферу бытия; этим усугубляется и в дальнейшем образует относительно самостоятельный механизм, действующий в человеческой истории, в котором мистически переплетаются наивные представления людей о происходящем и Божье Провидение.

Литература:

1. *Бердяев Н.* Царство Божие и царство кесаря. – «Путь», Париж, 1925. № 1. С. 38.
2. Цит. по: *Тихомиров Л. А.* Монархическая государственность. СПб.: «Комплект», 1992. С. 16–17.
3. *Шмеман А.* Исторический путь православия. М.: «Паломник», 1993. С. 248–249.
4. *Карпец В.* Российское самодержавие и русское будущее (на пути к православному государствоведению). – «Выбор» (литературно-философский журнал русской христианской культуры). Москва, 1990. С. 222.
5. *Флоренский П.* Иконостас // Богословские труды. 1972. № 9. С. 108.
6. *Флоренский П.* Там же. С. 97.
7. *Флоренский П.* Там же. С. 97–99.
8. *Булгаков С.* Икона и иконопочитание (догматический очерк). Париж: YMCA-PRESS, 1931. С. 120–121.
9. *Шмеман А.* Там же. С. 255.
10. *Ильин И. А.* Почему сокрушился в России монархический строй? – В сб. Ильин И. А. О грядущей России. Избранные статьи. М.: Воениздат, 1993. С. 105–106.
11. См. *Тихомиров Л. А.* Монархическая государственность. 4. 4, отдел П, гл. XI – «Царские принципы».

12. Зеньковский В. История русской философии. Париж, 1948. Т. 1. С. 50.
13. Тихомиров Л. А. Единоличная власть как принцип государственного строения. М.: изд-во «ТРИМ», 1993. С. 80–81, 90–91, 101–102.
14. Цит. Тихомиров Л. А. Монархическая государственность. С. 538.
15. Тихомиров Л. А. Единоличная власть как принцип государственного строения. С. 102–103.
16. Тихомиров Л. А. Там же. С. 112.
17. Буздилович П. Н. О возможности восстановления монархии в России – «Русское возрождение» (независимый русский православный национальный журнал). Нью-Йорк – Москва – Париж, 1986. № 34. С. 105.
18. Ильин И. А. О Государе. – В сб. Ильин И. А. О грядущей России. С. 299.
19. Алексеев Н. Н. Идея «Земного Града» в христианском вероучении. «Путь», Париж, 1926. № 5. С. 18.
20. Тихомиров Л. А. Единоличная власть как принцип государственного строения. С. 112.
21. «Московские ведомости», 1884. № 12.
22. Клеман Оливье. Вопросы о человеке. Там же. С. 24.
23. Булгаков С. Православие и государство. – «Русское возрождение» (независимый русский православный национальный журнал). Нью-Йорк – Москва – Париж, 1987. № 38–39. С. 247–248.
24. Булгаков С. Православие и государство. – «Русское возрождение» (независимый русский православный национальный журнал). Нью-Йорк – Москва – Париж, 1987. (II–III), № 38–39. С. 242.
25. Клеман Оливье. Вопросы о человеке. – «Беседа», Ленинград – Париж, 1988. № 7. С. 24.

-
26. Цит. *Карташев А. В.* Судьбы «Святой Руси». – «Русское возрождение», 1987. (II–III), № 38–39. С. 261.
 27. *Флоровский Г.* Антиномии христианской истории: империя и пустыня. – «Мера» (литературный, историко-художественный, религиозно-философский журнал). СПб., 1994. № 4. С. 13–14.
 28. *Гегель.* Наука логики. Т. 1. М.: «Мысль», 1970. С. 192.
 29. *Тюрин П.* Введение в психологию дизайнера творчества. Рига, 2001. Гл. 3.
 30. *Бердяев Н.* Дневник философа. – «Путь», Париж, 1926. № 4. С. 139.
 31. *Тихомиров Л. А.* Монархическая государственность. С. 128.
 32. *Тихомиров Л. А.* Там же. С. 121.
 33. *Алексеев Н. Н.* Идея «Земного Града» в христианском вероучении. «Путь», Париж, 1926. № 5. С. 28.
 34. *Алексеев Н. Н.* Христианство и идея монархии. – «Путь», Париж, 1927. № 6. С. 13, 20.
 35. *Булгаков С.* Автобиографические заметки. Париж, 1946. С. 81–82.
 36. *Хорни К.* Культура и невроз. – В сб. Психология личности. Тексты. М., изд-во МГУ, 1982. С. 104.
 37. *Струве П. Б.* Интеллигенция и революция. – В сб. «Вехи. Интеллигенция в России». М., 1991. С. 147.
 38. *Франк С.* Религиозно-исторический смысл русской революции. – «Начала», 1991. № 3. С. 61.
 39. *Булгаков С. Н.* Героизм и подвижничество. М., 1992. С. 441.
 40. *Гиппиус З.* Воспоминания о религиозно-философских собраниях. Предисловие к статье «Правда о земле». – «Наше наследие», 1990. № 4. С. 67.
 41. *Казарян А. С. Л.* Франк о нигилизме и революции. (Предисловие к публикации). – «Начала», 1991. № 3. С. 54–55.

42. Струве П. Б. Интеллигенция и революция. С. 137–139.
43. Солоневич И. Л. Народная монархия. М., 1991. С. 160–161.
44. Солоневич И. Л. Там же. С. 40–41.
45. Хосе Орtega-и-Гассет. Восстание масс. – «Вопросы философии», 1989. № 3. С. 144.
46. Солоневич И. Л. Там же. С. 127.
47. Ильин И. А. Почему сокрушился в России монархический строй? С. 88–89.
48. Ильин И. А. Там же. С. 92–93.
49. От Батыева погрома до перестройки (Зигзаги в развитии Российской империи). – «Советская литература», 1991. № 1. С. 138.
50. Регельсон Л. Церковь в истории России. – «Путь православия», М., 1993. № 2. С. 142-143.
51. Лопухин П. С. Святая Русь и русское государство. – «Русское возрождение». Нью-Йорк – Москва – Париж, 1989 (III–IV). № 47–48. С. 42.
52. Карпец В. Российское самодержавие и русское будущее (на пути к православному государствоведению). – «Выбор» (литературно-философский журнал русской христианской культуры). Москва, 1990. С. 218.
53. Цит. по Алферьев Е. Е. Император Николай II как человек сильной воли. Джорданвилль. Свято-Троицкий монастырь, 1983. С. 144.
54. Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 108.
55. Бердяев Н. А. Там же. С. 125–126.
56. Булгаков С. Н. Героизм и подвижничество. С. 411–412.
57. Степун Ф. Октябрь семнадцатого. – «Путь» (газета

- Российского христианского демократического движения), 1992. № 10.
58. Послание Патриарха Тихона Совету Народных Комиссаров. – «Наш современник», 1990. № 4. С. 161–162.
59. Новгородский Аноним. Церкви Петра, Павла и Иоанна. – «Мера», СПб, 1995. № 1. С. 26.
60. Журнал Высочайше учрежденного Совещания для рассмотрения вопроса о возможности признания брака Его Императорского Высочества Великого Князя Кирилла Владимировича с бракоразведенною супругою Великого Герцога Гессен-Дармштадского Мелиттою (заседание 4-го декабря 1906 года). С. 284–291; Мемория высочайше учрежденного Особого Совещания для обсуждения вопросов, касающихся устраниния Его Императорского Высочества Великого Князя Кирилла Владимировича от престолонаследия. С. 292–299. М., 1996.
61. *Карпец В.* Хождение по водам. «Путь» (Газета РХДД), 1992. № 7.
62. *Тихменев Н. М.* Духовный облик Императора Николая Второго. США, изд. Союза Ревнителей Памяти Императора Николая II, 1952. С. 4.
63. *Василевский И. (Не-Буква).* Николай II. Берлин, Русское универсальное изд-во, 1923. С. 4–5.
64. *Витте С. Ю.* Избранные воспоминания. 1849–1911 гг. М.: «Мысль», 1991. С. 678, 576, 288.
65. *Алферьев Е. Е.* Император Николай II как человек сильной воли. Джорданвилль. Свято-Троицкий монастырь, 1983. С. 54.

**ЦЕРКОВЬ
ИСПОВЕДНИКОВ И МУЧЕНИКОВ**

Графические работы, представленные в этой рубрике альманаха, выполнены художницей Лилией Ратнер (Москва) и являются частью серии «Новомученики». Вся серия экспонировалась на выставках в 2012–2013 годах.

Лилия Ратнер

ПАВЕЛ КОРИН – ХУДОЖНИК, МИССИОНЕР, ИСПОВЕДНИК

Несколько лет назад директор музея П. Д. Корина (1892–1967) показал нам эскизы к картине «Русь уходящая». То, что мы увидели, нас глубоко поразило. Портреты не висели на стенах мастерской, а стояли на полу, образуя круг. Это были двухметровые гиганты, написанные замечательным мастером. Они казались живыми, но главным было не это. От них исходила могучая сила духа. Я помню странное чувство своей малости и одновременно, защищенности. Это были духовные лидеры Русской Православной Церкви. Назвать эти портреты эскизами было невозможно, портреты были абсолютно закончены, блестяще выполнены. Эта могучая живопись отсылала к эпохе Возрождения.

«Реквием» – так назвал Павел Корин эту сюиту, которую создавал с 1925 по 1960 годы. Горький же назвал ее «Русь уходящая», и это послужило ей охранной грамотой.

Мы знали П. Корина как потомственного палехского иконописца, как высоко ценимого портретиста, написавшего много отличных портретов деятелей культуры, как автора мозаик и витражей метро. За это он был отмечен многими наградами и премиями и казался весьма благополучным художником, вполне в традициях русской реалистической школы.

Но тут мы увидели совсем иного Корина. Оказалось, что у него была другая, тайная жизнь, она-то и была главной. В годы, когда страна была захлестнута волной

террора, когда Русская Православная Церковь подверглась уничтожению, когда сталинский тоталитаризм пытался уничтожить все живое, одухотворенное, создав взамен божеской реальности «социалистическую» идеологию и заставлял людей жить по ее, поистине «демоническим» законам, художник и христианин Павел Корин доказал, что мир может спасти не какая-то «идея», даже христианская, а только «реальность Воскресения – настоящего чуда, последующего за настоящей смертью», как пишет О. Седакова в предисловии к книге Адриано Дель-Аста «Борьба за реальность». «Мир советского человека – это сиротский мир без красоты и «тайны», – пишет она там же.

И вот один человек, художник, христианин, встал «в проломе стены». Решился запечатлеть жизнь, воскресить великую духовность, обреченную на смерть. Трудно представить себе, как он жил эти почти 30 лет жесточайшего террора, принимая у себя «врагов народа», позировавших ему. И он не только их писал, он их воспевал!

Конечно, Корину помог Горький, неожиданно посетивший его мастерскую в 1931 году и давший картине весьма двусмысленное название «Русь уходящая». Но ведь достаточно было взглянуться в эти лики, чтобы понять их истинную значительность. И задача его была не только в том, чтобы запечатлеть, сохранить, но, прежде всего, вдохнуть в эти портреты весь свой талант, всю любовь и веру. Конечно, сам Господь хранил и вдохновлял его. «Наполнял душу светом и радугой глаза» (В. Никипелов «Обыск»).

Поразительно, что иные критики и знатоки искусства видели в этих великих образах «умертвевших фанатиков». Поистине Господь закрыл им глаза. До сих пор

осуществление этого замысла остается загадкой и порождает множество дискуссий.

Толчком к принятию такого героического решения послужили похороны патриарха Тихона в 1925 году, потрясшие Павла Корина.

Вот его собственная запись о том, что хотел бы автор вложить в картину:

«Вечер. Колокольный звон. «Реквием» Берлиоза. Помни День гнева. Какое величие! Вот бы так написать картину. День гнева, День суда, который превращает мир в пепел».

Цикл произведений, созданных Кориным за его творческую жизнь, содержит 29 портретов, несколько вариантов композиции, этюды, интерьеры Успенского собора Московского Кремля, рисунки с натуры и, конечно, огромный загрунтованный холст, который является очень важной составляющей художественного проекта, своего рода инсталляцией. Каков же сам замысел художника?

Перед нами предстает галерея портретов, которые писались с 1925 по 1953 годы. И их никак нельзя назвать подготовительными эскизами к большой картине. Каждый из них – самостоятельное произведение, законченная картина и по композиции, и по выполнению, и по глубокому психологизму. Они различаются по колориту, и по живописной манере. Каждый образ написан своим неповторимым языком.

Мы видим подлинных свидетелей веры, лучших представителей Русской Православной Церкви: мучеников и исповедников – патриархов, митрополитов, епископов, монахов и монахинь, схимников и мирян. Многие из них были расстреляны и замучены, многие были сосланы, но выжили и не сломались, и все они были

и остаются символами несгибаемости, непобедимости нашей Церкви в величайшей трагедии XX века.

Композиция картины сложилась не сразу. Сначала Корин видел ее как крестный ход, исход, последнее шествие. Но постепенно вырастала идея предстояния. «Уход» Церкви превратился в идею ее вечной неистребимости.

Некоторые искусствоведы ставят в упрек Корину схематичность композиции, сравнивают с «Утром стрелецкой казни» или «Боярыней Морозовой» В. Сурикова. Эти сравнения в высшей степени неуместны. Свернутая в спираль, как пружина часового механизма, композиция «Утра» полна ненависти и противостояния бунтарей и царя. «Боярыня Морозова» – как бы распятая в санях собственным фанатизмом, кажется мертвой. А герои Корина полны духовных сил и жизни перед лицом богоборческой власти. «Церковь неистребима!», – говорят эти портреты, ее не согнуть, даже если убить лучших.

На фоне иконостаса Успенского собора Московского Кремля, где явлены изображения святых земли русской, стоит шеренга коринских героев. Группа поделена на две части. В центре портреты трех патриархов, возглавлявших Церковь последовательно: Тихон (Белавин), Сергий (Страгородский) и Алексий I (Симанский). А «замковым камнем» всей композиции служит, безусловно, маленькая, но горящая как огонь фигура митрополита Трифона (Туркестанова). Его ярко-алое пашальное облачение, его вдохновенный взгляд держат всю композицию.

* * *

Митрополит Трифон (Туркестанов, 1861–1934).

Это имя много значит для православного сердца. Десятилетиями ходили по рукам списки его удивительно-го акафиста «Слава Богу за все».

Надо сказать, что после 1917 года, с начала жесточайших гонений на Русскую Православную Церковь творчество духовных гимнографов не иссякло, но продолжало жить. Переписывались и перепечатывались старые, ходили по рукам новые акафисты. Церковь не желала умолкать, ее творческая жизнь продолжалась, и это поддерживало верующих.

Авторство акафиста «Слава Богу за все» долгое время оставалось неизвестным. Акафист написан на современном русском языке и является собой яркое художественное произведение. «Он имеет глубоко личный характер», – пишет священник Игорь Филиновский, автор жизнеописания митрополита Трифона (Туркестанова). «Владыка Трифон смело вводит свое “я” в ткань поэтического повествования и обращается к Творцу из глубины своего сердца, из недр своего неповторимого земного существования».

«Слабым, беспомощным ребенком родился я в мир, но Твой Ангел простер светлые крылья, охраняя мою колыбель. С тех пор любовь Твоя сияет на всех путях моих, чудно руководя меня к свету вечности. [...]»

Когда я в детстве первый раз сознательно призвал Тебя, Ты исполнил мою молитву, и душу осенил благоговейный покой...»¹.

¹ Здесь и далее цитаты из *Акафиста* приводятся по изданию: Акафистник. «Жизнь с Богом», Брюссель, 1978. (Прим. ред.)

Трагизм бытия также не оставлен автором без внимания, Но это не лишает его чувства глубочайшей благодарности Богу:

«Как близок Ты во дни болезни, Ты Сам посещаешь больных, Ты Сам склоняешься у страдальческого ложа, и сердце беседует с Тобой. Ты миром озаряешь душу во время тяжких скорбей и страданий... [...]»

Разбитое в прах нельзя восстановить, но Ты восстанавливаешь тех, у кого истлела совесть, но Ты возвращаешь прежнюю красоту душам, безнадежно потерявшим ее. С Тобой нет непоправимого. Ты весь любовь. Ты – Творец и Восстановитель. Тебя хвалим песнью: Аллилуя!».

С этим акафистом многие христиане уходили в тюрьмы, ссылки, лагеря. Он вдохновлял, давал силы, укреплял веру. Название акафисту дали слова свт. Иоанна Златоуста, которые, согласно преданию, были сказаны им перед смертью. Так ответил митрополит Трифон на призыв апостола Павла: «Всегда радуйтесь, непрестанно молитесь, за все благодарите» (1 Фес 5:16).

Теперь несколько слов о самом митрополите Трифоне, которого любила и почитала вся Москва. Именно к нему, по совету своего друга художника М. В. Нестерова, обратился Корин, когда задумал свою картину. «Если владыка Трифон согласится, то пойдут и другие». Только авторитет этого человека смог склонить монахов и монахинь, священников и архиереев позировать художнику. Помимо того, что это было неслыханно для духовенства, это было уже и чрезвычайно опасно.

Митрополит Трифон жил тогда в Москве на покое и дал согласие позировать Корину для картины. Состояние здоровье у него было уже плохим, и Корин сумел сделать только четыре сеанса. Но этого было доста-

точно. Он написал блестящий портрет выдающегося пастыря, полного молитвенного вдохновения, в огненно-красном пасхальном облачении с архиерейским посохом в руках. И это было воспринято всеми остальными как благословение.

Митрополит Трифон, в миру – князь Борис Петрович Туркестанов (Туркестанишвили) родился 29 ноября 1861 года в Москве. По отцу он принадлежал к грузинскому княжескому роду, восходящему к XV веку. Его працадед, князь Борис (Баадур) Панкратьевич Туркестанов, переселился из Грузии в Россию при императоре Петре I. Отец будущего митрополита – князь Петр Николаевич Туркестанов (1830–1891) отличался тонким умом и мягким сердцем, глубокой религиозностью. По складу своей натуры это был типичный идеалист с повышенными стремлениями, практическая сторона жизни мало его занимала. Мать – Варвара Александровна, урожденная Нарышкина, была племянницей декабриста Михаила Михайловича Нарышкина и унаследовала лучшие традиции этой семьи. О ней сохранилось немало семейных преданий. Она не только воспитала шестерых детей, но была настоящей христианкой, откликающейся на беду каждого. Об этом свидетельствует сборник «Памяти В. А. Туркестановой», изданный в 1913 году Шамординской женской обителью.

До пострижения в монашество Борис не знал о том, что с детства он, по обету матери, был посвящен Богу. В воспоминаниях Варвары Александровны читаем: «Мой Боря во младенчестве был очень слаб и часто прихварывал. В одно время он так расхворался, что врачи не надеялись на его выздоровление, тогда я прибегла к врачу Небесному. Особенно я любила молиться в церкви мученика Трифона, находившейся на окраине Москвы.

Церковь эта в то время не отличалась ни богатством, ни обширностью. Молилась я святому мученику Трифону за своего малютку Борю. Слезно просила у святого мученика его ходатайства пред Богом за больного сына, обещая, если он выздоровеет, посвятить его на служение Богу и, если ему суждено будет отречься от мира, назвать его при пострижении в монашество Трифоном. После этого Боря стал быстро поправляться, скоро он совсем выздоровел... И, как видите, обещание выполнено».

После выздоровления сына Варвара Александровна совершила поездку с ним в Оптину пустынь. Когда они подходили к домику преподобного Амвросия (Гренкова, 1812–1891), старец неожиданно сказал толпившемуся у его дверей народу: «Дайте дорогу, архиерей идет». Расступившись, люди с удивлением увидели вместо архиерея приближавшуюся женщину с ребенком.

Окончив Поливановскую классическую гимназию, одну из лучших в Москве, Борис Туркестанов в 1883 году поступил на историко-филологический факультет Московского университета.

Еще будучи гимназистом, в конце 70-х годов, он посетил Черниговский скит, расположенный недалеко от Троице-Сергиевой Лавры. Огромное впечатлению на юношу произвела встреча со старцем Варнавой (Меркуловым), подвизавшимся там. «С этого времени началось мое с ним духовное знакомство, – пишет владыка, – и продолжалось оно до конца жизни старца (1906)». Это и определило духовный путь будущего митрополита и подготовило его к принятию решения о монашеском пути.

В 1884 году по благословению о. Варнавы Борис Туркестанов едет в Оптину пустынь и становится послуш-

ником у старца Амвросия. Он несет в пустыни самые разные послушания. «Ученик всецело подчиняет себя воле старца, он каждодневно открывает ему все свои мысли, чувства, недоумения, и на все получает надлежащий ответ».

31 декабря 1889 года Борис Туркестанов принял иноческий постриг с именем в честь святого мученика Трифона. Затем рукоположен во иеродиакона, а 6 января 1890 года, в праздник Крещения Господня, Богоявления (ст. ст.), – во иеромонаха. Сбылась его заветная мечта, исполнился и обет, данный его материю.

Вскоре молодого иеромонаха пригласили занять место учителя и надзирателя в миссионерском Духовном училище во Владикавказе. Но смерть отца заставила его вернуться в Москву. Для него это была тяжелая утрата. Утешая своего бывшего послушника, старец Амвросий говорил: «смерть посыпается Милосердным Господом в самое лучшее время, когда душа наиболее к ней приуготовлена». Амвросий благословил его поступать в Московскую Духовную академию.

Будучи студентом Московской Духовной академии, иеромонах Трифон избрал нелегкое послушание священника в пересыльной тюрьме Сергиева Посада во имя иконы Божьей Матери «Утоли мои печали».

Служение узникам – особое служение. Тут пастырь имеет дело с людьми, в которых образ Божий зачастую искажен грехом до неузнаваемости. Необходимо помочь человеку осознать это, преодолеть ненависть к миру, привести к раскаянию. Очень часто эта ненависть обращается против пастыря, и тут от него требуется и мужество, и смирение, и, конечно, особая любовь. Видимо, это удавалось о. Трифону. Обращаясь к осужденным, иеромонах Трифон назидал и утешал их: «Вы

временно удалены от людей: друзей, родных и знакомых... как бы заключены в затвор для обозрения предыдущей жизни греховной. Пусть не пропадет это дорогое для вас время в нетерпеливом ропоте и сетованиях на свою долю...» Часто он говорил: «Дай Бог, чтобы православные христиане каялись, как эти преступники». За свое тюремное служение он был награжден золотым наперсным крестом. В день окончания служения в тюрьме узники с благодарностью и любовью преподнесли ему икону Божьей Матери «Утоли мои печали».

В 1895 году иеромонах Трифон окончил Московскую Духовную академию со степенью кандидата богословия. Он превосходно знал греческий и латинский, а также французский, немецкий и английский языки. Его кандидатская диссертация «Древнехристианские и оптинские старцы» получила высокую оценку.

В том же году иеромонах Трифон был определен смотрителем Московского Духовного училища при Донском монастыре. Через два года он получил назначение на должность ректора Вифанской Духовной семинарии, расположенной возле Сергиева Посада. Одновременно он был возведен в сан архимандрита. А вскоре становится духовным цензором изданий Троице-Сергиевой Лавры. На «Троицких листках» того времени в выпусках духовно-нравственного содержания стоит его имя.

22 сентября 1899 года архимандрит Трифон был назначен ректором Московской Духовной семинарии. И хотя он сравнительно недолго исполнял обязанности ректора, но оставил по себе добрую память у студентов и преподавателей. Его отличали доброта и забота о нуждах учащихся, в то же время он честно ставит диагноз тому духовному недугу, что охватил тогдашнее российское общество – разлад между сердечной верой

одной части русского народа и «скорбным бесчувствием» другой, охваченной материализмом, эзотерикой, да и просто безверием. Все эти прискорбные и агрессивные настроения все шире распространялись среди населения России на рубеже столетий. Он ощущал, что мир уходит от церковных стен, а жар веры покрывает-ся пеплом обыденности и рутины. Слово Божье уже не является «единым на потребу», а глухие толчки грядущего исторического обвала уже были ясно различимы в воздухе России начала XX века.

Митрополит Московский и Коломенский Владимир (Богоявленский), высоко ценивший Туркестанова, по-желал видеть его среди своих викариев. С согласия Святейшего Синода 1 июля 1901 года в Успенском соборе Московского Кремля архимандрит Трифон хиротонисан в епископа и его определили «быть епископом богоспасаемого града Дмитрова» и одновременно настоятелем Московского Богоявленского монастыря.

При этом владыка Трифон не оставлял своих научных трудов. Он являлся действительным членом Московского Археологического института, в соответствии, с программой которого организовал в Большом Успенском соборе и в Богоявленском монастыре совершение древнего русского богослужебного обряда «пещного действия» (театрализованная мистерия) и составил его изъяснение, изданное в 1913 году отдельной брошюйрой.

Будучи настоятелем Московского Богоявленского монастыря, епископ Трифон поставил в его соборном храме два придела: во имя святителя Черниговского Феодосия и во имя Иоанна Предтечи. Его заботами во многие московские храмы было проведено электрическое освещение.

Владыка Трифон был истинным пастырем и пламенным проповедником, за свои проповеди его именовали «московским Златоустом», но также он имел и полуслуговое прозвище «кухаркин архиерей», потому что часто совершал ранние службы, на которые рабочий люд мог придти до работы.

В 1905 году страну захлестнула волна террора. От бомбы, брошенной Иваном Каляевым, погибает московский генерал-губернатор Великий князь Сергей Александрович. Потрясенная этим, его жена, Великая княгиня Елизавета Федоровна (будущая преподобномученица), уходит из мира и на свои личные средства устраивает Марфо-Мариинскую обитель милосердия, которая была ею задумана также и как духовно-просветительский центр.

Владыка Трифон поддержал эти начинания Великой княгини и 9 сентября 1909 года освятил храм обители в честь Покрова Божьей Матери и святых жен-мироносиц Марфы и Марии.

В 1914 году началась Первая мировая война. Владыка Трифон просит направить его в действующую армию. Он оставил должность викария Московской епархии и отправился на фронт полковым священником. На передовых позициях на польском и румынском фронтах владыка утешал раненых и напутствовал в вечную жизнь умирающих. Он раздавал воинам присылаемые для них его духовными детьми подарки.

Около года епископ Трифон исполнял обязанности сначала полкового священника 168-го пехотного Миргородского полка, затем – благочинного 42-й пехотной дивизии. В своем дневнике владыка Трифон оставил трагические страницы описаний разоренных земель, а также рассказы о героизме солдат и офицеров.

«За проявленную храбрость при совершении богослужений на линии огня и за беседы в окопах с воинами во время боя» епископ Дмитровский Трифон (Туркестанов) был награжден панагией на Георгиевской ленте и орденом святого Александра Невского. Он был единственным архиереем, удостоенным такой награды.

На фронте он был контужен и вернулся в Москву с подорванным здоровьем и почти потерянным зрением одного глаза. Указом Священного Синода его назначают настоятелем Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря под Москвой, где вдали от города он мог хотя бы немного поправить свое здоровье.

В 1917–1918 гг. владыка Трифон проживал в Ново-Иерусалимском монастыре. Но новая власть закрыла монастырь. Владыка Трифон оказался буквально на улице, ему пришлось скитаться по квартирам своих родственников и духовных детей. Нигде его не прописывали, поскольку духовенство было большевиками объявлено контрреволюционным классом. Его часто вызывали на допросы в ОГПУ. Без прописки он был лишен продовольственной карточки и жил под постоянной угрозой высылки. Однако, несмотря на все трудности, владыка Трифон оставался глубоким и мудрым наставником для множества людей.

Помимо массовых гонений и репрессий со стороны советской власти, внутри Церкви начались разделения и расколы. Но владыка Трифон твердо держался линии Патриарха Тихона, который с большой любовью относился к нему и в 1923 г. возвел его в сан архиепископа.

Сам Патриарх Тихон пережил несколько покушений, множество допросов и даже тюремное заключение. Он скончался 7 апреля 1925 года. Со смертью Патриарха Русская Православная церковь вступила в новый

исповеднический этап своего пути. После ареста патриаршего местоблюстителя митрополита Петра (Полянского) управление Церковью перешло к митрополиту Нижегородскому Сергию (Страгородскому).

Владыка Трифон чудом избежал арестов и ссылок, он не был, как большинство духовенства, подвергнут репрессиям, но духовная деятельность его была беспрецедентна. Особое место и значение имел и имеет написанный им акафист «Слава Богу за все». Для духовенства и простых верующих акафист был мощной духовной поддержкой в годы гонений. Акафист распространялся по всей России во множестве рукописных копий.

Митрополит Трифон (Туркестанов) был подлинным служителем Христа и Его Церкви, пастырем и исповедником. Не случайно П. Корин сделал его ключевой фигурой своей грандиозной работы. Его портрет приковывает к себе сразу: небольшого роста архиерей смотрит куда-то вдаль, его взгляд полон горения и внутренней силы. На картине его видно сразу, он стоит впереди, его красное пасхальное облачение выделяется среди темных монашеских облачений рядом стоящих фигур, оно как яркая искра, как пламя свечи. Этим ярким пятном Павел Корин соединяет весь сонм духовных героев, стоящих в пространстве Успенского собора.

* * *

Вернемся к картине «Русь уходящая». Куда она уходит? В центре картины Корин изобразил высшее духовенство. Рядом, плечом к плечу стоят три патриарха, возглавлявших Русскую Православную Церковь в советское время. А неподалеку от них стоит иеромонах

Пимен, которому также предстояло стать патриархом, но этого уже Корин не застал. Интуиция художника подсказала ему выделить этого, тогда молодого еще человека, привлекшего внимание своей внутренней собранностью и цельностью. Уже одно это говорит о том, что речь идет не об уходящих в небытие церковных деятелях, как трактуют картину некоторые критики, это вовсе не «отходная православию». Здесь мы не видим склоненных, побежденных, сломленных людей, смиренно принимающих приговор эпохи и свою неизбежную участь. Нет! Все эти люди – иерархи и простые монахи, схимники и миряне, аристократки и нищие слепцы – полны неугасимых сил и веры. Они не уходят, они смотрят в глаза грядущему, помня о словах Господа «Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее» (Мф 16:18).

Но почему же, так детально продумав композицию и проработав эскизы, картину свою Павел Корин так и не написал? Почему художник даже не тронул кистью огромный холст, оставшийся девственно чистым?

Не следует думать, что Корин отказался от мысли воплотить свой замысел из-за опасения партийных функционеров, которые ревностно следили, чтобы «чуждые народу идеи» не проникали в общество и «образы мракобесов и фанатиков» не увидели свет. Хотя на Корина постоянно писали доносы. Например, в 1930 г. на имя Сталина поступило письмо, в котором говорилось: «Подготовка Корина к картине выражается в сотне эскизов, натурщиками для которых служат монахи-изувверы... Наши попытки доказать ему ложность взятой им темы пока не имела успеха. Прошу вашего указания по этому вопросу». И таких писем было немало.

Сам Павел Корин страстно хотел завершить работу. И ни возраст, ни ухудшившееся здоровье не могли его

остановить. Ни одной минуты он не верил в исчезновение Православной церкви. Он твердо знал, что она была, есть и будет. Все ложное, искажающее ее лицо, это только трагический этап в истории великого народа. О своей картине он говорил так: «За всю Церковь нашу переживал, за Русь, за русскую душу. Тут больше меня, чем всех этих людей; я старался их видеть просветленными и сам быть в приподнятом состоянии. Для меня заключено нечто невероятное в слове «уходящие». Когда все пройдет, то самое хорошее и главное – оно останется». В этой картине, по его выражению, «Церковь выходит на последний парад».

Но это он говорил о картине. А портреты были сделаны задолго до того, как замысел полотна сложился у художника. Были ли они только подготовкой к большой картине? Нет, конечно! Каждый из этих портретов – вполне самостоятельное произведение, законченная картина. Все вместе они являются собой целую галерею удивительных личностей, единую стихию веры, духовный поток, который невозможно остановить. И совершенно очевидно, что замысел картины становился ясен автору постепенно, по мере работы над портретами самых разных и удивительных людей.

Почти четверть века Павел Дмитриевич Корин трудился над эскизами к задуманной им картине, которая так и не была им написана. На юбилейной выставке художника в Государственной Третьяковской галерее все они были впервые выставлены для широкой публики. Но главным героем этой выставки было огромное белое полотно – подготовленный художником холст, на котором должны были встать все герои его картины.

Вот как об этом пишет искусствовед М. А. Реформатская: «Громадный нетронутый холст стоял, почти пу-

гая своей белизной, поодаль; диагонально, но симметрично радиусами расходились ряды портретов... Впечатление такое, что на вас шел Бирнамский лес в виде фигур – черных, серых с мощными суровыми взорами. Белый холст представлял собой некую контрверзу «черному квадрату» Малевича. Ведь «Черный квадрат» – это икона определенного направления, переживания мира «я»... Мне кажется, что Корин оставил белый холст... как икону гигантского света... В нетронутом холсте была идея благоговения к большой картине, к пластам русской традиции, которая просвечивает в творчестве П. Д. Корина, воспринимавшего себя и как художника, и как миссионера от искусства».

Нам же кажется, что все герои Корина ушли в чистоту и белизну холста, покинув эту землю, на которой воцарился хаос. И в чистоте холста отразилась чистота их подвига, их беззаветной веры, их исповедничество. Для нас, потомков, чистота и белизна этого «квадрата» явлена как памятник незапятнанности их веры, их любви и к Богу, и к нам, как бы говоря, что подлинное исповедничество проходит через подлинную смерть и истинность Воскресения.

Павел Корин, владыка Трифон и все герои картины, напоминают нам, что христианство не преходящее, оно никогда не утратит своей ошеломляющей новизны и обезоруживающей правды.

Ирина Языкова

**МАТУШКА ФАМАРЬ (МАРДЖАНИШВИЛИ) –
ГРУЗИНСКАЯ КНЯЖНА И
РУССКАЯ СВЯТАЯ**

*Пускай кругом лишь грязь и смрад,
Пускай не вижу я цветов,
В душе моей посажен сад
Нездешних сладостных плодов.*

Схиигумения Фамарь

На эскизах к картине Павла Корина «Русь уходящая» («Реквием») немного женщин, несколько монахинь и послушниц в черном, а одна старая монахиня – в белом. Ее лицо необыкновенно: благородные и очень во-левые черты, большие выразительные глаза и скорбно сжатый рот. Кажется, что в глазах, обращенных скорей внутрь себя, чем на окружающий мир, прочитывается весь трудный путь этой женщины. На отдельном эскизе это видно еще больше. Здесь старая монахиня сидит в кресле, словно прислушиваясь к чему-то, что происходит в ее душе. Это схиигумения Фамарь, по происхождению грузинская княжна, по жизни – подвижница и свидетель веры, чья жизнь была посвящена Христу и Его Церкви.

Тамара Александровна Марджанова (Марджанишвили) родилась в Грузии, в 1869 году. Происходила она из княжеского рода. Получила хорошее воспитание и образование. Ее отец умер, когда она была еще ребенком, а в девятнадцать лет она потеряла мать. Тамара и ее младшая сестра остались на попечении родственников.

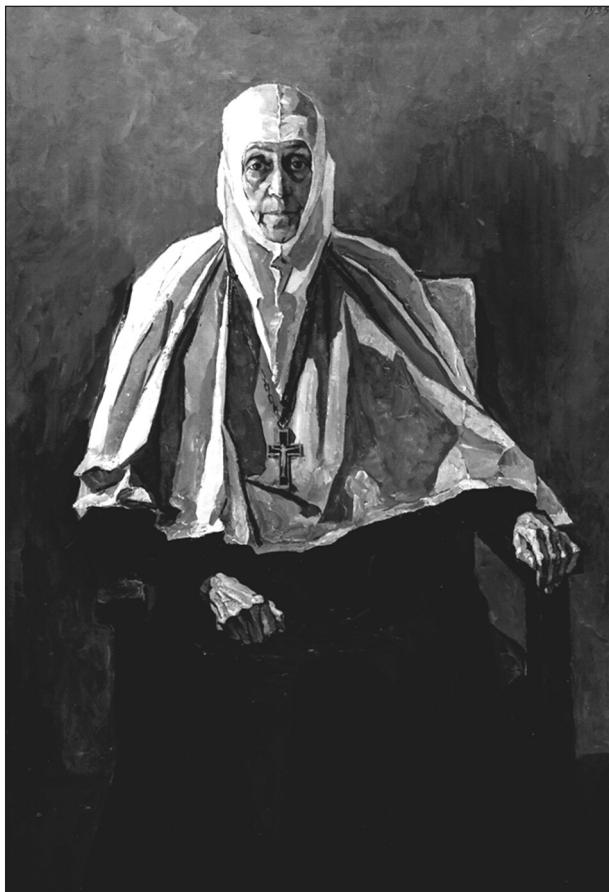
Жили они в родовом имении, вполне обеспеченно, и Тамара считалась одной из завидных невест Грузии – княжна, красавица, состоятельная, образованная, хорошо воспитанная, – многие искали ее руки. У Тамары были большие музыкальные способности и хороший голос, родственники рассчитывали, что она поступит в Петербургскую консерваторию, и к тому ее готовили.

Но княжна Тамара Александровна Марджанова выбрала другой путь.

Как-то летом она гостила у своей тетки, в городе Сигны, неподалеку от Бодби, где был женский монастырь св. Нины, он как раз в это время активно восстанавливался после долгого запустения. Приглашая к себе по гостить, тетка писала: «Вы забыли о нас и не хотите навестить, тогда, по крайне мере, приезжайте посмотреть на открывшийся русский женский монастырь св. Нины, из Москвы сюда присланы монахини»¹. Посещение монастыря произвело на Тамару весьма сильное впечатление. Здесь была погребена святая равноапостольная Нина, просветительница Грузии, которую Тамара очень чтила. Она стала часто бывать в монастыре, привязалась к игумении Ювеналии. Но родственники не одобряли ее внезапно вспыхнувшей религиозности, считали это блажью. Они пытались отвлечь ее от мысли о монастыре, возили в Тифлис, на балы, запирали дома, перехватывали письма. Но Тамара все время думала о монастыре и монашестве, и остановить ее было уже невозможно.

Однажды, не сказав никому ни слова, она покинула дом и уехала в Бодби. Естественно, ее отыскали, хотели силой вернуть домой. Но мудрая игуменья Ювеналия смогла убедить родственников дать возможность

¹ Монастырь св. Нины в Бодби открылся 7 мая 1889 г.

Павел Корин
Схиигумения Фамарь
1935 г.
Холст, масло. 142 x 75

Тамаре время подумать о своем призвании. И если Богу угодно, она сама вернется домой. На том и порешили. Но Тамара не вернулась в родительский дом, выбрала монашество. Говорили, что один из женихов, к ней сватавшийся, застрелился, узнав, что Тамара ушла в монастырь.

Итак, княжна Тамара Марджанова стала жить в монастыре под руководством игумении Ювеналии. Через четыре года она была пострижена в рясофор, а к двадцати восьми годам – в мантию. Во всем и всегда она старалась слушаться игумению, которая заменила ей мать. Неотступно следовала за ней всюду, и даже при постриге ей дали такое же имя – Ювеналия. Их так и звали Ювеналия-старшая и Ювеналия-младшая. Она жила с таким чувством, что никогда не будет разлучаться с матушкой-игуменией.

Но Бог вел ее иначе. В 1902 году Ювеналию-старшую вызвали в Москву и поставили настоятельницей Рождественского монастыря. Ювеналия-младшая тоже стала собирать вещи, чтобы ехать следом, но пришел указ экзарха Грузии – назначить Ювеналию-младшую игуменией Бодбийского монастыря. Ей было чуть за тридцать, а она уже оказалась во главе монастыря, в котором было около трехсот сестер. Под опекой монастыря было также две женские школы, что в Грузии в то время было редкостью. Матушка Ювеналия очень любила свой Бодбийский монастырь, и с большой энергией взялась за него, стараясь продолжить все, что делала ее духовная мать. Но недолго ей пришлось оставаться в Бодби.

В целом местное население хорошо относилось к наследницам Бодбийского монастыря. Крестьяне часто обращались в обитель за помощью, и матушка всех

нуждающихся брала под свою защиту, многие находили приют в стенах монастыря. А бывало и сам монастырь нуждался в материальных средствах. Но Господь не оставлял обитель. И нередко происходили чудеса.

Однажды, когда сестры особенно нуждались, в монастырь пришла помочь – денежный перевод от Иоанна Кронштадтского. Впоследствии, когда они познакомились и подружились, отец Иоанн не раз оказывал помочь монастырю и особо выделял маленькую Кавказскую игумению, как он называл Ювеналию-младшую. Действительно, Тамара Александровна была невысокого роста, но в ней всегда ощущалась высота духовная: благородство, внутренняя сила и подкупающая искренность.

Знакомство с Иоанном Кронштадтским произошло, когда Тамара была еще послушницей. Вот как она в конце жизни вспоминала об этом.

«Впервые увидела я отца Иоанна в Петербургском Воскресенском монастыре, где мы постоянно останавливались, приезжая в столицу по разным делам, а в данном случае со специальной целью – поблагодарить Кронштадтского светильника за оказанное им внимание нашей обители.

Дело в том, что Бодбийский монастырь, переделанный из мужского в женский, на первых порах крайне нуждался в материальных средствах. Бывало, ни денег, ни провизии недоставало, а в долг не давали. И вот однажды, когда особенно ощущался во всем недостаток, мы с матушкой, скорбные, пошли в храм помолиться о ниспослании нам свыше помощи. Стоим и плачем... Вдруг отправляющаяся на почту сестра подает для свидетельствования повестку на двести рублей. Деньги оказались от батюшки отца Иоанна, который писал

матушке: «Приимите, посылаю, родная, на крайние нужды двести рублей».

Это случилось тем более неожиданно, что до сего времени у нас не было ни знакомства, ни переписки с отцом Иоанном. Очевидно, он сам провидел духом, что где-то далеко на Кавказе, во вновь формируемом женском монастыре сестры бедствуют, и для поддержки их послал свою лепту...

После этого игумения Ювеналия в первую же свою поездку в Петербург (в 1892 году) решила во что бы то ни стало повидаться с добрым всероссийским пастырем и лично поблагодарить его за участие.

Итак, мы с матушкой в Воскресенском монастыре, сидим в келии и размышляем, как совершить путешествие в Кронштадт. Едва только успели наметить маршрут, как из игуменской прибежали келейные с известием, что к ним приехал батюшка отец Иоанн и, если желаем, сейчас же можем получить у него благословение. Мы поспешили туда, причем у меня сильно билось сердце. В волнении и духовном трепете я спрашивала самое себя: «Неужели мне придется увидеть того отца Иоанна, о котором я так много слышала еще в детстве от своих близких, с восторгом называвших его великим чудотворцем и прозорливцем?».

Когда мы вошли в гостиную, великий пастырь сидел на диване и о чем-то оживленно говорил. Сперва приняла у него благословение моя матушка, затем несколько монахинь; наконец с другой нашей послушницей подошла и я.

При словах матушки: «Батюшка, благословите – это мои келейные Ксения и Тамара» – отец Иоанн перекрестил меня, поцеловал в голову и сказал: «Тамара-Тамара, благую часть избрала». Я была точно во сне от

полученного благодатного утешения. Батюшка представился мне необыкновенно веселым, радостным и не простым священником, каких мы привыкли видеть, а одухотворенным, неземным...

Скоро все перешли в столовую. Тут он, между прочим, обратился к игумении Бодбийского монастыря с таким требованием: «Дайте мне свои кресты». Та сняла с себя три креста и подала ему, а он стал надевать их на мою шею, причем, держа меня за плечи и поворачивая во все стороны, шутливо говорил: «Вот какая ты у меня игумения – посмотрите на нее!».

От таких слов батюшки я смущилась, а он все продолжал повторять: «Ну посмотрите же на нее!». Глядя на веселое настроение отца Иоанна, я сама сделалась какой-то радостной.

Пошутив, приласкав и благословив всех, Кронштадтский пастырь «улетел» от нас. Говорю «улетел», потому что это так и было: он, как ангел, как метеор, не ходил, а поистине «летал», внося всюду небесную, светлую струю...

Долго потом сидели мы вокруг обеденного стола, вспоминая каждое словечко дорогого пастыря. На мой счет все говорили: «Недаром отец Иоанн надел на тебя кресты – знать, быть тебе игуменией, и понесешь три креста», что действительно спустя много лет и случилось: мне пришлось быть настоятельницей трех обителей и таким образом подъять три тяжелых подвига».

А когда Тамара попросила подписать ей фотографию, Иоанн Кронштадтский хотел написать: послушнице, затем зачеркнул это слово и написал: с. игумении. Таким образом, он предрек ей также и схиму.

Но не только Иоанн Кронштадтский высоко ставил Фамарь, ее ценили и уважали многие духовные лица

того времени: Флавиан (Городецкий), митрополит Киевский и Галицкий, епископы Арсений (Жадановский), Серафим (Звездинский), Макарий Московский, старцы – игумен Герман, иеромонах Анатолий, Алексий и другие.

Игуменство в Бодбийском монастыре пришлось на неспокойные годы. После 1905 г. на Кавказе стали появляться разбойничьи группы, называвшие себя революционерами. Они часто нападали на мирных грузин-крестьян и всячески притесняли их. Крестьяне обращались за помощью в Бодбийский монастырь, и матушка брала их под защиту, помогала, скрывала в стенах монастыря. Революционеры были сильно раздражены на молодую игумению Ювеналию, подбрасывали анонимные письма с угрозами. Однажды они обстреляли экипаж, в котором ехала матушка со своей невесткой и двумя детьми. Карету всю изрешетили, стекла выбили, лошадей убили, кучер тоже был убит. Но чудом все, кто были в карете, остались живы! Матушка впоследствии вспоминала: «с нами была икона преп. Серафима Саровского, и он защитил!».

После этого случая за жизнь матушки стали серьезно волноваться не только близко окружавшие ее люди, весть о нападении дошла до Петербурга, и указом Святейшего Синода ее перевели в Москву. Здесь она была поставлена настоятельницей Покровской общины. Это произошло помимо желания самой матушки, ей очень не хотелось покидать родной Бодбийский монастырь, но, видя в том волю Божью, она приняла это назначение.

Монахини Покровской общины много сил и времени отдавали делам милосердия, подобно тому, как работали сестры Марфо-Мариинской общины. Покровский монастырь начинался как община сестер милосердия,

основан 26 июня 1872 года. При общине был устроен сиротский приют для девочек, женская фельдшерская школа и другие богоугодные заведения. На этой почве матушка Ювеналия сблизилась с Елизаветою Федоровной, они много вместе трудились, и впоследствии она, вспоминая Великую княгиню, говорила о ней с особым пietетом.

Жизнь в Москве для Ювеналии была тяжким испытанием, город был слишком суetным, шумным, ее утомляло большое количество людей. Ей приходилось проводить много времени в трудах, но в ее душе всегда жило желание уединиться, найти укромный уголок и, наконец, спокойно помолиться в тишине. Она вынашивала мысль покинуть Москву и поселиться где-нибудь около Саровского монастыря, под покровом старца Серафима, который был особенно близок ее душе. Его житие она прочитала еще до того, как он был официально прославлен, и везде возила с собой маленькую круглую иконку с изображением преподобного Серафима. Именно эта икона была с ней в день покушения.

В июне 1908 г. матушка приняла решение уйти от активной жизни. Она отправилась в Серафимо-Понетаевский монастырь, что в 10 верстах от Сарова, и присмотрела здесь домик для уединенного жилья. Но когда молилась у иконы Богородицы Знамения, то услышала голос, говоривший, что нет ей благословения от Божьей Матери жить в полном уединении, а поручается ей создать скит не только для себя, но и для других. Как трудно было отказаться от давно лелеянной мысли! Но откровение повторялось несколько раз. Опасаясь, не было ли это искущением, Ювеналия решила посоветоваться с опытным духовным человеком, и поехала к старцу Алексию в Зосимову пустынь. Выслушав матушку,

старец решительно сказал, что ей рано уходить на покой, она должна учить молитве других. К тому и призывает ее Матерь Божия. На все ее возражения, что у ней нет таланта устроителя, старец отвечал «Царица Небесная Сама и место изберет, и средства даст, и духовно устроит. Ты будешь только Ее служкой, орудием...».

Однако сомнения не отпускали. И матушка отправилась в Оптину пустынь, к старцу Анатолию (Потапову). Его ответ был столь же определенным: она должна исполнять поручение, данное ей Божией Матерью. Пришлось смириться и принять волю свыше.

Еще несколько раз матушка ездила к о. Алексию Зосимовскому. Сомнения усилились, когда на участок в Битягово в южном направлении от Москвы, выбранный матушкой, стала претендовать железная дорога. Может, так решиться ее судьба, и вся затея сама собой развалится? – думала она. Но старец спокойно сказал: «Ну что же? Нельзя нам на том месте – созидайте на другом, ведь лес-то велик, а устраивать непременно нужно».

Возвращаясь из Зосимовой пустыни, матушка решила заехать в Троице-Сергиеву Лавру, чтобы посоветоваться с наместником Лавры, отцом Томией. И Томия также благословил ее на создание скита.

Вскоре и вопрос с участком земли решился в ее пользу, железная дорога пошла навстречу.

27 июля 1910 года состоялась закладка скита. Строительство велось с июля 1910 по сентябрь 1912 года. Во всех планах внутреннего и внешнего устройства скита матушка советовалась с епископом Арсением (Жадановским), ставшим духовником матушки и сестер скита. Он заботился об этой обители до самой своей смерти в 1937 г.

23 сентября 1912 года митрополит Московский Владимир (Богоявленский) освятил Серафимо-Знаменский скит.

Что представлял собой скит? Это был маленький монастырь, в красивом месте. В расположении и устройстве был положен образ Иерусалима. Ограда скита, квадратная в плане, имела 33 сажени – в память о 33 годах земной жизни Иисуса Христа. Храм увенчан 24 кокошниками по числу 24 апокалиптических старцев. В ограде вокруг храма были расположены 12 небольших домиков-келий – по числу 12 апостолов, – каждый из этих келейных корпусов был посвящен одному из этих апостолов. В скиту должны были жить только 33 сестры – по числу лет земной жизни Иисуса Христа.

Самое удивительное сооружение скита – это шатровый храм, ступенями поднимающийся вверх. Автором проекта считается известный архитектор А. В. Щусев. Правда, в архивах никаких документов по храму не сохранилось. Однако, есть сведения, что строительство осуществлял архитектор Л. В. Стеженский, тот который работал и в Марфо-Мариинской обители, строя Покровский храм, спроектированный Щусевым. Так что этот факт косвенно подтверждает авторство Щусева.

Но в течение строительства проект менялся, сама матушка вносила в него изменения. Храм двухэтажный, трехпрестольный. Верхний храм имеет два престола: один посвящен иконе Матери Божией Знамения, второй – преп. Серафиму Саровскому. Нижний, подземный храм посвящен св. равноапостольной Нине, просветительнице Грузии.

Жизнь насельниц скита была организована просто: ничего лишнего, но кельи вполне благоустроены без

излишеств, порядок и чистота во всем, приветствовалось стремление жить по примеру подвижников, однако, без фанатизма. При этом никакой суворости в обращении между сестрами не было. За всем матушка следила сама: она не терпела празднословия, но поощряла дружелюбие. Она стремилась поддерживать дух мира и взаимной любви внутри общины. Будучи чуткой к состоянию других людей, умела позаботиться о каждом, как мать. При этом матушка несла тайные подвиги, годами спала на досках, покрытых белоснежным одеялом, но, по воспоминаниям современников, всегда сохраняла и женственность, и доброту, сквозившую в каждом взгляде ее больших черных глаз, и мудрость.

Кроме общих правил, подлежащих исполнению, Устав скита имел свои особенности. Каждый день недели был посвящен упражнению в определенной добродетели, дабы приобрести в ней навык, укоренившись в ней. Так, понедельник был днем молчания, вторник – это день кротости и смирения, среда – день самоукорения, покаяния, четверг – день молитвы, пятница – день поста, сокрушения, плача. Суббота – день добрых дел, а воскресенье – день радости и благодарения.

В 1916 году матушка Ювеналия принимает схиму с именем Фамарь.

Первым о схиме с ней заговорил схиархимандрит Гавриил (Зырянов), когда она навещала его в Казани. Его прозорливость была хорошо ей известна, но она сомневалась, будет ли благословение церковного начальства. Вернувшись домой, матушка подала прошение митropolиту Макарию о пострижении. И получила положительную резолюцию: «Приветствуя доброе желание игумении Ювеналии принять схиму; что же касается времени, то его укажет Сам Господь. Постриг поручает-

ся совершить Преосвященному Арсению». И под 21 сентября (ст. ст.) 1916 года, в день памяти святителя Димитрия Ростовского, Арсений (Жадановский), епископ Серпуховской, совершил обряд пострижения в схиму.

Что такое схима? Это ангельский образ, высшая ступень монашества, символ окончательной смерти для мира. С одной стороны, это предсмертное напутствие и потому многие монахи откладывают пострижение к концу жизни, принимают схиму на одре болезни. С другой стороны, схима есть выражение любви и преданности Христу Спасителю, стремление окончательно отсечь свою волю и служить Ему одному, как правило, сугубой молитвой. И принимающие этот великий ангельский образ обычно уходят в затвор, молчальчество, неусыпное бдение. Но с матушкой не было ни того, ни другого. При всех ее немощах, помирать было ей еще рано, а в затвор уходить Богородица не благословила. Матушкой руководила глубочайшая любовь ко Христу, желание служить Ему еще преданней, еще ревностней, чем раньше. В день пострига с чувством полной отдачи себя, с желанием смерти не только для мира, но и для самой себя, распростреплась она на полу храма – крестообразно раскинув руки в знак полного распятия себя ради Царства Небесного.

Приняв схиму, матушка Фамарь не только не отстращивается от жизни обители, но служит и исполняет свой игуменский, по сути материинский, долг еще более вдохновенно и радостно. Уединенная жизнь сестер никогда не была рутинной и скучной, потому что матушка могла все освятить своей верой и любовью. И вера вознаграждалась чудесами.

Вот как пишет об этом владыка Арсений (Жадановский) в своих «Воспоминаниях»:

«Даже во дни всенародных бедствий наши скитянки не оставались без утешения и Небесного покровительства. Голод. Трудно достать хлеб. Многие в поисках его предпринимают поездки на сторону, с опасностью даже для жизни. Устав скитский не позволяет насельницам отлучаться из обители ни по какой причине; строгая матушка велит сестрам молиться и ожидать помощи свыше. Малодушные, однако, не выдерживают и, страшась голода, отправляются разыскивать пропитание, но дорогой теряют все, что приобрели с большим трудом. В слезах возвращаются они в святой уголок, где в их отсутствие происходит нечто чудесное: находятся добрые люди, которые делятся с молитвенницами своими пайками. Случается и тайная милостыня: выйдут, например, привратницы утром, отворят святые ворота и найдут около них один-другой мешочек муки. Радостные, несут они неожиданное подаяние на общую потребу, славя Щедродателя Бога, Миродательнице Владычицу мира, своего покровителя преподобного Серафима, молясь усердно за благотворителей».

Епископ Арсений давно дружил с матушкой Фамарью, так же как и архимандрит Серафим (Звездинский), впоследствии епископ Дмитровский (оба прославлены как новомученики российские). Они подолгу жили в Серафимо-Знаменском скиту, находя здесь утешение и покой после тяжких трудов.

В «Воспоминаниях» владыки Арсения читаем: «Летний теплый вечер... Матушка благословляет отслужить всенощную под открытым небом, у курганчика преподобного Серафима. Здесь происходит дивное соединение поющих и молящихся с девственной природой. Последняя, как бы обрадованная таким собранием, особенно ласкает чистые души сестер, близко-близко

прильнув к ним и лобзая их... Ах, как благодатны эти всеоощущенные под открытым небом в святом скиточке, сколько утешения и радости приносят они обитательницам его!».

А во время революционных событий, когда уже начались гонения на Церковь, Серафимо-Знаменский скит стал настоящим убежищем для гонимых, островком мира среди страшной бури. В 1918–1919 гг. по благословлению святого патриарха Тихона игуменья Фамарь укрывала в скиту от ареста Арсения (Жадановского) и Серафима (Звездинского).

Серафимо-Знаменский скит просуществовал, увы, недолго. В 1920 г. он был упразднен большевиками. Правда, закрыли его не сразу. Сначала монашескую общину переименовали в трудовую артель, сестры были рукодельницами и прекрасно шили и стегали одеяла. Их продукция пользовалась успехом у местного руководства. Но когда одеял оказалось достаточно, большевики решили закрыть артель. В 1924 г. сестер просто выгнали на улицу, а в зданиях скита разместили больницу, с 1965 г. – пионерский лагерь, а потом здесь была база отдыха военного завода.

Некоторое время матушка Фамарь жила в Москве, на Ордынке, где после казни Великой княгини Елизаветы Федоровны еще оставались сестры Марфо-Мариинской обители. Но вскоре матушка нашла небольшой дом в поселке Перхушково, где поселилась вместе со своими монахинями. В отдельном домике жил окормлявший их священник – иеромонах Филарет (Постников). Матушка, десять сестер и батюшка, всего двенадцать человек, «по числу апостолов Христовых», – говорила Фамарь.

Жизнь в Перхушкове протекала почти так же, как в скиту: в молитве и трудах. К матушке продолжали приезжать люди за советом, за наставлением. Она принимала всех, никому не отказывала. Именно в это время и писал П. Д. Корин ее портрет, разрабатывая идею «Руси Уходящей». Образ схиигумены Фамари в белом апостольнике на картине должен быть светлым пятном среди черных риз, как окошечко света, как луч надежды.

Но большевики не могли долго терпеть подпольную монашескую общину. Гонения на Церковь все нарастили, и в 1931 г. матушка Фамарь была арестована вместе с несколькими сестрами и отцом Филаретом. В Бутырскую тюрьму вместе с ней отправилась послушница Нюша, простая девушка, не пожелавшая покинуть матушку. В камере были разнородные заключенные – и политические, и уголовные, атмосфера был напряженная. Но все же удалось отделить угол для матушки чем-то вроде занавески. Уголовницы часто шумели, начинали петь неприличные песни, но когда матушка просила их перестать, они замолкали – даже они ощущали духовную силу Фамари. Но и любовью своей она расположила буквально всех. Когда приходили передачи, матушка оделяла всех, кто был в камере, не забывая самых последних. Перед ее отсылкой в Иркутск по приговору, верующие и неверующие, ее соседки по очереди подходили к ней под благословение.

После приговора матушку сослали в Сибирь, за двести верст от Иркутска. Но туда надо было еще добраться! Для старой и уже больной монахини это было страшно утомительное путешествие. В конце пути пришлось идти пешком. Но рядом с ней была все та же Нюша, готовая служить матушке день и ночь.

В деревне Усть-Уда их поселили в простой крестьянской избе, где им был отведен угол за печкой. Слава Богу, голодать не пришлось: хозяин и его сын Ванюша очень полюбили матушку. И она общалась с ними как с родными. Простые крестьяне даже не подозревали, что оказали гостеприимство грузинской княжне. Да и за время монашеской жизни для самой матушки сословные границы давно перестали существовать, а осталась только Христова любовь ко всем людям. Вернувшись из ссылки, матушка переписывалась с этой семьей как с родными, и даже послала в подарок Ване отрез на рубашку. А он написал ей: «Жаль, что Вы уехали от нас. У меня теперь баян, я весь день играю, вот Вы бы послушали!» Читая это письмо, матушка говорила с улыбкой: «Вот, пожалел меня Господь!».

Три года пришлось провести ей в ссылке. Периодически ссылочные должны были «отмечаться» в комиссариате, и даже если один день пропустить по независящим от тебя причинам, это считалось побегом и могли набавить срок. Конечно, климат Сибири с длинной холодной зимой и коротким жарким летом для нее, южанки, был невероятно тяжелым. При этом полное отсутствие лекарств, недостаток теплой одежды и обуви. Но у матушки не было уныния, она сохраняла мир в душе, бодрость, доброжелательную улыбку, располагавшую к ней не только хозяев, соседей и всех окружающих людей, но даже сотрудников комиссариата, которые говорили с ней предельно вежливо, без тени хамства, обычного в их обращении к репрессированным.

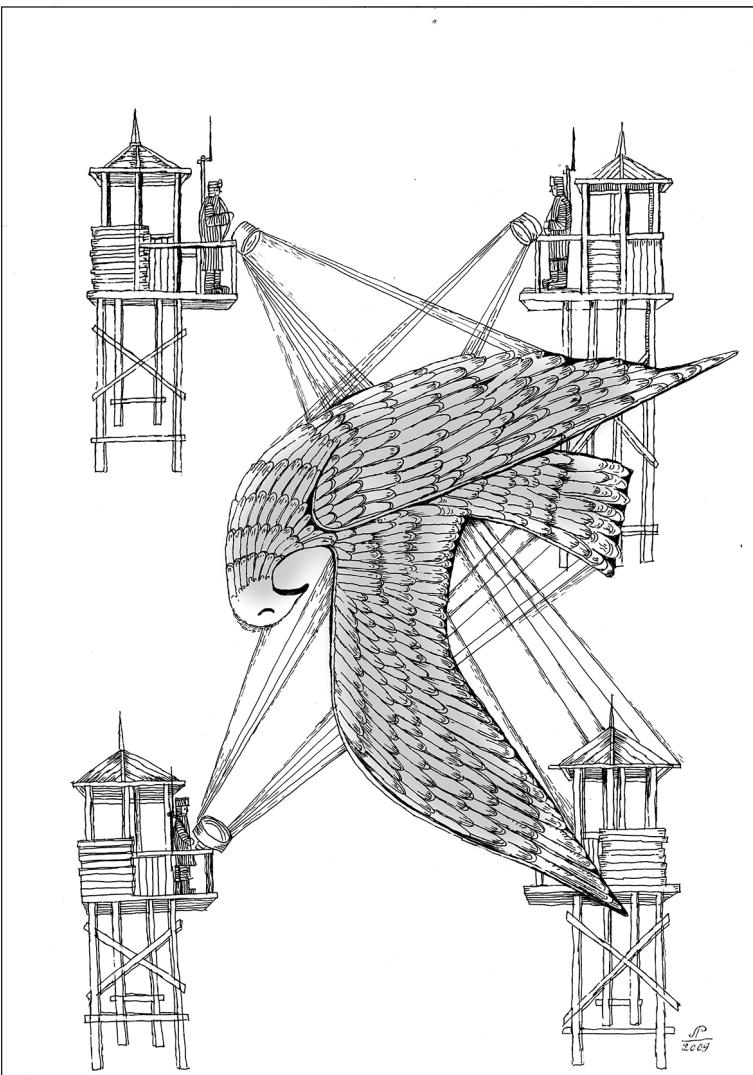
В этих условиях матушка умудрялась не только молиться, помня о близких и дальних, но еще писала стихи. В них ощущается ее глубокая вера и ясная надежда, что Бог не оставит, что даже если в этой, земной, жизни

не будет видимой победы, в будущем веке нас ожидает Царство Божье, претерпевший до конца и оставшийся верным Христу, получит свою награду. Вот одно из ее стихотворений.

*Мне снился сон однажды чудный
Сон необычной красоты
С дерев листвою изумрудной
И все цветы... цветы... цветы...
И было их так много, много
Роскошных пышных тех цветов.
Тонула словно в них дорога,
Красы их выразить нет слов!
Головки лилий белоснежных
На длинных стройных стебельках
И масса роз душистых нежных
С росой на свежих лепестках
Гортензий шапки, словно пена,
Настурций ярких огоньки
И золотистая купена
Цвели по берегу реки [...]
И верю я, – в стране небесной,
В стране добра и красоты,
В стране поистине чудесной
Я вновь увижу те цветы...*

Тюрьма и ссылка сильно подорвали здоровье матушки, у нее открылась горловая чахотка и начал развиваться туберкулез. К тому же у нее болели ноги, постоянно обострялся артрит. С каждым днем состояние ее ухудшалось. В письмах к близким она писала, что хотела бы «вернуться к своим бережкам».

Вернулась из ссылки матушка Фамарь весной 1934 года. Она поселилась в маленьком домике в дачном по-

SC
2009

селке на станции Пионерская Белорусской железной дороги. В скромной и аскетической обстановке были все те же привычки, что и много лет назад: безукоризненная чистота, несколько икон, преобладание белого цвета. Матушка была уже очень больна, но не могла отказать людям, которые по-прежнему приезжали к ней. В простом деревянном кресле она встречала приходящих, и каждого старалась получше угостить, оделить вниманием.

Матушка Фамарь отошла к Господу 23 июня 1936 г. в возрасте 67 лет. Отпевал ее на дому владыка Арсений (Жадановский). Похоронена в Москве, на Введенском кладбище, недалеко от могилы отца Алексея Мечева.

Могила матушки и теперь цела и в полном порядке. На могиле стоит белый деревянный крест, в который вделаны две иконки – Знамения Божией Матери и прп. Серафима. На нижней перекладине по благословению владыки Арсения сделана надпись: «Веруй в Мя имать живот вечный».

P.S. Память о матушке Фамарь не исчезла, даже когда ушли из жизни те, кто знал ее лично. Но ее свет и любовь продолжают согревать и вдохновлять людей. Официально она не прославлена Церковью, но те, кто хоть как-то соприкоснулся с ее жизнью, согласятся с тем, что она была настоящей подвижницей, отдавшей всю свою жизнь Христу. И доказательством тому являются плоды ее жизни и служения: живое древо всегда плодоносит.

В 1999 г. Серафимо-Знаменский скит вернули Русской православной церкви. В 2000 году здесь начала возрождаться монашеская жизнь.

В последние советские годы скит был в полном запустении, территория превратилась практически в

помойку, верхний храм служил складом, в нижнем была котельная. Фундамент храма был сильно расшатан, еще года два-три и шатер мог бы упасть. Полностью были утрачены Святые ворота, часть ограды, некоторые здания были перестроены. Три из двенадцати келейных корпусов были разрушены, оставшиеся девять находились в аварийном состоянии. За территорией скита сохранились дом священника и дом причта, но они были полностью разбиты. Но за несколько лет кропотливой реставрационной работы храму вернули прежний великолепный вид. Сегодня службы проводятся и в нижней, и в верхней части. Силами монахинь и прихожан продолжается внутреннее украшение храма, например, в нижней части выложили мозаику из подручного материала – кирпича, остатков плитки и гранита. Вся территория расчищена, ухожена и украшена цветами. Восстановлена ограда и звонница со Святыми воротами. Устроена комната-музей с личными вещами, принадлежавшими матушке Фамари.

Сегодня в скиту живет 20 наследниц. Возглавляет обитель игуменья Иннокентия. Насельницы несут клиросное послушание, занимаются делами милосердия, ухаживают за лошадьми. Сюда часто приезжают самые разные люди, в скиту постоянно устраиваются встречи, выставки, проводятся экскурсии. Сестрам удивительным образом удается соединить молитвенную жизнь с социальным служением, уединение с гостеприимством. Собственно, так и жила сама матушка Фамарь, так учила жить и своих сестер.

Священник Антоний Лакирев¹

ВЕРА И ВЕРНОСТЬ

*Священномученик Феодор Грудаков
(1889–1940)*

Подвиг российских новомучеников, с одной стороны, у всех на глазах. С другой стороны, едва ли можно утверждать, что мы в полной мере осознали его смысл. Среди новомучеников есть великие святители, подвижники веры и благочестия, учёные богословы... Но большинство новомучеников – это тысячи и тысячи людей, казавшихся вполне обычными, – да и бывших таковыми, – которые отдали свою жизнь за Христа, ради того, чтобы сохранить Ему верность в чудовищных обстоятельствах гонений. Многие, если не все из них, сформировались в «старые времена», но не разрушились вместе с ними. В их судьбе вера стала причиной удивительной верности Богу и своему призванию; может быть, именно это – пример для нас.

Священномученик Феодор Грудаков родился 13 февраля 1889 года в деревне Пёсье Подольского уезда Московской губернии². Его отец, Василий Грудаков, был крестьянином. Стать священником не было в то время типичным выбором для мальчика из крестьянской семьи; как это вышло, нам доподлинно не известно. Так или иначе, в 1905 году Федор по первому разряду (т. е. в числе лучших) окончил Перервинское духовное

¹ Клирик Тихвинского храма г. Троицка.

² Деревня Пёсье известна с начала XVII в., в настоящее время входит в Троицкий административный округ Москвы (поселение Щаповское).

Священномученик
Феодор Грудаков

Настоятелем Тихвинского храма о. Феодор был почти двадцать лет, до 1930 года – с небольшим перерывом.

В ноябре 1918 года о. Феодора как «нетрудовой элемент» призывали в так называемое тыловое ополчение Красной Армии в Подольске. Тыловое ополчение в Красной Армии использовали для рытья окопов и тому подобных хозяйствственно-строительных работ. В Подольском уезде в то время (в начале 1919 года) сделалось восстание против советской власти; руководил восстанием некто Зеленый. Впоследствии, при первом аресте и осуждении о. Феодора в 1930 году, ему вменяли в вину участие в этом восстании. Едва ли можно теперь выяснить, что же там было на самом деле: если о. Феодор был в этом тыловом ополчении, то как он мог участвовать в восстании? Сам о. Феодор на допросе в 1930 году свое участие в восстании отрицал, говоря: «В восстании Зеленого участия не принимал и

училище и поступил в Московскую Духовную семинарию. Последнюю он окончил в 1911 году и тогда же был рукоположен. Местом служения ему был назначен Тихвинский храм в селе Богородское-Батутинки Подольского уезда³. Отсутствие какой бы то ни было информации заставляет предположить, что его жизнь и служение были вполне обыкновенными: небольшой сельский храм, семья, хозяйство...

³ Ныне Тихвинский храм г. Троицка г. Москвы.

с сочувствием к нему не относился – это была синица, пытающаяся поджечь море». Скорее всего, на допросе его спрашивали, не сочувствовал ли он восстанию, а потом, вдобавок ко всему остальному, несмотря на его отрицания, обвинили в участии. В реальности, скорее всего, о. Феодор в первой половине 1919 года находился именно в ополчении. К июню 1919 года восстание было подавлено, ополчение стало ненужным, и о. Феодор вернулся на приход.

Служение о. Феодора в Тихвинском храме продолжалось до 1930 года, когда храм был закрыт, а о. Феодор арестован. Практически единственная информация, которой мы располагаем об этом времени, содержится в следственном деле, в материалах допросов и изъятой переписке.

ГПУ подбиралось к о. Феодору по крайней мере с 1929 года, и 15 августа 1930 года о. Феодор был арестован по обвинению в контрреволюционной агитации и посажен в Бутырскую тюрьму. В деле имеются показания против о. Феодора, данные некоей Е. И. Подьячевой, 1899 г.р.:

«После Февральской революции к нам⁴ приезжали большевики – Широков и Карпов. На собраниях обычно

Так выглядит сегодня восстановленный Тихвинский храм, в котором служил отец Феодор Грудаков с 1911 по 1930 гг.

⁴ Насколько можно судить, «к нам» в данном случае означает камвольную фабрику, расположенную на другом берегу Десны, напротив Тихвинского храма, где служил о. Феодор.

выступал поп Грудаков. Выступал с речами против большевиков. Даже после Октябрьской революции он, Грудаков, выступал против коммунистов. Помню его высказывания: «Пришли к власти в драных портках, но долго не продержатся». Затем призывал верующих изучать Закон Божий после запрещения его преподавания в школах. В 1919 году во время восстания банды Зеленого Грудаков тоже участвовал в банде. Я лично видела его раз за речкой, он, отстреливаясь, убегал в кусты, когда пришли его арестовать. Свидетели могут подтвердить его участие в Зеленовском восстании – работница Татакина, Плавильщиков».

Скорее всего, о. Феодор в самом деле мог говорить о том, что власть большевиков долго не продержится – так думали в ту пору весьма многие. На допросе 24 августа о. Феодор сказал об этом: «На фабрику приезжал деятель большевиков – Широков, и я на собраниях иногда присутствовал. Я не выступал. Не отрицаю, что я в один из таких моментов кому-либо сказал, что большевики пришли к власти на штыках, но это было не выступление». В сущности, контрреволюционная агитация налицо... По крайней мере, с точки зрения «следствия».

То, что «свидетельница» рассказывает про участие о. Феодора в банде Зеленого, – скорее всего, путаница, возможно, и преднамеренная. На это обвинение о. Феодор отвечает: «В Подольске с ноября 1918 по июнь 1919 г. был в тыловом ополчении – исполнял всякие хозяйствственные работы. В восстании Зеленого участия не принимал и с сочувствием к нему не относился – это была синица, пытающаяся поджечь море».

Обращает на себя внимание обвинение в том, что о. Феодор призывал продолжать изучать Закон Божий.

Вот ответ обвиняемого: «Издание декрета Советского правительства о запрещении преподавания Закона Божьего меня обескуражило. Я психологически не мог с этим примириться. Считаю – это насилие над человеческой совестью. На собрании в школе предложил послать церковному совету письмо от имени всех верующих с просьбой ходатайствовать разрешение преподавания Закона Божьего в школе. Но чтобы верующие присыпали детей на дом, не говорил.

Добавлю, что со всеми мероприятиями совласти я соглашался и соглашаюсь, за исключением постановки вопроса, что религия есть враг народа. На основании этого я путем бесед пытался привить верующим, что религия не есть враг народа, а способна его утешить и развивать чувства милосердия, братских отношений».

Обратим внимание на несколько фраз, которые характеризуют образ мыслей о. Феодора. «Насилие над человеческой совестью» – вот как отзывается он о попытке советской власти запретить Закон Божий. Это говорится в 1930 г., когда насилие над совестью давно стало привычной практикой. Но от этого оно нисколько не стало приемлемым – и на допросе о. Феодор прямо говорит об этом.

Далее, из показаний следует, что о. Феодор беседовал со своими прихожанами о месте и смысле религии; скорее всего, эти беседы были индивидуальными – если бы он проводил их с многими прихожанами одновременно, его «замели» бы гораздо раньше... Так или иначе, он говорит людям о том, что вера христиан способна быть источником утешения в полной страданий и скорби жизни. И он говорит о другом отношении людей друг к другу. Окружающая жизнь после революции полна вражды, вместо пропагандируемых свободы,

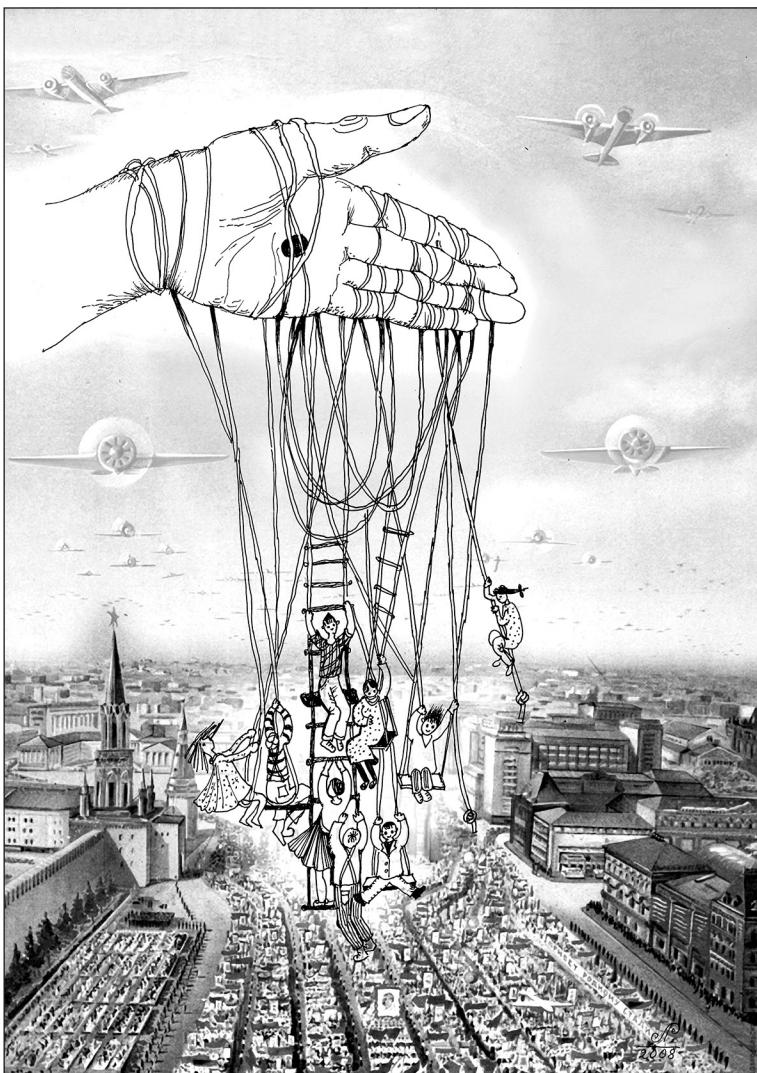
равенства и братства процветает нечто прямо противоположное. А настоящие милосердие и братские отношения берут начало в вере – в религии, как привык выражаться о. Феодор.

Таким образом, о. Феодор учит прихожан нравственному взгляду на жизнь, а не политической деятельности, довольно бессмысленной в конце 20-х годов. «Со всеми мероприятиями совласти я соглашался и соглашаюсь...» – говорит о. Феодор. Достоверных указаний на то, что он думал о Декларации 1927 года нет; судя по этой фразе едва ли о. Феодор отвергал ее – хотя судить об этом по сказанному *на допросе* нельзя. Следователь спрашивает его: «Ваша проповедь: «Надо молиться православным, ибо настало смутное время в нашей стране»? Так и впрямь думали тогда многие, да кое-кто и вслух говорил... На это следует ответ: «Виновным в предъявленном мне обвинении не признаю. В практике моей службы как священника Богородской церкви никогда не произносил никаких проповедей, касающихся положения в стране, а также на темы антисоветского характера. Будучи аполитичным, в личных беседах с крестьянами я никогда никаких недовольств по отношению к советской власти не высказывал, в период коллективизации я никаких разговоров и бесед ни с кем не имел... Из духовенства связи ни с кем не имею, ни к кому не хожу и никто у меня не бывает, а также ни с кем никакой переписки не веду».

А вот последняя фраза, скорее всего, сказана лишь для того, чтобы не называть ничьих имен; действительности она, вероятно, не соответствует.

Следователь спрашивает: «Вы писали когда-либо письма священнику Горскому?»

«Нет, не писал...» – отвечает о. Феодор.

Но в деле находятся показания свящ. Горского Сергея Ивановича из Волоколамска от 20.08.1930: «Священник Грудаков в декабре 1929 г. прислал мне письмо, где писал: «утешать и успокаивать не буду, потому что и сам в неопределенном положении, но я все-таки чувствую себя сейчас спокойно. Да подумай: волнуясь, можем ли мы улучшить свое положение? Ведь мы вне закона. Слухов о нас везде много, но доверяться этим слухам рискованно. Меня вызвали в ОГПУ, шпиговали там около двух часов, по-видимому, им хотелось обвинить меня, но не удалось. Пусть воинствующее безбожие объявило поход против Церкви, но декретом нам разрешено организовывать общины, отнимут храм, будем совершать богослужение по домам... не унывай, будем верить, что сверх сил Бог испытаний не пошлет, а умирать когда-либо придется».

«Отнимут храм – будем совершать богослужение по домам» – как и те, кто в самом деле ушел в катакомбы, о. Феодор был готов к этому. Пусть для советской власти это прямое преступление, пусть это исключительно опасно, но служить-то надо! Это слова человека, который черпает силы в молитве, в Таинстве – и он будет держаться за них любой ценой. Отец Феодор прекрасно знает об опасности, но молитва важнее: «а умирать когда-либо придется». И раз уж когда-нибудь умирать придется, пусть это будет из-за верности Богу и служению.

Далее о. Горский продолжает свои показания: «Грудаков в период коллективизации являлся защитником и организатором всего духовенства. Поддерживая духовенство, он говорил: «Спокойствие, ибо эту власть мы переживем и будем жить как жили раньше». Говорил, что для народа от коллективизации нет никакой

пользы, а для нас – духовенства – это есть гибель. «Это раскулачивание есть насилие над духовенством и ни-что иное как грабеж». Он прекрасно знает все законы и духовенство обращается к нему за справками».

Правда ли это? Кто знает? Вполне возможно, что все это – клевета от первого до последнего слова. Однако, 24.08.1930 года в деле появляются показания свящ. Беляева Владимира Николаевича: «Грудакова знаю давно. Он говорил, что советская власть – это какая-то неурядица. Верха не знают, что у них делают низа. Головотяпствуют и ведут народ к возмущению. Народ голодает и страдает, терпит лишения, потому что правящие коммунисты не думают о нем. Посмотри, они только и думают о себе и совершенно не думают о рабочих и крестьянах. Эти коллективы есть ничто иное, как заманивание крестьян в крепостное право. И чтобы затуманить крестьян, коммунисты выдумали раскулачивание... это грабеж, без которого советская власть существовать не может. Все эти неурядицы возмущают крестьян, что ведет к тому, что советской власти скоро конец, благо на них собираются иностранцы».

Показания свящ. Беляева ровно так же могут быть абсолютным вымыслом; вполне возможно, что добыты эти показания, как и показания о. Горского, были под пытками. Однако если за свидетельствами оо. Горского и Беляева есть какая-то реальность, то перед нами свидетельство о человеке, который очень ясно понимает обстановку, в которой он живет, нимало ее не идеализирует и, несмотря ни на что, сохраняет надежду. Теперь, когда советской власти нет, а храм, где служил о. Феодор, вновь открыт, легко говорить, что он был прав. Но каково было ему верить *тогда*? Кроме того, мы видим в этих показаниях человека, который в беседах с

ДРАВСТВУЕТ СТАЛИНСКАЯ КОНСТИТУЦИЯ !

прихожанами говорит о том, что религия «способна... утешить и развивать чувства милосердия, братских отношений» – и сам поступает в соответствии со своими словами, а это дорогостоящее в любые времена.

Могла ли советская власть не посадить такого человека? В начале сентября 1930 года следователь пишет в обвинительном заключении: «В своих показаниях обвиняемый Грудаков не отрицает, что ведет среди населения агитацию с целью привить мысль, что религия не есть враг народа, с тем, чтобы разбить установку советской власти, что таковая – дурман». 5 сентября 1930 г. тройка ОГПУ приговорила священника Феодора Грудакова к пяти годам заключения в исправительно-трудовой лагерь по печально знаменитой статье 58-10 УК РСФСР. Наказание он отбывал на строительстве Беломорского канала и затем на строительстве Сербского порта.

Освобожден о. Феодор был досрочно, в апреле 1934 года. Тихвинский храм был закрыт в 1930 году, тогда же, когда посадили о. Феодора. Дом и имущество утрачены. Найти место священника в то время было не так просто; три года о. Феодор служил в Рязанской епархии.

В апреле 1934 г. отец Феодор был освобожден. Сначала он служил в Рязанской епархии, а в апреле 1937 г. получил назначение в храм в честь святых мучеников бессребреников Космы и Дамиана в селе Старая Кашира Каширского района Московской области.

Через полгода, в начале зимы 1937 года, случились выборы в Верховный Совет. 3 декабря в Старой Кашире должна была пройти беседа с колхозниками об этих выборах, проходивших по принятой годом ранее сталинской конституции. Но, как известно любому православному христианину, 3 декабря – это канун Введения

Пресвятой Богородицы во Храм, и в этот вечер должно служиться Всенощное бдение. Колхозники и пошли на всенощную – а не на какую-то беседу. В ту же ночь председатель колхоза посыпает в райотдел НКВД гонца с доносом, в котором пишет, что «Вечером 3 декабря 1937 г. планировалось собрать колхозников для беседы о предстоящих выборах в Верховный Совет, а о. Феодор, этот враг трудящегося народа, собрал вечернюю, созвал к себе всех избирателей, огораживая себя праздничком Введения». Утром 4 декабря Каширский райотдел НКВД арестовал о. Феодора. Свидетели, вызванные для дачи показаний, рассказали, что отец Феодор призывал людей ходить молиться в храм, и авторитет его, несмотря на непродолжительный срок служения в селе, очень высок. Допросили и о. Феодора:

– Вы арестованы за антисоветскую агитацию, которую проводили среди колхозников. Вы это признаете?

– Никакой антисоветской агитации среди колхозников я никогда не вел и виновным себя в этом не признаю.

– Вам зачитываются показания свидетеля, уличающие вас в антисоветской агитации. Вы эти показания подтверждаете?

– Нет, не подтверждаю. Никогда антисоветской агитации я не вел.

К вечеру о. Феодора перевели в Таганскую тюрьму, а 7 декабря тройка приговорила отца Феодора к 10 годам заключения в исправительно-трудовом лагере, а 27 декабря 1937 г. с этапом заключенных о. Феодор прибыл в Самарлаг НКВД.

В лагере о. Феодор встретился с арестованным в тот же день о. Алексеем Введенским, с которым они учились в одном классе семинарии. До ареста о. Алексей

служил настоятелем храма Сретения Господня в Новой Деревне Пушкинского р-на Московской области. Через год, в декабре 1938-го, о. Алексей скончался. Его вдова получила об этом письмо от о. Феодора:

«Глубокоуважаемая Елена Александровна! Сообщаю Вам печальную и грустную весть: не стало Алексея Григорьевича. В ночь с 22 на 23 декабря в 3 часа 45 минут он скончался. Не нахожу слов, да и бесполезны они, чтобы утешить Вас. И словами не залечишь той раны душевной, которую Вы получаете при такой утрате. Но надеюсь, Вы найдете утешение в том, в чем утешал себя Алексей Григорьевич, – в вере.

Конечно, постарайтесь сделать то, что ему как христианину нужно. Мне не пишите. Представится случай, сообщу все подробности о его жизни и смерти. С полным сочувствием и соболезнованием к Вам. Берегите себя для Вашего мальчика. Оставшиеся на его счету деньги, думаю, будут Вам высланы. Об этом с сообщением Вашего адреса сделано заявление мною».

Слова о. Феодора в этом письме – это слова человека, который и в этих нечеловеческих обстоятельствах остался верен тому милосердию и братству, о которых говорил на допросах. Там же, в Самарлаге, 14 (27) ноября 1940 года, о. Феодор скончался от непосильного труда и голода и был погребён в общей безвестной могиле. Определением Священного Синода от 25.03.2004 сщмч. Феодор был причислен к лику святых; память его совершается 27 ноября, в день его мученической кончины.

*Икона священномученика Феодора.
Написана в Тихвинском приходе*

*Молитва священномученику
Феодору Грудакову⁵*

О избранник и угодник Христов, священномучениче отче Феодоре, Церкви нашей похвала и утверждение, земли нашей Богу приношение и о пастве твоей горячий молитвенниче!

Ты в годину гонения безбожного из сокровищницы души твоей спасительное исповедание изнесл еси и свидетельство верности пастве твоей явил еси; ты малодушных и колеблющихся укреплял и учил надеяться на милость Господа нашего Иисуса Христа; ты братию и паству твою видеть правду и не боятися учил еси; ты по слову апостола страдание Христово на себе понесл еси и перед лицом страшной смерти безвестной верность

⁵ Составлена в Тихвинском храме г. Троицка, в котором служил о. Феодор.

Пастыреначальнику Христу сохранил еси, душу твою
за Христа и овец Его полагай!

Ныне призри на нас, недостойных чад твоих, умиленною душею и сокрушенным сердцем тебя призывающих! Моли о нас Господа нашего Иисуса Христа, да простит нам прегрешения наши и дарует нам верность и мужество, дабы помнить и исполнять заповеди Его и во всем искать и творить волю Его!

Буди всем нам образцом веры и вождем духовным, болящим буди представителем и врачом изрядным, печальным буди утешение, гонимым заступник, юным наставник, всем же благосердный отец и горячий молитвенник, да молитвами твоими устоим в вере и не престанно славим пречестное и великолепное имя Пресвятой Троицы, Отца, Сына и Святаго Духа во веки веков. Аминь.

Лилия Ратнер

ЕВХАРИСТИЯ В ГУЛАГЕ

Мы, христиане, много и справедливо говорим о необходимости радоваться. «Всегда радуйтесь, за все благодарите», – мы помним эти прекрасные призывы и стараемся им следовать. Но редко задумываемся о том, какова должна быть эта радость.

Это не радость молодого, здорового, полного сил природного оптимиста. Это радость, прошедшая через горнило страданий, через смерть и Воскресение, страданиями закаленная и преображенная. Эта радость неразлучна со страданием. Не зря мы носим на груди образ нашего Спасителя, умирающего страшной и позорной смертью на кресте. Этот образ, к сожалению, замылен в нашем сознании. Но наши XX и XXI века не дают нам забыть о том, что и мы призваны разделить крест с нашим Спасителем.

Совсем недавно мы стояли у этого Креста и переживали великую скорбь Его смерти и великую радость Его Воскресения. Он умер в Великую пятницу и, умерев, сошел во ад. Он сошел во ад, потому что другой возможности у человечества не было, а Он, «нас ради человек», Сам стал человеком. Он стал человеком, чтобы мы смогли войти в Царство Небесное. Он принес Себя в жертву, чтобы вывести из ада томящихся там праведников.

Мы не знаем, каким было Его пребывание в аду, но, безусловно, это была Евхаристия, которая принесла жизнь всем нам.

Да здравствует
рабочий
сподвижник

Люди в XX и XXI вв. оставили немало потрясающих свидетельств о том, как происходила Евхаристия в земном аду, ГУЛАГе, Освенциме и многих, многих лагерях смерти.

Совсем недавно мы, группа паломников, видели в Греции сотни мучеников, погибших за веру Христову, но не принявших ислам. Они лежат с проломленными черепами в стеклянных гробах в греческих православных монастырях. И становится понятно, что Богу угодно сохранить наш мир благодаря миллионам мучеников и праведников, которые обагрили кровью землю нашу.

В России, как и во всем мире, гибли не только свидетели Христовой веры православного исповедования, но и католики, и протестанты. Гибли мусульмане. А уж об иудеях не надо и напоминать – о Холокосте знают все. Любой верующий становился врагом Системы и безбожного мира. Вот как пишет об этом Грэм Грин в своем романе «Сила и слава», переведенном на русский язык отцом Александром Менем, разделявшим мысли и чувства автора:

«Страдания причастны к Небу, как боль – радости. Молитесь, чтобы вам страдать еще и еще. Никогда не уставайте страдать. Полиция следит за вами, солдаты берут с вас налоги, вас бьет начальство. Оспа, лихорадка, голод – все это причастие Небу, приготовление к Нему. Как знать, без всего этого Небо не будет для вас таким желанным. Там нет ни страха, ни опасности, не бывает неурожайных лет...».

Вот православная литургия в ГУЛАГе, описанная в книге «Последний старец», повествующая об архимандрите Павле Груздеве (1910–1996):

«Словно в первые христианские века, когда богослужение совершалось зачастую под открытым небом, православные молились ныне в лесу, в горах, в пустыне.

В уральской тайге служили Литургию заключенные Вятских исправительных трудовых лагерей. По словам о. Павла, «там была целая Епархия – два епископа, несколько архимандритов, игумены, монахи, иеромонахи, множество верующих женщин». Когда удавалось, лагерная епархия выходила в лес и начиналось богослужение. Для причастной чаши готовили сок из лесных ягод: черники, земляники, ежевики, брусники.

Престолом был пень, полотенце – саккос, из консервной банки делалось кадило. Архиерей, облаченный в арестантское тряпье, возглашал:

*– «Разделили ризы Мои себе,
Об одежде Моеи метали жребий!»*

Он предстоял лесному престолу, как Господню, ему помогали все молящиеся.

*«Тело Христово примите,
Источника бессмертного вкусите!» –
Пел хор заключенных.*

Как молились, как пели, как плакали – не от горя, от молитвенной радости!

При последнем богослужении, когда их куда-то переводили, молния ударила в пень, служивший престолом, чтобы не осквернили его потом. Пень исчез, а на его месте появилась глубокая воронка, полная чистейшей, прозрачной воды. Охранник побелел от страха: «Да вы тут все святые!».

Шла Великая Отечественная война, начавшаяся в воскресенье 22 июня 1941 года, в «День всех Святых, в земле Российской просиявших», помешавшая осущест-

виться государственному плану безбожной пятилетки, по которому в России не должно было остаться ни одной церкви.

Что помогло России выстоять и сохранить веру? – разве не молитвы и праведная кровь миллионов заключенных, лучших христиан России?

Столько слез ни до, ни после не видывал Господь! Бесправные зеки служили так, что Огонь сам с Неба сходил на этот престол».

Мать Мария (Скобцова), спасавшая евреев в оккупированном Париже, нашла гибель в крематории Равенсбрюка; Ефросинья Керновская выдержала все ужасы ГУЛАГа, но не сломилась и только укрепила веру, и многие другие оставили нам глубочайшие свидетельства того, что Дух угасить нельзя.

Борис Ширяев в книге «Неугасимая лампада» пишет, как однажды, заблудившись в лесу, нашел тайную землянку и, заглянув в оконце, увидел:

«Прямо передо мной горела лампада, бледные отблески ее света падали на темный лик древней иконы. Ниже был виден ничем не покрытый аналой, а на нем раскрытая книга. Лишь присмотревшись, я смог различить склоненную перед аналоем фигуру стоящего на коленях монаха и рядом, на лавке очертания раскрытоого гроба.

Я стоял у входа в сокровенный затвор последнего схимника Святой Руси. Взйти я не посмел. Можно ли нарушить своей человеческой нуждой смиренно-торжественный покой беседы молчальника с Богом?

До рассвета стоял я у окна, не в силах уйти, оторвавшись от бледных лучей неугасимой лампады перед лицом Спаса. Я думал, нет, верил, знал, что пока светит это бледное пламя неугасимой лампады, пока озарен хоть одним ее слабым лучом скорбный Лик Искупителя

людского греха, жив и дух Руси, многогрешной, заблудившейся, кровавой, кровью омытой...».

«Зачем же нужно было Спасителю спускаться в ад теперь?», – спрашивает автор и мы с ним. И вспоминает:

«Сервантес, беглый раб, каторжник, запечатлев словом образ Вечного Рыцаря, будучи в оковах, в тюрьме. С тех пор рухнула мощная империя, а рожденный в каземате Бедный Рыцарь все бродит по миру, устремляя копье против злых великанов.

Люди, государства, режимы сменяются, но он неизменен, ибо он – Дух. Ничтожная лепта евангельской вдовицы превысила все сокровища Храма. Слово, вдохнутое Богом, победило сильнейшую из империй.

Двенадцать галилейских нищих противопоставили свой Дух и излученную ими мысль непреоборимой силе легионов и победили их.

Вот еще одна великая заутреня в Соловках. Она неповторима.

«Десятки епископов возглавляли Крестный ход. Благовеста не было. Последний колокол был снят в 1923 году. Но задолго до полуночи, вдоль крепостных стен, сложенных из огромных валунов, потянулись к ветхой кладбищенской церкви нескончаемые вереницы серых теней. Попасть в самую церковь удалось немногим. Все кладбище было покрыто людьми.

Тишина. Истомленные души жаждут блаженного покоя молитвы. По темному небу, переливаясь всеми цветами радуги, бродят всполохи северного сияния.

Грозным велением облеченного неземной силой иерарха прогремело заклятие – возглас владыки Иллариона:

– Да воскреснет Бог и расточатся врази его!

Из широко раскрытых врат церкви, сверкая многоцветными огнями, выступил небывалый крестный ход.

17 епископов, более двухсот иереев и столько же монахов, а далее нескончаемые волны тех, чьи сердца неслись к Христу Спасителю в эту незабываемую ночь. "Христос воскресе!"» Немногие услышали прозвучавшие в церкви слова Благой вести, но все почувствовали их сердцем, и гулкой волной пронеслось по снежному безмолвию: "Воистину воскресе!" – к тем, кто не смог выйти в эту Святую ночь, кто простерт на больничной койке, кто томится в смрадном подземелье – историческом соловецком карцере. Крестным знамением осенили себя обреченные смерти в изоляторе...

Распухшие губы цинготных, кровоточа, прошептали слова обетованной Вечной Жизни, и рушились стены тюрьмы, воздвигнутой обагренными руками. Кровь, пролитая во имя любви, дарует жизнь вечную. Пусть тело томится в пленау, Дух свободен и вечен. Ничтожны и бессильны держащие нас в оковах, Духа не закуете! Пели все, и старый больной генерал, и те, кто забыл слова молитвы, и те, кто еще недавно поносил их.

"И сущим во гробех живот даровав!"

Радость надежды вливалась в истомленные сердца. Умрем мы, но возродимся! Восстанет из пепла Великий Монастырь – оплот земли Русской!

"Придите ко Мне, все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас!"

Они пришли и слились в братском поцелуе – петербургский сановник и калужский мужик, в пепле человеческой суэтности, лжи, слепоты, вспыхнули искры Вечного и Пресветлого».

В заключение позвольте привести стихотворение, написанное Юрием Домбровским там же, в ГУЛАГе:

Амнистия

*Даже в пекле надежда заводится,
Если в адские вхожа края
Матерь Божия, Богородица,
Непорочная Дева моя.*

*Она ходит по кругу проклятому,
Вся надламываясь от тягот,
И без выбора каждому пятому
Ручку маленькую подает.*

*А под сводами черными, низкими,
Где земная кончается тварь
Потрясает пудовыми списками
Ошарашенный секретарь.*

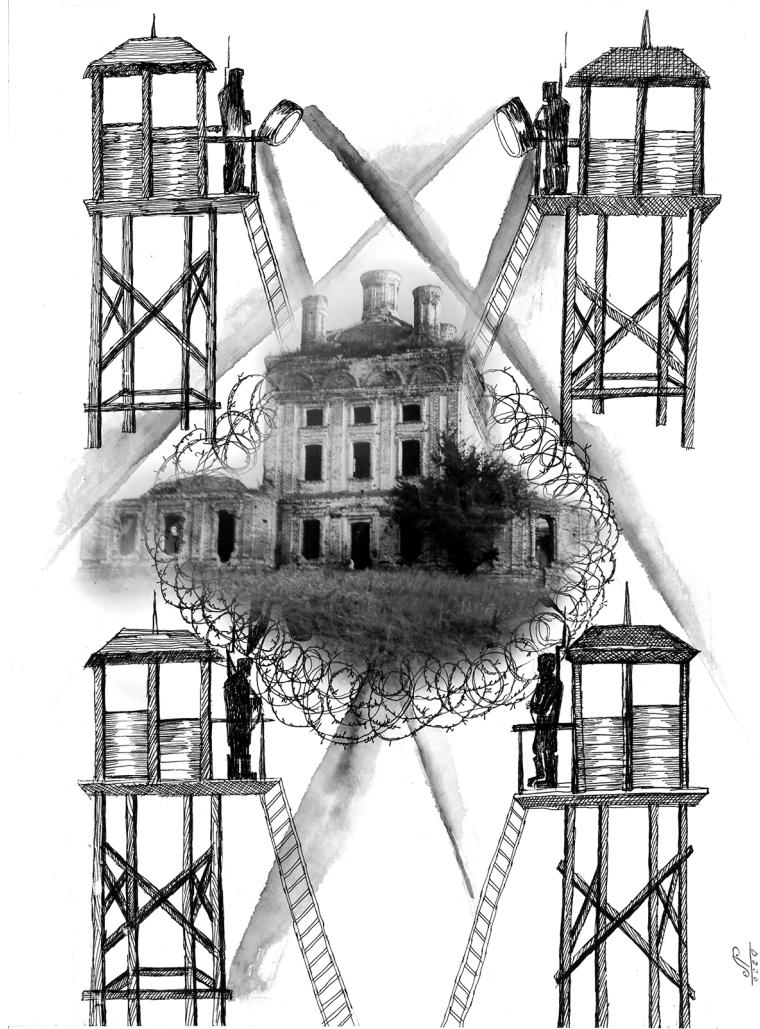
*И кричит он, трясясь от бессилия,
Поднимая ладони свои:
– Почитайте вы, Дева, фамилии,
Посмотрите хотя бы статьи!*

*Вы увидите, сколько уводится
Неугодного небу зверья, -
Вы не правы, Моя Богородица,
Непорочная Дева моя.*

*Но идут, но идут сутки целые
В распахнувшиеся ворота
Закопченные, обгорелые,
Не прощающие ни черта!*

*Через небо глухое и старое,
Через пальмовые сады
Пробегают, как волки поджарые,
Их рассстроенные ряды.*

*И глядят серафимы печальные,
Золотые прищурив глаза,*

2011

*Как открыты им двери хрустальные
В трансцендентные небеса;*

*Как крича, напирая и гикая,
До волос в планетарной пыли,
Исчезает в них скорбью великая
Умудренная сволочь земли.*

*И, глядя, как кричит, как колотится,
Оголтелое это зверье,
Я кричу:
“Ты права, Богородица!
Да святится имя Твое”.*

Христос победил мир, с Ним можно победить ад, страх и пройти сквозь муки кромешного ада. Он одарил нас глубочайшим даром – веры в Его Воскресение, даром любви и надежды на Вечную Жизнь. Святой Максим Исповедник, мученик VII в. за Христа (ему отрезали язык, его били и мучили, требуя отречения) сказал: «Блаженны одни те, кто действует, страждет за Христа и с Христом. Здесь блаженство – не награда за подвиги, а состояние души, уязвленной любовью ко Христу. Только тот, кто страдает за Христа, – тот истинно любит и соединяется с Ним в страданиях».

Любовь к Богу преображает человека в борьбе с отцом лжи, и он оказывается победителем. Христианство вот уже двадцать веков почитает своих мучеников и исповедников. Их число пополняется. Значит, Богу угодно сохранить наш мир благодаря им.

Отец Кирилл Каледа, настоятель храма при Бутовском полигоне, где лежат тысячи священнослужителей, сказал: «Когда вы беретесь за ручку двери своего храма, вспоминайте, что за эту ручку брались те, кто своей кровью заплатил за ваше право ходить в него».

**К 10-летию канонизации
преподобномученицы матери Марии (Скобцовой)
и мученика Ильи Фондаминского**

Наталия Большакова

ПОДРАЖАНИЕ ХРИСТУ
Путь матери Марии (Скобцовой)

Нет, Господь, я дорогу не мерю,
Что положено, то и пройду.

Мать Мария (Скобцова)

Прославленная Богом и Церковью, причисленная к лику святых десять лет тому назад вместе со своими сподвижниками – священномучеником Дмитрием Клепининым, мучеником Георгием (Юрием, её сыном) Скобцовыми, мучеником Ильей Фондаминским – преподобномученица Мария известна и почитаема сегодня во многих странах. На разных языках выходят книги о м. Марии: и свидетельства и воспоминания о ней, и статьи и исследования о её художественном творчестве, и переводы ее философско-богословских трудов. Проводятся конференции, посвященные ее памяти и изучению ее духовно-творческого наследия. Пишут иконы святой матери Марии, а в Лондоне, в аллее Вестминстерского аббатства – духовном центре англиканской Церкви – есть два скульптурных портрета православных монахинь-новомучениц: великой княгини Елизаветы Фёдоровны и матери Марии.

Конечно, больше всего знают о матери Марии во Франции, ибо служение её и подвиг, приведшие к

мученической кончине, проходили во Франции, в Париже. И воспоминание о ее пребывании в фашистском концлагере Равенсбрюк, куда м. Мария была депортирована из Франции за то, что в оккупированном Париже спасала евреев, написаны, в основном, француженками.

Все воспоминания, помимо благодарности, несут в себе свидетельства о силе духа, о непоколебимой вере, мужестве и любви этой необыкновенной русской женщины – православной монахини «*mère Marie*», матери Марии. Причем, впечатления от встречи с нею были настолько сильными, что сохранялись на всю жизнь. И буквально до последнего времени продолжали выходить из печати воспоминания знавших м. Марию. Женевьева де Голль (сестра генерала де Голля) тоже была узницей концлагеря Равенсбрюк и знала м. Марию. В своих воспоминаниях она пишет, что необходимо свидетельствовать не только о нацистских преступлениях, но и о таких людях, как мать Мария, православная русская монахиня, погибшая в газовой камере лагеря Равенсбрюк, «благодаря которым (я в этом убеждена) даже в концентрационном мире зло не одержало победу!

Какова была ее жизнь в 27 блоке, все мы хорошо знаем. В этих условиях она еще пишет трогательную икону Божией Матери, которая держит в руках распятого Младенца Христа.

Подле нее мы молились и, порой, пели тихими голосами. В то время, как одна из нас была на страже.

Эти собрания оставили у нас незабываемые впечатления».

«Сидя на своем тюфяке, она устраивала настоящие кружки, и я имела счастье участвовать в них по вечерам, когда возвращалась с работы – вспоминала друг-

гая ее соузница Жаклин Пейри. – Это был оазис после страшного дня. Она нам рассказывала про свой общественный опыт во Франции, о том, как она себе представляла примирение между православной и католической церквами. Мы ее расспрашивали об истории России, о ее будущем, о коммунизме, о ее встречах в лагере с молодыми советскими девушкими-солдатками, которыми она любила себя окружать. Эти дискуссии, о чем бы ни говорилось, являлись для нас выходом из нашего ада. Они помогали нам восстанавливать утраченные душевые силы, они вновь зажигали в нас пламя мысли, едва тлевшее под тяжким гнетом ужаса.

К концу «заседания» мать Мария брала «Настольную книгу христианина», которая уцелела у одной из узниц после обыска, и читала отрывки из Евангелия и Посланий апостолов. Мы сообща толковали их и проводили «медитацию» на основании их; часто мы заканчивали повечерием. Позже этот период нам казался чуть не райским».

Все в лагере было сделано, чтобы довести заключенных до животного состояния перед тем, как предать их смерти. Но эта система не покорила мать Марию и не сломила ее человеческое достоинство. И окружающих она призывала и побуждала думать, чувствовать и понимать. «Где могла и как могла, м. Мария поддерживала в нас еще не совсем потухший огонь человечности, как бы он ни выражался». – Вспоминает узница С. В. Носович.

Мать Мария противостояла злу и тем, что сама не испытывала ненависти к своим мучителям, будучи убежденной в призрачности зла. «Я подозреваю, что ад – здесь, на земле. – Говорила она в лагере. – За рубежом его нет. Зло вечное не может существовать».

Е. А. Новикова, соузница м. Марии, после освобождения, встретилась с Софией Борисовной Пиленко (мамой м. Марии) и передала ей слова, выученные наизусть по просьбе м. Марии и предназначавшиеся С. Б. Пиленко, митр. Евлогию и духовному отцу – Сергию Булгакову: «Мое состояние сейчас – это то, что у меня полная покорность к страданию, и это то, что должно быть со мною, и что если я умру, в этом я вижу благословение свыше. Самое тяжелое, и о чем я жалею, что я оставила свою престарелую мать одну».

По мнению С. В. Носович, «силу переносить страдание давала м. Марии ее цельность и богатство ее внутреннего мира».

Задолго до лагеря в статье «Рождение в смерти» м. Мария писала: «И мы верим. И вот по силе этой нашей веры мы чувствуем, как смерть перестает быть смертью, как она становится рождением в вечность, как муки земные становятся муками нашего рождения».

К марта 1945 года, как видно из описания Жаклин Пейри, мать Мария «достигла предела человеческих сил. Она всегда лежала в промежутках между перекличками. Она больше не говорила, или почти не говорила, а предавалась бесконечному созерцанию. Она уже больше не принадлежала царству живых. Ее лицо производило большое впечатление не своей истощенностью, – мы уже привыкли к такому зрелищу, – а напряженным выражением ужасного потаенного страдания. [...] Смерть уже отметила ее. Однако мать Мария ни на что не жаловалась. Она держала глаза закрытыми и как будто находилась в постоянном молитвенном состоянии. Это был, мне кажется, ее Гефсиманский сад».

В марте заключенные уже не выходили на работу. По словам Жаклин Пейри, от постоянных проверок и

*Преподобномученица
Мария*

«отборов» все находились в страшном нервном напряжении, доводившем многих до сумасшествия. «Мать Мария оставалась молчаливой и спокойной. До сих пор нам удавалось прятать ее в критические моменты от эсэсовцев».

После неожиданных обысков в конце марта три грузовика увезли отобранных в Югенлагерь (филиал Равенсбрюка, в полутора километрах от него). Мать Мария уже не могла ходить, передвигалась только ползком. Была ли она «отобрана» из-за своего физического состояния или встала на место другой «отобранной» своей соузницы, как пишут в некоторых изданиях, – точно сказать нельзя.

Достоверное свидетельство о последних днях м. Марии содержится в письме мадам Ж. Вердье от 4 апреля 1945 года, адресованном Даниилу Скобцову (бывшему мужу м. М. и отцу Юрия Скобцова): «Милостивый государь, я действительно могу вам рассказать о матери Марии, так как прожила рядом с ней много-много

месяцев, но, увы, боюсь, вы ее больше никогда неувидите. [...]

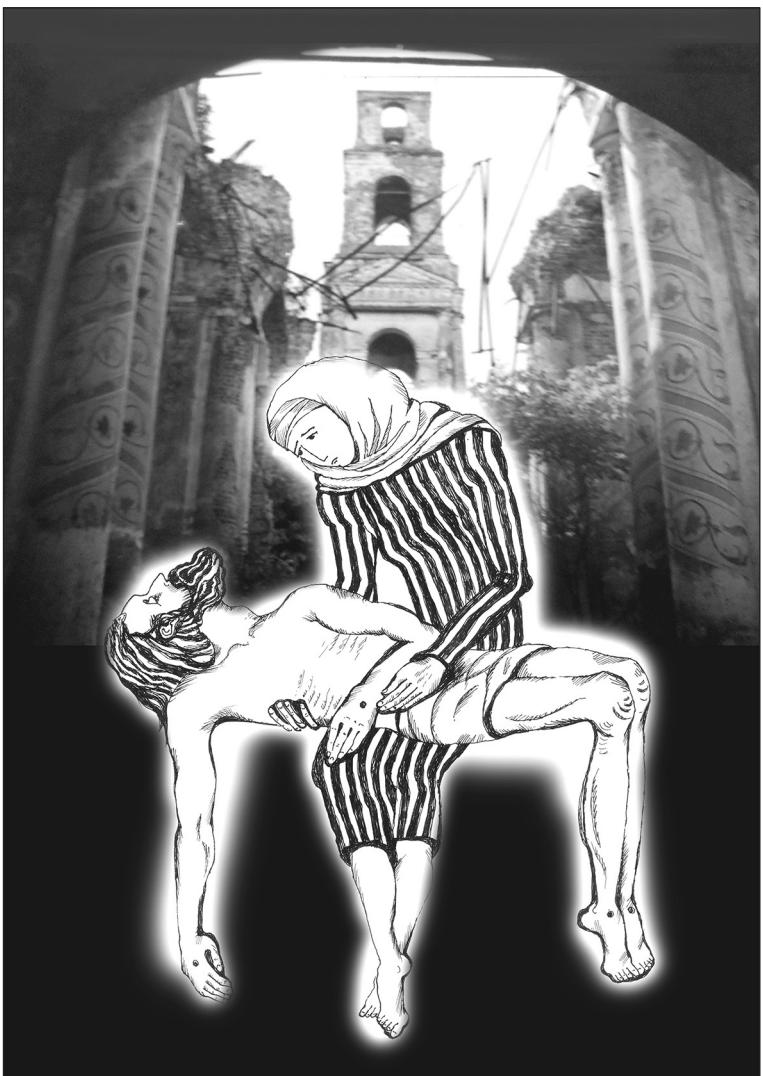
В среду перед Пасхой нас построили в шеренги, босиком, и мы должны были маршировать перед каким-то майором. Нас было около 500, 260 – среди которых мать Мария – были отделены, остальные вернулись в свой блок. Эти 260 женщин оставались вместе до следующего дня, когда за ними приехали грузовики. Чтобы увезти их, но куда?.. Это тайна, вселяющая большое опасение, так как все отобранные в тех же условиях уже потом не давали о себе знать. У меня адреса многих из них, я жду конца войны, чтобы постараться что-то узнать, но надежды не имею никакой. [...]».

Судя по данным этого письма, м. Мария была «отобрана» в среду, 28 марта и на следующий день, в Великий Четверг, 29 марта увезена, по всей вероятности, прямо в газовую камеру.

Но каковы бы ни были точная дата и обстоятельства гибели м. Марии, узницы номер 19 263 концлагеря Равенсбрюк, последовавшей на Страстной неделе за своим Учителем, – не стоит связывать вопрос мученичества с этими последними часами ее жизни. По размышлением самой м. Марии, по ее опыту, – мученический подвиг не является единичным событием. Он может быть завершением процесса. Он сам по себе процесс.

*И сны бегут, и правда обнажилась.
Простая. Перекладина креста.
Последний знак последнего листа, –
И книга жизни в вечности закрылась.*

«Во всей религиозной философии последнего столетия никто так внутренне не пережил тайну Голгофы,

тайну Гефсиманской ночи, тайну Искупления, тайну сопричастности страданию, как мать Мария». (Прот. Александр Мень, «Мать Мария»).

30 марта 1945 г. у ворот лагеря Равенсбрюк стоял белый «Форд» международного Красного Креста, представители которого прибыли для переговоров об освобождении 300 узниц из Франции. Их не пустили в лагерь, так как комендант был «занят». Вдали уже слышалась артиллерийская канонада наступающей советской армии.

В Пасхальное воскресенье, 1 апреля всем узницам из Франции было приказано явиться 2 апреля на главную площадь лагеря. Приказ относился и к находящимся в Югендлагере. Красному Кресту, наконец, удалось договориться об освобождении французских узниц.

*O, смерть, нет, не тебя я полюбила,
Но самое живое в мире – вечность.
И самое смертельное в нём – жить.*

Мать Мария ушла «в вечность, для радостной жизни» (её слова). Но и земные дни её были пронзены «пламенем вечности», и «сквозь них может просвечивать вечность, если человек не испугается, не убежит сам от себя, не откажется от своей страшной, не только человеческой, но и богочеловеческой судьбы. То есть от своей личной Голгофы, от своего личного крестоношения, вольной волей принятого». («Прозрение в войне»). Мать Мария говорила еще, что проклятие времени и безумие истории можно победить прорывом в вечность, религиозным подвигом. Время – линия горизонтальная, религиозный взлет – вертикальная. Их пересечение образует крест. Крест – освобождение, «легкое бремя»...

*Господь мой, я жизнь принимала,
Любовно и жарко жила.
Любовно я смерть принимаю,
Вот налита чаша до краю,
К ногам Твоим чаша упала.
Я жизнь пред Тобой разлила.*

Мать Мария всю свою жизнь искала вечного измерения бытия. Искренно, бесстрашно, будучи цельным человеком, проходила она жизненный путь, приближаясь к своему «огнепальному концу»... И стихи ее исполнены предчувствием великих страданий и страшного страстотерпческого конца земной жизни.

Есть убедительное свидетельство о пророческом даре, присущем м. Марии с юности. Оно принадлежит Софии Борисовне Пиленко, вот что писала она о дочери: «Лиза с молодости была уверена, что ее ожидают мучения, мытарства, мучительная смерть и сожжение».

*И громче напев погребальный.
И мгла не мертва, не пуста,
И в ней начертанье креста –
Конец мой, конец огнепальный.*

Чтобы попытаться осмыслить конец ее земного пути, – обратимся к его началу.

Лиза Пиленко (будущая м. Мария) родилась 8(21) декабря 1891 г. в Риге, на улице Елизаветинской (тогда, ныне – Elizabetes), в доме № 21, – где в 2012 г. установлена мемориальная доска с барельефом в честь святой матери Марии, – в семье Юрия Дмитриевича Пиленко (1857–1906) и Софии Борисовны Пиленко, урожденной

Делоне (1862–1962). 27-го декабря 1891 г. девочка была крещена в Рижском православном кафедральном Христорождественском соборе. Во время крещения девочка захлебнулась в купели, и ее с трудом вернули к жизни. Крестными Елизаветы стали дедушка Д. В. Пиленко, отставной генерал и знаменитый винодел, и двоюродная бабушка, тётя мамы, Елизавета Александровна Яфимович (урожд. Дмитриева-Мамонова), в прошлом фрейлина великой княгини Елены Павловны в царствование Александра II; ближайшим другом бабушки был обер-прокурор Священного Синода Константин Петрович Победоносцев. Каждую зиму Лиза с братом и мамой подолгу гостили у бабушки, в ее огромной петербургской квартире на Литейном проспекте, где Лиза познакомилась и подружилась с Победоносцевым. Этому посвящен очерк Е. Ю. Скобцовой «Друг моего детства», написанный ею уже в эмиграции, в 1925 году.

27 октября 1893 г. в семье Пиленко родился сын. Младший брат Лизы – Дмитрий также был крещен в Христорождественском соборе.

Рижское детство Лизы было безоблачным. Она просыпалась от криков извозчиков и звонков конок, пересекавших оживленный перекресток, девочку водили гулять в Стрелковый сад (сейчас парк Кронвалльда), а по праздникам Лиза вместе с родителями бывала в Христорождественском соборе. Позднее семья переехала в дом № 1 на бульваре Престолонаследника (ныне бульвар Райниса).

Юрий Дмитриевич Пиленко – юрист по образованию, служил товарищем прокурора Рижского Окружного суда. Но после смерти своего отца – Д. В. Пиленко – Юрий Дмитриевич выходит в отставку, и в 1895 году вместе с семьей переезжает в Анапу, наследуя имение и

виноградники отца. Он продолжил дело отца и за успехи в виноградарстве, в мае 1905 г. Пиленко назначают директором известного Никитского ботанического сада и директором Училища садоводства и виноделия. Семья переезжает в Ялту, где Лиза окончила 4-й класс гимназии с наградой 2-ой степени. И там же пережила революцию 1905 года.

Можно сказать, что Елизавета Юрьевна разделила все катаклизмы XX века, потрясшие и Россию, и Европу: революции, Первую мировую войну, Гражданскую войну, эмиграцию, Вторую мировую войну. И в личной ее жизни, в женской ее судьбе было много испытаний, страданий, горя.

*«И я вместила много; трижды – мать –
Рождала в жизнь, и дважды в смерть рождала.
А хоронить детей, как умирать».*
(«Духов День», терцины. 1942 г.)

Но детство Лизы было счастливым временем ее жизни, она росла, окруженная любовью и заботой, атмосфера доверия и доброжелательности между членами семьи оставили глубокий след в характере, в душевном строе Лизы. Общественные и служебные интересы Юрия Дмитриевича, принимаемые им решения были в центре жизни семьи – все обсуждалось, и эта открытость и доступность мира взрослых оказали серьезное влияние на ее формирование. Юрий Дмитриевич много времени отдавал обучению и воспитанию молодых, которые относились к нему с любовью.

Через год пребывания на должности директора Никитского ботанического сада Пиленко был переведен на службу в Петербург, в департамент земледелия. Это

было время начала столыпинских реформ, близких устремлениям самого Пиленко. Семья переехала в Анапу. Вернувшись из Петербурга, куда он ездил по делам службы, в Анапу, Юрий Дмитриевич скоропостижно умирает в возрасте 49 лет.

В 1906 г. Лиза потеряла двух дорогих для нее людей, – 17 июля умер отец, которого Лиза обожала, а через месяц умерла в Петербурге бабушка, крестная мать Лизы – Елизавета Александровна Яфимович. В жизни Лизы начался как бы новый отсчет. Уже в эмиграции, в 1936 г. в воспоминаниях «Встречи с Блоком» мать Мария так опишет произошедшее тем летом.

«30 лет тому назад, летом 1906 года, в моей жизни произошло огромное событие, благодаря которому я стала взрослым человеком. За плечами было только 14 лет, но события того времени как-то быстро взрослили нас. Мы пережили Японскую войну и революцию, мы были поставлены перед необходимостью спешно разобраться в наших детских представлениях о мире и дать себе ответ, – где мы и с кем мы. И впервые в сознание входило понятие о новом герое, имя которому, – Народ. Единственно, что смущало и мучило, – это необходимость дать ответ на самый важный вопрос: верю ли я в Бога? Есть ли Бог?

И вот, ответ пришел. Пришел с такой трагической неопровергимостью. Я даже и сейчас помню пейзаж этого ответа. Рассвет жаркого летнего дня. Ровное румяное небо. Черные узоры овальных листьев акации. Громкое чириканье воробьев. В комнате плач. Умер мой отец. И мысль простая в голове: ”Эта смерть никому не нужна. Она несправедливость. Значит, нет справедливости. А если нет справедливости, то нет и справедли-

вого Бога. Если же нет справедливого Бога, то, значит, и вообще Бога нет”.

Никаких сомнений, никаких доводов против такого вывода. Так на рассвете жаркого дня, еще до появления солнца, вместе со смертью моего отца в моей детской душе умерла вера в Бога.

Бедный мир, в котором нет Бога, в котором царствует смерть, бедные люди, бедный народ, бедная революция, которая тоже умирает, бедная я, маленькая девочка, вдруг ставшая взрослой, потому что узнала тайну взрослых, – что Бога нет, и что в мире есть горе, зло и несправедливость.

Так кончилось детство.

Осенью я впервые уехала надолго от Черного моря, от юга, солнца, ветра, свободы. Первая зима в Петербурге. Небольшая квартира в Басковом переулке. Гимназия. Утром начинаем учиться при электрическом свете, и на последних уроках тоже лампы горят. На улицах рыжий туман. Падает рыжий снег. Никогда, никогда нет солнца. Родные служат панихиды, ходят в трауре. В панихидах какая-то примиренность, а я мириться не хочу, да и не с кем мириться, потому что Его нет. Если можно было еще сомневаться и колебаться дома, то тут-то, в этом рыжем тумане, в этой осени проклятой, никаких сомнений нет. Крышка неба совсем надвинулась на этот город-гроб, а за ней – пустота.

Я ненавидела Петербург. Мне было трудно заставить себя учиться. Вместо гимназии я отправлялась бродить далеко через Петровский парк, на свалку, мимо голубиного стрельбища. Самая острая тоска за всю жизнь была именно тогда. И душе хотелось подвига, гибели, – за всю неправду мира, чтобы не было этого рыжего тумана и бессмыслицы».

После смерти мужа София Борисовна Пиленко с детьми Елизаветой и Дмитрием переехала к своей родне в Санкт-Петербург, и в конце августа 1906 г. Лиза поступила в 5-ый класс гимназии Л. С. Таганцевой. Петербург ее угнетал; пришел конец ее дружбе с К. П. Победоносцевым; после смерти отца и бабушки, вместо любимого юга – промозглый климат, ненавистный «рыжий туман».

В 1933 г. в Париже м. Мария рассказывала своему другу Константину Мочульскому о детстве, юности: «Когда я была девочкой, я убегала из дома и долго, до поздней ночи бродила над морем. У нас в Анапе высокие откосы, густая трава, внизу скалы и прибой. Вы знаете наше черноморское побережье? Как я его люблю! Осенью задует норд-ост, рвет волосы, свистит в ушах. Хорошо! Я и теперь больше всего люблю ветер. Помните у Блока: «Ветер, ветер на всем Божьем свете».

Ну, а потом был Петербург, темные зимние дни, гимназия, тоска. Я писала стихи и мечтала о смерти. В молодости я всегда хотела умереть. После кончины отца я пережила бурный период «богоборчества». А дальше – опять стихи, сборники «Скифские черепки» и «Руфь», поэты,очные сборища, Башня Вячеслава Иванова, цех поэтов у Гумилёва в Царском, дружба с Блоком. Потом как-то неожиданно вышла замуж. Была эпоха символизма».

В 1909 г. Елизавета Пиленко поступила сначала на юридический факультет, а вскоре перешла на философское отделение историко-филологического факультета высших Бестужевских курсов. Училась она с большой охотой, активно участвовала в семинарах великих философов Семёна Людвиговича Франка и Николая Онуфриевича Лосского (они тоже, как и их студентка,

окажутся в эмиграции, высланные из России в 1922 году на «философском» пароходе). Была она также вольнослушательницей Петербургской Духовной Академии (первой из женщин).

Еще будучи гимназисткой, Елизавета была вовлечена в события театральной, литературной и художественной среды Петербурга того времени, посещала выставки «Мира искусства», литературные вечера, сама училась рисунку и живописи, писала стихи. На одном из литературных вечеров юная Лиза увидела кумира тогдашней молодежи, «короля поэтов» – Александра Блока: «Очень прямой, немного надменный какой-то, голос медленный, усталый, металлический. Темно-медные волосы, лицо не современное, а будто со средневекового надгробного памятника, из камня высеченное, красивое и неподвижное». Восстанавливая во «Встречах с Блоком» (1936 г.) их первую встречу, м. Мария пишет, что она «оставила часть души там. Это не полудетская влюбленность. На сердце скорее материнская встревоженность и забота. А наряду с этим сердцу легко и радостно. Хорошо, когда в мире есть такая большая тоска, большая жизнь, большое внимание, большая, обнаженная зрячая душа.

Через неделю я получаю письмо, конверт необычайный, ярко-синий. [...] В письме есть стихи:

*Когда вы стоите на моем пути,
Такая живая, такая красавая,
Но такая измученная,
Говорите все о печальном,
Думаете о смерти,
Никого не любите,
И презираете свою красоту –*

*Что же? Разве я обижу вас?..
Сколько не говорите о печальном,
Сколько не размышиляйте о концах и началах,
Все же, я смею думать,
Что вам только пятнадцать лет.
И потому я хотел бы,
Чтобы вы влюбились в простого человека,
Который любит землю и небо
Больше, чем рифмованные и нерифмованные
Речи о земле и небе.
Право, я буду рад за вас,
Так как – только влюбленный
Имеет право на звание человека.*

Письмо говорит о том, что они умирающие, что ему кажется, – я еще не с ними, что я могу еще найти какой-то выход, в природе, в соприкосновении с народом. «Если не поздно, то бегите от нас, умирающих...» Письмо из Ревеля, – уехал гостить к матери. [...]

Это была первая встреча с Блоком, самым удивительным моим современником, – не символистом, нет, – но символом самой удивительной эпохи в жизни моей удивительной страны».

В 1910 г. 18-летняя Лиза «неожиданно» выходит замуж за Дмитрия Владимировича Кузьмина-Караваева (1886–1959), и с головой окунается в водоворот петербургской художественной жизни, стремительно входит в круг литераторов, составивших впоследствии знаменитую плеяду поэтов Серебряного века. Первый же сборник стихов Е. Кузьминой-Караваевой – «Скифские черепки», вышедший в 1912 г. в «Цехе поэтов», делает ее имя известным в литературном мире, ее ставят в один ряд с начинаящими Анной Ахматовой и Мариной

Цветаевой, и после выхода в свет в 1916 г. второй ее поэтической книги «Руфь», – можно сказать, что Е. Ю. Кузьмина-Караваева проявила себя, как самобытный лирик, со своим неповторимым поэтическим голосом.

К этому моменту Елизавета расходится с Кузьминым-Караваевым и уезжает с дочерью Гаяной в Анапу, и с осени 1917 г. начинается новый этап ее жизни: она становится городским головой Анапы; комиссаром в большевистском правительстве; за связь с террористами ее арестовывает деникинская контрразведка и военно-окружной суд приговаривает Е. Ю. к расстрелу, но благодаря ее удивительному мужеству, разумному поведению, профессиональности адвокатов и выступлению общественных деятелей, писателей, духовенства (подписи в ее защиту собирали Максимилиан Волошин), ее освобождают.

Летом 1919 года, в условиях Гражданской войны, встретились и вскоре повенчались Елизавета Юрьевна и Даниил Ермолаевич Скобцов (1885-1969). Он был активным членом новоучрежденного правительства Кубанского края. Весной 1920 года «Белое движение» на Кубани потерпело полное поражение, и Скобцовых были вынуждены эмигрировать.

Они следовали путем, общим для многих беженцев: из Новороссийска, от восточного берега Чёрного моря на юг, в независимую Грузию; затем на запад, в Константинополь; затем в Белград. Часть пути – до Грузии – была просто подобна кошмару. По дороге, в Тифлисе в 1921 г. родился сын Юра. Дочь Настя родилась в Сербии в 1922 году.

Странствия длились почти три года, и вот с нансеновскими паспортами, в 1923 г. в Париж прибыла семья

из шести человек: София Борисовна Пиленко, Елизавета Юрьевна и Даниил Ермолаевич Скобцовы, сын Юра и две дочери – Настя и Гаяна. Однако, прибытие во Францию не означало, что беды их кончились. Они сполна хлебнули всех испытаний: и нищету, и безработицу, и самое страшное – смерть четырехлетней дочери в марте 1926 г. Смерть Насти явилась поворотным моментом в жизни Е. Ю., для нее «вдруг открылись ворота в вечность [...]. Это называется «посетил Господь». Чем? Горем? Больше, чем горем, – вдруг открыл истинную сущность вещей, – и увидали мы, с одной стороны, мертвый скелет живого, мертвый костяк, облеченный плотью, мертвенную землю и мертвенное небо, мертвенностъ всего творения, а с другой стороны, одновременно с этим, увидали мы животворящий, огненный, все пронизывающий и все попаляющий и утешительный Дух». («Прозрение в войне»).

В 1937 г. после панихиды по умершей в 1936 г. старшей дочери – Гаяне (она в 1935 г уехала в СССР), мать Мария делилась воспоминаниями с Константином Мочульским: «И в каждой полосе моей жизни была такая пронзительная печаль, разная, но всегда печаль. Когда мы приехали во Францию из Сербии, мы страшно нуждались. Жили всей семьей, шесть человек, на 15 франков в день. Я делала куклы, пошуары (трафареты для вышивок – Н. Б.), работала по 10-12 часов в сутки, слепла. Зарабатывала гроши. А когда умерла моя маленькая Настюша, – решение мое уже было принято. И я стала готовиться к постригу. Препятствия были непреодолимые. Но Господь взял за руку и вытащил». Видимо, спасение для матери, потерявшей ребенка, обретение смысла жизни было в служении людям во имя Бога, что и привело ее к решению стать монахиней.

Осмысливая происшедшее в ней, Е. Ю. писала: «Мне открылось другое, какое-то особое, широкое-широкое, всеобъемлющее материнство... Я вернулась с кладбища другим человеком, я увидела перед собой новую дорогу и новый смысл жизни...».

Когда Е. Ю. поделилась с близким другом – философом Николаем Бердяевым (1874–1948) – своим стремлением принять монашество, Бердяев сначала был против, опасаясь, что рамки канонического послушания исказят ее свободолюбивую природу. Но он принял выбор пути Е. Ю., когда понял глубину ее призвания «тушить собой мирскую скорбь». Именно Бердяев поддерживал все самые дерзновенные планы м. Марии в основанном ею «Православном деле», все ее сокровенные мысли во всем, что касалось свободы, без которой – как они оба утверждали – христианство может задохнуться, обессилить и потерять свой подлинный облик.

Даря Бердяеву свой сборник «Стихи» (Берлин, 1937), м. Мария сделала такую надпись: «Дорогому другу Николаю Александровичу Бердяеву. Эта книга – знак завоеванных твердынь – право монахам писать стихи».

В одной из своих статей Бердяев пишет: «Я очень любил мать Марию, хотя иногда жестоко с ней спорил. [...] Мать Мария, с которой меня связывали дружеские отношения, была одной из самых замечательных и разнообразно одаренных русских женщин нашей эпохи. И она очень характерна для эпохи, в которую ей пришлось жить, отражая самые значительные ее течения. Она была новой душой, по-новому взволнованной. Она соединяла в себе поэта, революционера и монахиню нового типа».

Митрополит Евлогий (Георгиевский, 1866–1946) и прот. Сергей Булгаков (1871–1944) отнеслись с понима-

нием к призванию Е. Ю. к «материнскому служению». Митр. Евлогий, согласно канону и с согласия мужа Елизаветы Юрьевны – Д. Е. Скобцова, дал им церковный развод и назначил день для совершения монашеского пострига. 16 марта 1932 г., в храме Сергиевского Подворья при парижском Православном Богословском институте, Елизавета Юрьевна Скобцова отложила мирское одеяние, облеклась в простую белую власяницу, спустилась по темной лестнице с хоров Сергиевского храма и распростерлась крестообразно на полу.

*В рубаху белую одета...
О, внутренний мой человек.
Сейчас еще – Елизавета,
А завтра буду имя рек.*

Белая рубаха-власяница – это «хитон нищеты и нестяжания, и всяких бед и теснот претерпения». Митр. Евлогий совершил постриг Е. Ю. и дал ей имя Мария в честь преподобной Марии Египетской, олицетворяющей в православной традиции образ покаяния. Сестра Иоанна (Рейтлингер, 1891-1988) – тоже духовная дочь о. С. Булгакова, присутствовавшая в церкви во время пострига, вспоминала, что в проповеди, после пострига, митр. Евлогий благословил мать Марию идти вместо пустыни со зверями, бывшей местом подвига Марии Египетской, – в мир к людям, которые, порой, страшнее зверей. Еще он сказал, что местом ее аскезы будет «пустыня человеческих сердец».

Став монахиней, м. Мария служила бездомным, безработным, больным, скатившимся на дно, пропащим. Основала для этого в Париже организацию «Православное дело»; приют для сирот; бесплатную столовую;

создала из гаража церковь во имя Покрова Божией Матери, для которой сама писала иконы, шила облачения для священников. Она умела все: столярничать, плотничать, шить, вышивать, вязать, печатать на машинке, мыть полы, стряпать обед, доить коров, полоть огород. И делала все это из любви к каждому человеку, осуществляя в жизни Евангельскую заповедь о любви к ближнему, – а дальних для нее не было. Мать Мария отдавала душу свою за други своя каждый день, кормя голодных, утешая плачущих, уступая свою постель бездомным. И дворянское происхождение м. Марии, университетское образование, принадлежность к культурной элите дореволюционного Петербурга не были для нее препятствием в понимании, в нахождении общего языка с любым человеком.

К концу 30-х годов пророческое видение м. Марии предсказывало близкие и необратимые разрушения. Еще в 1938 г. м. Мария говорила, что «предчувствует неслыханную катастрофу: культура кончена. Мы вступаем во времена эсхатологические». (Из дневника Константина Мочульского). «Время обернулось сейчас апокалиптическим ангелом, трубящим и взывающим к каждой человеческой душе. Случайное и условное свивается и обнажает вечные корни жизни. Человек стоит перед гибелью. Гибель обличает ничтожность, временность, хрупкость его мечтаний и стремлений. Все сгорает. Остается только Бог, человеческая душа, вечность и любовь.

Это так – для каждого, для монаха и мирянина, для христианина и язычника, для праведного и грешного.

И кто хочет в наши страшные дни идти единственным путем, уводящим от гибели, – «да отвергнется себя, и возьмет крест свой и идет». («Под знаком гибели»).

А когда началась Вторая мировая война, и Париж был оккупирован фашистами, мать Мария помогала всем, кто был гоним, кто был в смертельной опасности.

16 марта 1932 г. митр. Евлогий, совершив постриг, вручил м. Марии крест со словами: «Прими сестра Мария, щит веры, крест Христов, и помни всегда, как сказал Господь: кто хочет за Мной идти, да отвергнется себя, и возьмет крест свой, и последует за Мной». Эти слова из службы иноческого пострига стали пророческими, определившими крестный путь матери Марии.

«...одинокая, от всего освобожденная душа видит только образ Христов перед собою, по Его примеру подымает крест на плечи и за Ним идет, чтобы принять свою безрассветную Гефсиманскую ночь, свою страшную Голгофу, и через нее пронести веру в Воскресение, в незакатную пасхальную радость. [...]»

Свободный путь на Голгофу – вот в чем заключается подлинное подражание Христу». («О подражании Богоматери»).

Мать Мария (Скобцова) и отец Дмитрий Клепинин удостоены звания Праведников Мира от государства Израиль. Их имена вписаны в мемориале Яд-Вашем в Иерусалиме, где на Аллее Праведников Мира есть деревья-памятники с именами обоих мучеников, посаженные в 1986 г.

Они, ставшие живой жертвой любви, преодолели, казалось бы непреодолимые препятствия: между евреями и христианами (особенно после Второй мировой войны), между христианами разных конфессий, между людьми разных национальностей, внутри секулярного, все более отпадающего от Бога мира.

Лариса Волохонская

Лариса Волохонская родилась в Ленинграде, окончила филологический факультет Ленинградского Университета, отделение математической лингвистики. В 1973 году эмигрировала в Израиль. С 1975 по 1988 год жила в США. Закончила Йельский Университет (Коннектикут, США) с дипломом магистра богословия, после чего училась два года в Свято-Владимирской семинарии (Нью-Йорк, США), где слушала курсы прот. Александра Шмемана и прот. Иоанна Мейендорфа. С 1988 года живет в Париже. Перевела на русский язык курс лекций о. Иоанна Мейендорфа «Введение в святоотеческое богословие» и книгу о. Александра Шмемана «За жизнь мира», а также статьи Давида Даубе. Совместно с Ричардом Певеар занимается переводами на английский язык (см. биографическую заметку о Ричарде Певеар).

В ОДНО ПРЕКРАСНОЕ УТРО

Неожиданный визит

В одно прекрасное воскресное утро, в апреле 2003-го года, мой муж Ричард¹ проснулся с вопросом в гла-

¹ Ричард Певеар – поэт, эссеист, переводчик на английский с французского, итальянского, испанского и русского языков. Автор двух сборников стихов, трех книг переводов французского поэта Ива Бонфуа и двух книг прозы итальянского писателя Альберто Савинио.

Совместно Лариса Волохонская и Ричард Певеар уже около тридцати лет занимаются переводами русской классики (Достоевского, Толстого, Гоголя, Чехова, Бориса Пастернака, Михаила Булгакова) на английский язык. Кроме того, они переводили статьи С. Аверинцева, сборник статей

зах. «Илья Фондаминский... Илья Фондаминский... Кто такой Илья Фондаминский?» – «Имя знакомое, – сказала я, – но не помню, кто это. А в чем дело?» – «Да я проснулся с этим именем в голове, но никак не могу вспомнить, кто такой и почему бы мне о нем вспомнить».

Стали думать, заглянули в разные книги. Наконец вспомнили, что читали о нем в биографии Владимира Набокова (Brian Boyd, *Vladimir Nabokov. In two volumes*. Princeton University Press, 1990, 1991). Когда Набоков, еще в берлинский период своей жизни, приезжал в Париж, он останавливался у Фондаминских. Илью Исидоровича он очень любил и неизменно называл его «ангел Илья», что в устах обычно саркастического Набокова звучит необычайно.

Как всегда в воскресенье, пошли в церковь. После окончания литургии наш настоятель отец Николай Чернокрак² вышел на амвон и объявил решение Константинопольского патриарха Варфоломея о канонизации матери Марии Скобцовой, отца Дмитрия Клепинина, сына матери Марии Юрия и их друга Ильи Фондамин-
св. матери Марии (Скобцовой), детские стихи Самуила Маршака, Даниила Хармса, стихи Анри Волохонского.

² Протоиерей Николай Чернокрак, настоятель храма преподобного Серафима Саровского и Покрова Пресвятой Богородицы на ул. Лекурб в Париже. Двойное посвящение объясняется тем, что после закрытия Покровской церкви, основанной матерью Марией (Скобцовой) при ее общежитии на улице Лурмель, все церковные облачения (многие из них вышиты м. Марией), сосуды, иконы и украшения были перенесены в Свято-Серафимовский храм, где они хранятся бережно и с любовью. Память о преподобномученице Марии и ее соратниках, и их духовное наследие живы в церкви.

ского, погибших мученической смертью в немецких лагерях во время Второй мировой войны.

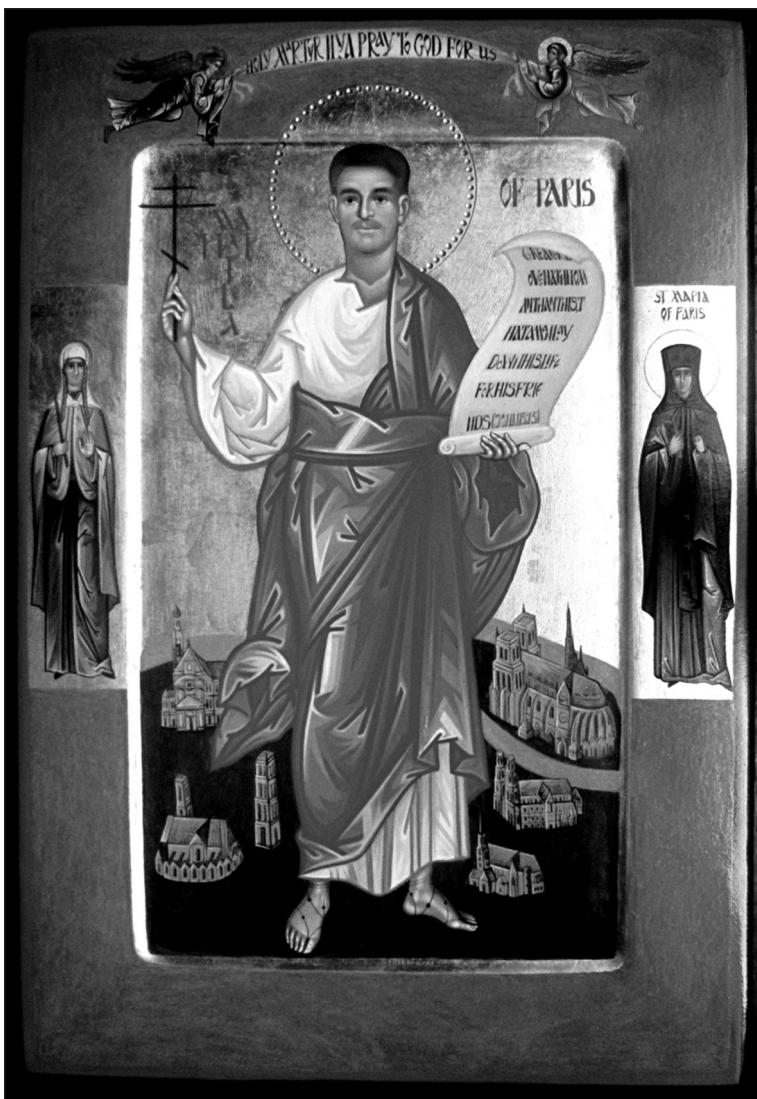
Никогда не забуду выражение крайнего изумления, написанное на лице у Ричарда и, наверное, на моем. До того дня мы об этой канонизации ничего не слышали, и имя Ильи Фондаминского нам ничего не говорило. Конечно мы сразу же ринулись узнавать, читать, а после официальной канонизации заказали икону, которая теперь находится в кабинете у Ричарда.

Почему святой мученик Илья решил таким образом завязать с нами знакомство, мы не знаем и никогда не узнаем. Но инициатива явно была его. С тех пор мы верим в его покровительство, чувствуем его незримое присутствие в нашей жизни и обращаемся к нему с молитвами.

«Святой мученик Илья, моли Бога о нас».

Краткая биографическая справка

Илья Исидорович Фондаминский (1880–1942) прошел удивительный путь «от террориста до святого». Он родился в Москве в состоятельной еврейской семье. Учился в университетах Гейдельберга и Берлина (1900–1902). Вступил в партию социал-революционеров (эсеров). Участвовал в террористических организациях. Принимал участие в организации восстания на флоте в 1905 г. Дважды эмигрировал во Францию, в 1906–1907 и после революции, в 1919 г. Историк, публицист, редактор. Редактировал парижский журнал «Современные записки», в котором печатались Лев Шестов, Семен Франк, Дмитрий Мережковский, Иван Бунин, Владимир Набоков, Марк Алданов... Один из организаторов

Икона мученика Ильи.
Париж, 2008 год

«Лиги православной культуры» (1930). Вместе с супругой Амалией Осиповной Фондаминской (урожд. Высоцкой), дочерью чаеторговцев Высоцких, оказывал благотворительную и просто человеческую помощь многим русским эмигрантам во Франции. Участник Русского Студенческого Христианского Движения (РСХД). Близкий друг св. матери Марии (Скобцовой) и св. Дмитрия Клепинина и активный участник их «Православного дела». Перед приходом в Париж немецев отказался покинуть Францию, желая разделить участь своих со-племенников. Был арестован и принял крещение в Компьенском лагере в сентябре 1941 года. После этого не согласился на подготовленный м. Марией побег из лагеря, желая сознательно принять мученическую смерть за веру, по-христиански разделив участь других узников-евреев, своих родных по плоти братьев. Илья Фондаминский был депортирован в Освенцим, где и погиб 19 ноября, 1942 года. 16 января 2004 г. Священный Синод Константинопольского патриархата причислил Илью Фондаминского к лику святых мучеников³.

* * *

Икону мч. Ильи написал в 2008 г. молодой иконописец из Одессы Орест Грицац. Он изобразил св. Илью на золотом фоне с крестом в руках – символом мученичества, в белом хитоне и алом гиматии мученика, парящим над городом Парижем, обозначенным легко узнаваемыми парижскими храмами и знакомым изгибом реки Сены. Над головой святого два ангела держат ленточку с надписью по-английски (ибо икона

³ Подробнее об Илье Фондаминском см. «Христианос-XIII», 2004. С. 88–95.

предназначалась для Ричарда): Holy martyr Ilya, pray to God for us (Святой мученик Илья, моли Бога о нас). В руке св. Илья держит свиток с английской надписью: Greater love hath no man than this, that a man lay down his life for his friends, что в переводе с английского означает: Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих (Ин 15:13). Английский перевод взят из Библии короля Иакова. Ликом святой сходен со своими фотографическими портретами: парижские усыки, пристальный, но кроткий взгляд...

На полях иконы изображены: по правую руку от св. Ильи – св. Женевьевы Парижская, по левую – св. мать Мария (Скобцова).

**К 80-летию мученической кончины
архиепископа Рижского и Латвийского
Иоанна (Поммера)**

Сергей Мазур

Сергей Мазур родился в 1966 г. в Саранске; получил высшее педагогическое образование – преподаватель истории в частной школе «Innova». С 2004 года издает в Риге альманах «Русский мир и Латвия» (вышло 37 номеров). В 2011 году подготовил 27-ой номер альманаха, посвященный латвийскому фольклористу Б. Ф. Инфантьеву. С 2012 года занимается исследованием политического наследия архиепископа Иоанна (Поммера). Живет в Риге.

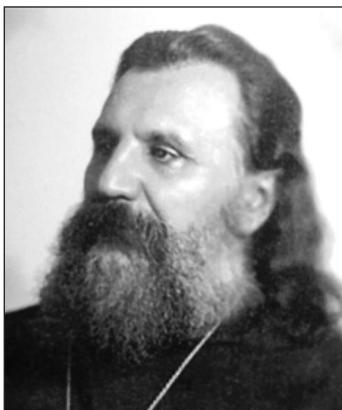
**ОТНОШЕНИЕ К ТРУДУ И БОГАТСТВУ
АРХИЕПИСКОПА ИОАННА (ПОММЕРА)**
*(Попытка исторического осмысления служения
архиепископа Иоанна в свете судьбоносной
для него темы)¹*

12 октября 2014 года Латвийская православная церковь отмечает дату, связанную с трагическими событиями, произошедшими в ночь с 11 на 12 октября 1934 года в Риге. 80 лет тому назад на архиерейской даче в Озолкалнах, глубокой ночью, после истязаний, был убит архиепископ Иоанн (Поммер) (1876–1934), канонизированный в 2001 году Латвийской православной цер-

¹ Документы, цитаты, выступления и тексты из архива владыки Иоанна (Поммера) даются на русском языке в переводе автора.

ковью. Архиепископ Иоанн почитается святым. Его христианский подвиг пополнил длинный список священников и епископов, отдавших свою жизнь за православную церковь, за народ божий ради Христа.

Канонизированный глава церкви, православный святой, многими узами связан с Латвией. Так в газете «Сегодня»² М. И. Ганфман³ уже на следующий день после убийства счел возможным в передовице «Латвийская православная церковь осиротела» написать: «Латыши по происхождению, узами крови с детства связанный со своим народом, архиепископ Иоанн вместе с тем во-брал в свою душу глубокие родники русских духовных ценностей». (Газета «Сегодня» 13 октября 1934 г., № 283 с. 1). Для главного редактора ведущей латвийской русской газеты приверженность к русской культуре главы Латвийской православной церкви, к тому же латыша по национальности, была важным информационным поводом для обращения к широкому кругу читателей.

*Священномученик Иоанн
Архиепископ Рижский и
Латвийский (1876–1934)*

² Крупнейшая русская газета в межвоенной Латвии. Основали газету Я. И. Брамс (1898, Либава – 1981, Вашингтон) и Б. И. Поляк (1889, Белосток – 50-е годы, США), опираясь на небольшую группу единомышленников (Гутман, Хавкин, Эльяшов и др.). Была закрыта советской властью.

³ Максим Ипполитович Ганфман (1882–1934) – редактор газеты «Сегодня». Подробнее см. в кн. Т. Фейгмане «Русские в довоенной Латвии», Рига, 2000.

Конечно, речь идет о политической позиции главного редактора газеты «Сегодня». Архиепископ Иоанн, выросший в исконно латышской крестьянской семье в Лифляндии, не был из числа обрусевших латышей. Но при этом его публичное исповедание русской культуры могло бы составить отдельную тему в его биографии. В связи с этим назовем некоторые его статьи, выступления, проповеди.

– В 6-м номере православного журнала «Вера и жизнь»⁴ 1926 года – статья «Мать русской культуры».

– Речь архиепископа Иоанна на открытии памятника русским воинам на Покровском кладбище, озаглавленная в журнале «Вера и жизнь» – «О живых русских силах» (№ 10, 1928 г.).

– Речь архиепископа Иоанна в Кафедральном соборе на открытии Дней Русской культуры, (газета «Сегодня» 10 сентября 1928 года, № 248, с. 6.).

– «Слово в день 175-летней годовщины Московского университета» 12 января 1930 года и пр.

Отношение между «русским» и «латышским» в Латвии – это политический вопрос, разрешавшийся на нескольких уровнях⁵. Историк, изучающий биографию

⁴ Ежемесячный православный журнал. Выходил с 1923 по 1940 год. Печатное издание Латвийской православной церкви.

⁵ Пожалуй, трудно найти нечто безусловное в той части биографии архиепископа Иоанна, которая касается политических вопросов. Все настолько вплетено в ткань разногласий, споров, полемики, что по большинству узловых позиций найдется обязательно оппонент. Так 5 февраля 1929 года в 3-м Сейме на 2 сессии на 5-м заседании в его самом начале выступил политик и публицист, один из руководящих деятелей ЛСДРП, редактор газет *Ziņotājs*, *Darba Jaunatne*, *Latvijas Sociāldemokrātiskās Strādnieku Partijas CK Ziņotājs*, *Strādnieku Sports*, *Latvijas Strādnieku Sports* и *Strādnieku Sports un Sargs* Бруно Калныньш (1899–1990), подвергший

архиепископа Иоанна и пытающийся определить этические императивы главы ЛПЦ вынужден возвращаться к нему самому. Слишком значимым и даже судьбоносным он оказался в 20-е и 30-е гг. для Латвийской православной церкви и ее паствы.

Один из уровней – это противостояние двух тенденций в политике того времени – национальной⁶, сторонником которого был архиепископ Иоанн, и интерна-

обструкции архиепископа Иоанна. Часть речи Бруно Калнынша была посвящена русской теме. Вот небольшой фрагмент из нее в нашем переводе с латышского языка: «Кроме того, господин Поммер, ваша ситуация здесь, в высоком доме (т. е. в Сейме – *C. M.*) очень потешная. Вы здесь как представитель русских монархистов, но во многих случаях вы пробуете выступать как латыш. Разрешите мне у вас, уважаемый господин оппортунист, спросить, когда вы есть истинный: когда вы представляете русский народ, или когда вы желаете быть представителем латышей? Латышский интернационализм рабочего класса вы ведь не признаете? Против него вы воюете всеми своими черными средствами; когда вы переходите от латышей к русским и обратно, вы доказываете свой оппортунизм. Когда вам нужны деньги для церкви и других нужд, вам выгодно идти вместе с латышами, но в своей политической деятельности вы не хотите попробовать отказаться от своей истинной русскости, я хотел бы сказать, царистской ориентации». Следует заметить, – под оппортунизмом докладчик понимает противостояние правительству. Несмотря на повышенную эмоциональность, нам все-таки не удалось найти в речи Бруно Калнынша ни одного убедительного аргумента. Его же обвинения архиепископа Иоанна в монархизме и оппортунизме не имеют под собой никакой почвы. См. стенограмму Сейма «*Latvijas Republikas 3 Saeimas 2 sesijas 5. Sēde 1929 g. 5.februārī*».

⁶ Национальное у архиепископа Иоанна не тоже самое, что националистическое, опирающееся на угнетение одних наций другими. Национальное – это основа общения в государстве, основа вхождения человека в мир через национальную культуру своего народа.

циональной, находившей точки опоры в левом движении. Другой уровень церковный: для Латвии означавший как проблему единства-разобщенности церкви⁷, так и общественной интеграции через веру.

В статье «Мать русской культуры» архиепископ Иоанн объясняет связь русской культуры и церкви: «Родственною связью русской культуры с русскою церковью объясняется то, что в текущее лихолетье, когда нынешние хозяева русской земли стремятся стереть с лица этой земли все национально-русское, в церковной области эти их усилия тщетны. Многое дорогое для русского ума и сердца обращено в руины. Но когда в нарочитые дни «от хладных финских скал до пламенной Колхиды» дружно раздаются райские звуки русского малинового звона, когда из глубины исстрадавшихся русских сердец вместе с надгробными рыданиями о славном прошлом плавно льется церковная песнь о вечном памятовании великих героев былого, когда напе-

⁷ Еще один факт к проблеме единства и разобщенности ЛПЦ. С 28 по 30 декабря 1921 года состоялось Пленарное заседание Синода ЛПЦ с участием архиепископа Иоанна. Во время доклада благочинного единоверческих церквей о. Гавриила Челпанова в зал собрания входит член Синода П. Маршан и выступает против доклада на русском языке, видя в этом умаление прав государственного языка, и просит свой протест занести в протокол. Архиепископ Иоанн, как председательствующий, объяснил Маршану, что в докладе на русском языке благочинного о. Челпанова нет ограничения прав государственного языка, так как по данному вопросу съезд уже пришел к определенному решению, и кроме того о. Челпанов владеет только русским языком. Ведь то же самое наблюдается в судебных учреждениях и в Учредительном собрании Латвии: практика по данному вопросу однородна с ранее принятым съездом решением. ЛГИА Ф. 7469, опись 1, дело 39, лист 164.

рекор жестоким «гонителям и мучителям», истребляющим все национально-русское, повсюду продолжает раздаваться бодрое, уверенное специфически русское церковное «многая лета», тогда чувствуется, что истерзанный русский национальный организм еще не утратил своего внутреннего единства, что жива еще в нем воля к созиданию великого национального будущего. Церковь, родившая русскую культуру, хранит ее и ныне, как свое дорогое детище. На лоне церкви даже в пределах интернационального СССР русский еще живо чувствует Русь, а себя русским. Как в пору лихой татарщины, как и ныне Русская Церковь является опять единою верною хранительницею русского национального сознания и русской культуры. Как тогда, так и ныне залог возрождения Руси в матери русской культуры – церкви» («Вера и жизнь» 1926, № 6, с. 4-5).

Подвиг – это экстраординарный поступок, возвращающий обществу утерянную ценность. Священному чнический подвиг – самопожертвование, подвиг, мотивированный для архиепископа Иоанна русской культурой и русской духовностью. Но при этом «доля» латышского в личности архиепископа Иоанна ничуть не уступает его русским чертам.

Возьмем, к примеру, архивное дело 206, из описи 1, фонда 7469, в котором, в основном, собраны письма, телеграммы с соболезнованиями, направленные Синоду Латвийской православной церкви в связи с трагической смертью архиепископа Иоанна. В деле 117 документов, около 40 писем – соболезнования на латышском языке. Полистаем также дела с 59 по 64, из описи 1, фонда 7131, представляющие собою несколько больших амбарных тетрадей. Это фактически ежедневник главы Латвийской православной церкви. В нем торопливым,

неразборчивым почерком вперемежку на латышском и русском языках записаны его самые важные и неотложные дела. При этом записи на латышском языке явно преобладают. Если взглянуть в телефонный справочник архиепископа Иоанна (дело 65) то латышских адресатов значительно больше, чем русских. В том же фонде в деле 31 хранится черная общая тетрадь, в которой аккуратно карандашом – на возвышенном латышском языке – записаны несколько текстов. С 1 по 24 лист – текст озаглавленный «На истинном пути» – рукопись от 16 августа \| 29 августа 1922 года. Что это – материал для статьи или личный дневник с сокровенными словами? Мы не знаем точно. Благодаря о. Янису Калниньшу⁸, издавшему на латышском языке в Риге в 1993 году двухтомный сборник документов «Рижский и всей Латвии Архиепископ Иоанн (Поммер): проповеди, статьи, выступления» (Rīgas un vīsas Latvijas Arhibīskaps Jānis (Pommers) 1. Svētrunas, raksti un uzstāšanas. Rīga, 1993, lpp. 130–133), этот текст стал доступен широкому кругу читателей. В нем молитва и исповедание архиепископа Иоанна дополняются комментарием к 22-му псалму царя Давида. В этом тексте прочитывается, несомненно, латышский взгляд на историю в его проникновенных словах о «моем дорогом народе», страдавшем семь столетий, и как небесный дар, получившем свободу и независимость в семье народов мира.

«Если я пойду и долиною смертной тени, не убоюсь зла, потому что Ты со мною; Твой жезл и Твой посох – они успокаивают меня» (Пс 22:4).

⁸ Отец Янис Калниньш – автор книги об архиепископе Иоанне (Поммере). Бывший клирик рижского Свято-Троице-Сергиева женского монастыря, протоиерей. Лишен сана Духовным судом Латвийской православной церкви.

Пройти долиной смерти означало для архиепископа Иоанна принять венец мученичества.

Мученичество, раскрывающееся в христианском подвиге, жертвенности вполне естественно для большевистской России после революции 1917 года, систематически уничтожавшей христианство. Для Латвии с ее демократией (до переворота 15 мая 1934 года), затем с авторитарным режимом Карлиса Ульманиса, вроде бы вполне лояльным к традиционным церквам, подобного рода положение вещей кажется из ряда вон выходящим явлением.

Мученичество рождается в определенной исторической ситуации. Его характерные черты – гонение на церковь со стороны государства вкупе с преследованием христианства теми или иными слоями общества. Первая Латвийская республика и современниками и нынешними историками признается демократическим государством. Однако историки церкви (например, профессор Латвийского университета А. В. Гаврилин⁹) своими публикациями доказали факты гонения.

Как объяснить сложившееся противоречие?

В европейском контексте ситуация в Латвии с православной церковью вряд ли уникальна. Для Европы первой половины XX века, быть может, за исключением Великобритании, характерно подавление государством институтов гражданского общества. Давлению на православие со стороны государства способствовала институциональная неопределенность церкви. До принятия закона 8 октября 1926 года в этом целиком и полностью было виновато латвийское государство, а после

⁹ Гаврилин Александр Валентинович доктор истории (Dr. Hist.), ассоциированный профессор историко-философского факультета Латвийского университета.

убийства архиепископа Иоанна неопределенность дополнительно инициировалась известными внутрицерковными причинами. И если латвийское государство, к моменту принятия конституции – Сатверсме в 1922 году, уже сложилось как устойчивое политическое образование, то Латвийская православная церковь и в 1934 году продолжала находиться на перепутье. Особенно остро такое положение ощущалось на Поместном Соборе, состоявшемся 25–27 февраля 1920 года в Риге в зале заседаний Народного Совета – во время рассмотрения вопроса о самостоятельности и независимости Латвийской православной церкви. Даже сухие страницы протокола заседаний Собора отразили тяжелую атмосферу в здании Народного Совета и накал страстей, переходивший порой «на личности»¹⁰. Кроме

¹⁰ Фрагмент заседания Собора 25 февраля 1920 года: «В виду того, что на очереди стоит 3-й пункт повестки о самостоятельности и независимости ЛПЦ, то участниками Собора вносится вопрос, не следует ли слушание соответствующих рефератов отложить из-за позднего времени до завтрашнего дня. По этому поводу высказываются различные мнения «за» и «против». В результате баллотировки значительное большинство высказывает за слушание реферата в настоящем заседании, дабы, таким образом, участники Собора, обдумав содержание доклада, завтра имели возможность вынести свое зрелое постановление. Реферирует Давис. Основные мысли его доклада сводятся к следующему. В комиссии докладчиков по данному вопросу было два различных противоположных мнения. Одно мнение – мнение меньшинства сводилось к тому, что ЛПЦ – вполне самостоятельна и никаких, даже идейных (духовных) связей с Московским патриархатом поддерживать не желает. Другое же мнение – мнение большинства состояло в том, что ЛПЦ вполне самостоятельна и независима, но она поддерживает духовную, в смысле иерархическом, связь с Московским патриархатом. Он, референт, стоит на точке зрения меньшинства.

запутанного вопроса о самостоятельности Латвийской православной церкви, не менее сложными оказались и другие обсуждаемые также и после Собора 1920 года узловые моменты церковной жизни. Это вопросы о взаимоотношении церкви и государства, о единстве ЛПЦ, о подчиненности Московской патриархии. Но если архиепископ Иоанн сумел гармонизировать жизнь церкви, смог развязать узелки противоречий, то после его смерти открылась возможность переиначить сложившуюся систему отношений. Чем собственно и воспользовалось латвийское государство в пользу группы национальной церковной бюрократии.

Первое после убийства архиепископа Иоанна пленарное заседание Синода ЛПЦ состоялось 26 ноября 1934 года. И если на заседании Синода 26 октября 1934 года небольшую панику вызвал даже слух о том, что

Реферат вызывает горячие прения, которые подчас принимают столь острый характер, что переходят в личные нападки. Первым оппонентом выступает г. Чакурс. Он опровергает утверждение Дависа, что комиссия докладчиков приняла какие-то постановления, ставящие ЛПЦ в зависимость от Московского патриархата. Церковь наша, говорит оппонент, вполне самостоятельна и независима; мы свободно будем поставлять своих священников, свободно выбирем себе епископа и без прошения на то разрешения извне – от лиц, находящихся вне пределов Латвии, будем управлять и заведовать своим церковным имуществом. Но сами мы не можем совершить хиротонию епископа; не можем мы также изготавливать миро и антиминсы и в этих вопросах, дабы не обращаться к другим, более отдаленным самостоятельным поместным Православным Церквам, нам надлежит сохранять духовную связь с Московским патриархатом. Само собою, разумеется, что через это мы не хотим стать в какую-либо зависимость от Москвы». В конце дискуссии Давис – в знак непримиримости – сложил с себя все полномочия и покинул Собор. ЛГИА, Ф. 7469, опись 1, дело 39, лист 113.

во время похорон первая речь в Кафедральном соборе была произнесена не на латышском, а на русском языке¹¹, то месяц спустя ситуация вновь как бы вернула Латвийскую православную церковь на перепутье – к спорам Собора 1920 года. Хоть ситуация и касалась проблемы выбора епископа¹², так как архиепископ Иоанн

¹¹ В протоколе Синода под номером 754, пунктом 22 записано: информация о том, что во время похорон архиепископа Иоанна в Кафедральном соборе была допущена нетактичность, потому что первая речь произносилась не на государственном языке, а на русском языке, не подтвердилась. На русском языке была произнесена только проповедь во время литургии, когда еще не было предусмотрено появление представителей власти в Кафедральном соборе. ЛГИА Ф. 7469, опись 1, дело 74.

¹² Из протокола заседания Синода ЛПЦ под номером 754 от 26 ноября 1934 года записано: После пения «Вечная память» заседание вел А. Македонский. 1. Протоиерей Я. Янсон сделал реферат по канонической точке зрения о выборах епископа, указав со своей стороны, что у ЛПЦ есть три пути, по которым можно получить канонически выбранного епископа: первый путь – обратиться к Русской церкви, второй – к Константинопольскому патриарху и третий – к Сербской церкви. По мысли Я. Янсона, более выгодный путь – обратиться к Москве, такой путь якобы рекомендовал покойный архиепископ Иоанн в разговоре с какой-то персоной, имя которой он сейчас не хочет упоминать. Но сейчас это необходимо сделать, и покойный архиепископ Иоанн, по словам Я. Янсона, якобы уже вел переговоры с Российскими представителями в Латвии и получил от них на это согласие. После Я. Янсона выступил адвокат В. Карклин, сформулировавший отношения между ЛПЦ и Латвийским государством с точки зрения латвийских законов, которые определяют основу существования ЛПЦ. После упомянутых рефераторов начались дебаты о том, куда должна обратиться ЛПЦ, чтобы иметь своего епископа. Протоиерей П. Балод сообщил, что претерпевший мученическую смерть архиепископ Иоанн Поммер не рекомендовал поддерживать

не успел оставить преемника, все-таки, в более глобальном смысле, она затронула коренные вопросы бытия Латвийской православной церкви.

В отличие от гонений в стране Советов, принявших форму физического уничтожения Церкви, как института общества, и ее носителей, в Латвии гонения развернулись в политико-правовой плоскости. Чтобы убедиться в этом, достаточно ознакомиться с протоколами заседания Синода ЛПЦ за 1934 и 1935 годы (ЛГИА Ф. 7469, опись 1, дело 74), а также с агентурными записками политической полиции за те же годы (ЛГИА Ф. 3235 опись 1/22 дело 688). На пути подавления церкви в политико-правовой сфере стала фигура архиепископа Иоанна, а квинтэссенция слома отношений государства и церкви отражены как в капле воды в деле о. К. Зайца¹³. Но в нашу задачу не входит рассматривать

связи с Российской церковью в упомянутом вопросе, из-за того, что Церковь в СССР находится в тяжелых условиях. Отец П. Балод думает: лучше обратиться к Константино-польскому патриарху, чтобы он посвятил в епископы латвийского кандидата. Такой поступок только поднимет престиж Церкви. После длительной дискуссии, в которой приняли участиеprotoиереи: Н. Шалфеев, Н. Смирнов, Г. Дрибинцев, Я. Платер, Н. Шалин, П. Смирнов, Синод решил: по вопросу о получении государственной поддержки в этом деле обратиться к Константинопольскому патриарху с просьбой поставить епископа... ЛГИА Ф. 7469, опись 1, дело 74.

¹³ Зайц Кирилл Иванович (1869 – 1948), протопресвитер, начальник Псковской миссии в 1941–1944 гг. В 1918 г. уезжает из РСФСР в Польшу (к тому времени территория Витебской губернии стала пограничной и была разделена между СССР, Польшей и Латвией). С 1918 по 1922 гг. о. Кирилл – настоятель Кафедрального собора в Гродно, отошедшем тогда к Польше. В 1922 г. о. Кириллу, «как ранее не проживавшему в Польше», было предложено покинуть страну, и он переехал на родину, в Латвию. С 1923 г. – член Синода

сложное и запутанное дело протоиерея о. К. Зайца и теснейшими узами связанное с ним уголовное дело его товарища и подельника протодьякона Константина Дорина¹⁴. Поэтому вновь вернемся к переломному для Латвийской православной церкви 1926 году.

В период до 8 октября 1926 года – времени принятия закона о положении православной церкви в ЛР (издан в порядке 81 ст. Конституции ЛР) Православная церковь оставалась бесправной. В историческом обзоре в журнале «Вера и жизнь» № 7 за 1931 г. отмечается – гонения могли привести к полной ликвидации православной церкви в Латвии¹⁵:

Латвийской Православной Церкви и начальник миссионерского отдела при Синоде, с 1922 г. служит в Кафедральном соборе. С 1926 г. – преподаватель курса сектологии в Рижской духовной семинарии. В 1929–1933 гг. – настоятель Кафедрального собора в Риге. В 1922–1934 гг. был редактором журналов «Вера и жизнь» и «Тициба ун Дзиве» до их закрытия латвийскими властями. Активный деятель Русского Студенческого Христианского Единения в Риге. В 1933 году обнаружена большая недостача в храмовой кассе и в том же 1933 г. о. К. Зайц отстранен архиепископом Иоанном от службы в соборе. Позже осужден на 8 месяцев тюрьмы условно, но после смерти архиепископа Иоанна по апелляции был оправдан судебной палатой.

¹⁴ Константин Андреевич Дорин (1878–1941?) – протодиакон ЛПЦ. Секретарь рижского Петропавловского братства. Служил в Риге в Кафедральном соборе. Вместе с о. К. Зайцем, Дорин – один из фигурантов дела расхищения церковного имущества. Арестован советской властью 9 июня 1941 года по статье № 121.

¹⁵ Справедливости ради необходимо отметить, что ЛПЦ не стремилась быть оппозиционной государству. В этом отношении интерес представляет доклад депутата 1-го Сейма, присяжного поверенного Бочагова Александра Семеновича

«С православными в 1920 году обращались, как обыкновенно обращаются победители с побежденными. Православная церковь переживала пору лютых и нещадных гонений и гонители уже предвкушали конец православия» (с. 101).

Такая ситуация предстает в то время в речах, проповедях, статьях архиепископа Иоанна. Стоит вспомнить статью в газете «Слово», перепечатанную журналом «Вера и жизнь» – «Анонимные душители» (№ 9, 1926 г., с. 1–5), также в том же номере «Вера и жизнь» статья «Новая область громления» (с. 8–11), «Заговорили», (с. 5–8) и т.д.

Период с 8 октября 1926 года до осени 1934 года стал наиболее благоприятным для Латвийской православной церкви. Газета «Сегодня» в пятницу 29 октября 1926 года в статье «Вселатвийский православный собор» (с. 2) дает обзор доклада архиепископа Иоанна на Поместном соборе: «...Оратор оглашает содержание закона и разбирает каждый пункт по существу. Чрезвычайно важно, что церковь признается юридическим лицом. До сих пор во многих ходатайствах нам отказывали под тем предлогом, что мы не являемся юридическим лицом.

(1885–1952), прочитанный 31 октября 1922 года на Поместном православном соборе. В нем отнятие у ЛПЦ Алексеевского монастыря и архиерейского дома депутат объясняет конкордатом Латвийского государства с Римско-католической церковью. Для нормализации отношений православной церкви с государством, по его мнению, необходимо осознание того, что и государство и церковь преследуют одни и те же цели: «...По мере того, как для всех ясным станет, что Латвийская Православная Церковь, как самостоятельная Православная Церковь, как и все прочие Православные Церкви, преследует однородные с государством цели, взаимоотношения между Православною Церковью и правительством станут нормальными».

До сих пор наши каноны и строй являлись для Латвии не легализированными. Очень существенно, что наше самоуправление и самоопределение узаконены. Этим устанавливается демократический строй церкви. Все-латвийский Собор признан верховной властью латвийской церкви, его постановления признаны обязательными. Для суверенного государства этот параграф важен, как признание нашей духовной власти суверенною, независимою. Следовательно, все права, присвоенные представителям церкви и не противоречащие законам Латвии, ограждаются неприкосновенностью. А до сих пор православные учреждения, архиепископ и Синод считались частными лицами, а не правопреемниками прежней духовной власти, полными наследниками российской церкви. От военной службы освобождены духовные лица и клирики, чем исключается возможность повторения таких случаев, как призыв членов клира и одного дьякона на военную службу. Наши конфессиональные школы теперь разрешены и автономны... Оценивая закон во всей полноте, архиепископ определил его, как акт искреннего доброжелательства, выраженного в юридической форме. Архиепископ признает справедливым принести благодарность главе того правительства, которое имело мужество быть столь лояльным, чтобы оградить наши права, против которых возражают влиятельные политические партии. Синод единогласно присоединяется к пожеланиям владыки выразить благодарность министру-президенту Альберингу¹⁶ и постановляет, кроме того, послать ему

¹⁶ Артур Алберингс (латыш. Arturs Alberings); род. 26 декабря 1876 года, Руйиена, ум. 26 апреля 1934 года, Рига – латвийский государственный и политический деятель, премьер-министр Латвии (1926 г.). Один из основателей

приветствие во Христе. В заключительных словах архиепископ указывает, что изданием закона еще не исправлены те несправедливости, которые администрацией были причинены церкви. Постановлено призвать эти учреждения исправить свои ошибки, а в случае неисполнения этого требования просить архиепископа ввести соответствующий запрос в Сейм».

Государственный переворот 15 мая 1934 года ликвидировал основные принципы закона о положении православной церкви, принятого 8 октября 1926 года. И хотя церковь не перестала быть юридическим лицом, но ее самоуправление и самоопределение оказались ущемленными.

Мученичество, как мы уже отмечали выше, с одной стороны, может быть следствием гонений государства, с другой стороны, – вследствие преследования христианства со стороны определенных слоев общества.

В статье для газеты «Слово»¹⁷ и в журнале «Вера и жизнь» (1926 г. № 9, с. 1–5) в статье «Анонимные душители» архиепископ Иоанн предполагает в Латвии «существование широкого, всеобъемлющего противопра-

Латышского крестьянского союза. Депутат 1, 2 и 3-го Сейма Латвии. Участвовал в собрании Сатверсме. Был министром финансов, обороны и сельского хозяйства. Директор Астраханской сельской и рыбно-хозяйственной школы.

¹⁷ На сайте «Русские Латвии» можно прочитать: «В конце 1924 года вышел первый номер газеты «Слово», издателем которой стало страховое общество «Саламандра» во главе с Николаем Белоцветовым. Однако газета не смогла выдержать конкуренцию с «Сегодня», так как ориентировалась исключительно на правонастроенного русского читателя. В 1929 году газета прекратила свое существование. Такая же судьба постигла и другие издания «Саламандры»».

вославного фронта, имеющего целью удушение православия». Одним из контрагентов антихристианского фронта, сформированного атеистическим левым движением, становятся социал-демократы:

«Если срытие с лица земли ряда православных храмов, приспособление ряда храмов для мирских надобностей, произвольная передача ряда православных храмов инославным, удушение целых приходов, удушение православных монастырей, отнятие резиденции православных архиереев накануне въезда архиерея в Латвию и т. п. акты рыцарям этого фронта казались и кажутся и законными и демократическими, и политически разумными, то акт удушения православных духовно-учебных заведений им, конечно, должен казаться актом высшей политической дальновидности и мудрости.

С этим актом на этом пресловутом фронте могут связываться самые радужные их надежды. В самом деле. С удушением православных духовно-учебных заведений Православной церкви неоткуда черпать кандидатов священства. Уже в настоящее время 30 процентов православных приходов вдовствуют. С каждым годом число вдовствующих приходов увеличивается. Фантазии ярого душителя православия может уже преподноситься такое вожделенное время, когда православные приходы останутся совершенно без пастырей. Без просвещенного пастырского руководства приходы придут в полное расстройство, и тогда рыцари противоправославного фронта объявит их несуществующими и властною рукою станут распределять достояние православной церкви. Что понравится, возьмут себе, что благорассудится, передадут протежирируемым конфессиям и присным своим. А прихожане? По поражении пастырей рассеются овцы.

Эти мечты рыцарей противоправославного фронта не новы, не оригинальны и не так мудры, как кажутся им самим. Этот метод был известен Нерону и Диоклетиану, и Калигуле и Юлиану отступнику, и туркам, и Ленину с его присными. Все они мечтали создать в церкви оскудение пастырства в надежде, что с оскудением пастырства рассеются пасомые, оскудеет церковь. Или то, что не удалось носителям неимоверной власти и силы, удастся нашим рыцарям противоправославного фронта? Или то, что не удалось великим мира сего даже на заре христианства, удастся нашим врагам православия ныне, когда православная церковь успела покорить сотни миллионов душ и прочно утвердиться во всех концах вселенной?» (с. 3).

Наличие в Латвии в 20-е и 30-е гг. XX века антиправославного фронта, включающего в себя разные общественные силы и координируемого социал-демократами, определили наличие той неоднозначной ситуации¹⁸, отпечаток которой виден в спорах в исторической

¹⁸ Так в кн.: «Никем не сломленный. Жизнь и мученическая кончина архиепископа Рижского Иоанна (Поммера). – М.: Издательство им. святителя Игнатия Ставропольского. 1999» Людмила Келер врагов архиепископа Иоанна называет наемниками Кремля. При этом свой тезис документально не подтверждает. Однако неприятелей религии хватало в Латвии и без влияния Кремля. Так 3 мая 1929 года газета «Сегодня» № 121 поместила заметку о левом депутате Опинцане: «Правительство требует выдачи Опинцана суду». Поведение депутата симптоматично. «Кабинет министров обратился к Сейму с предложением выдать депутата Опинцана суду по статье 75 Уголовного Ул., предусматривающего привлечение к ответственности за нарушение хода богослужения в церквях. 15 сентября прошлого года в Ясмуйже был большой католический праздник, на который съехалось большое количество крестьян. Депутат Опинцан

литературе о личности архиепископа Иоанна (Поммера).

Насколько, казалось бы, неуместным в XXI веке ссыльаться на атеистическую советскую литературу, но, все-таки, именно в книге З. В. Балевица «Православное духовенство в Латвии 1920–1940. Сборник документов», Рига, 1962 г., впервые в послевоенной истории составлен моральный портрет архиепископа Иоанна. Ю. Л. Сидяков в статье «Иоанн (Поммер) глазами биографов, историков и публицистов» («Даугава», 2002, № 3) дал исчерпывающую характеристику данного труда: «В 1962 году в пору хрущевских антирелигиозных кампаний вышел составленный З. Балевицем сборник документов «Православное духовенство в Латвии. 1920–1940», позже появились и другие книги того же автора, в которых среди прочего говорилось об архиепископе Иоанне. Материал в этих изданиях был подобран достаточно тенденциозный, в частности, использовались очерняющие Владыку показания, заимствованные из следственного дела, которое велось в связи с его гибелью. Однако при этом вопрос о достоверности источников составителя сборника и автора книг явно не интересовал...» З. В. Балевиц изобразил архиепископа Иоанна как контрреволюционера и ненавистника СССР. Конечно, архиепископ Иоанн не был сторонником СССР, а сурово обличал репрессии советского государства, направленные против православной церкви,

недалеко от храма устроил летучий митинг и произнес речь, в которой всячески поносил религию и духовенство, и закончил ее призывом перестать слушать «черных воронов». Речь депутата Огинцана была столь громкой, что была слышна в церкви и помешала ходу богослужения. Статья 75 предусматривает наказание 3 месяца ареста».

духовенства, верующих людей. Весь комплекс отношений советского государства, отрицающих религию, ценности Святой Руси, традиционной семьи, уважение к человеку труда стал предметом его критики. Объективный в своих оценках, архиепископ Иоанн занял бескомпромиссную позицию по отношению к преступной практике советского государства. И, все-таки, мы не обратили бы внимания на труд З. В. Балевица, если бы его оценки архиепископа Иоанна не были бы столь типичны для среды врагов православной церкви в 20-е и 30-е гг. XX века, так же повторяющиеся и сейчас, среди современных историков.

В предисловии в сборнике документов З. В. Балевиц пишет: «Православные церковники Латвии свято хранили контрреволюционные традиции своей церкви. Многие священники – Владимир Бороздинский, Яков Зятев, Николай Красногородский, Николай Лауцис, Владимир Лиетавиет, Роман Пассит, Григорий Пономарев, Николай Рождественский и др. лично участвовали в белогвардейских походах против Советской власти. Долголетний руководитель православной духовной семинарии протоиерей Иоанн Янсон был придворным священником в Царском Селе, а сам архиепископ Иоанн задолго до революции приобрел популярность черносотенца и ярого монархиста. В Латвии, где проживало свыше 33 тысяч русских белоэмигрантов, развернули деятельность несколько десятков белогвардейских монархических организаций и все они пользовались благосклонностью православных церковников. Архиепископ Иоанн вел обширную переписку с белогвардейскими церковными кругами в Западной Европе, помогал направлять в Советскую Россию их директивы и получать оттуда информацию. Он умудрился даже секретно

посылать в Советскую Россию английские фунты стерлингов, получаемые от белогвардейской эмиграции. Радушно принимались делегации русской белогвардейской эмиграции из других стран. Архиепископ Иоанн благословлял деятельность заграничных монархических религиозных организаций в Латвии»¹⁹.

Пусть читателя не смущает резкая и правдивая отповедь архиепископа Иоанна безосновательным обвинениям, очень схожими с тем, что звучало и у З. В. Балевица и в некоторых латвийских изданиях 20-х и 30-х гг. XX века. Так 9 марта 1930 года в беседе в неделю Православия в Рижском Кафедральном соборе – после литургии и перед молебном о прекращении гонений на Святую Православную церковь – архиепископ Иоанн дал очень точную оценку подобных писаний: «Кто знаком с большевистскими изданиями, знает, что представляет собою так называемая безбожная литература. Это сплошное, грубейшее зубоскальство над верующими и верою, над всем святым и читым в былом и настоящем. Для целей зубоскальства бесстыднейшим искажениям подвергают и вероучение, и историю и текущую действительность. Это литературное хулиганство на потеху подонкам человечества»²⁰.

В чем суть обвинений З. В. Балевица? По его словам, архиепископ Иоанн – черносотенец и ярый монархист. Обвинение в монархизме в период Первой Латвийской республики со 2-го по 4-й Сейм было чуть ли ни

¹⁹ Балевиц З. В. «Православное духовенство в Латвии 1920–1940. Сборник документов». Рига, 1962 г. С. 6–7.

²⁰ Архиепископ Иоанн. «Беседа в неделю Православия в Рижском Кафедральном соборе после литургии перед молебном о прекращении гонений на Святую Православную церковь». // Вера и жизнь. 1930 г. № 3, март, с. 33–41.

дежурным оскорблением главы Латвийской православной церкви со стороны социал-демократов. Но то были политические враги православия, не стеснявшиеся в своей риторике использовать заведомую ложь. З. В. Балевиц вполне мог бы обратиться к архивным источникам и указать, что свидетельствует о монархизме архиепископа Иоанна – его речи, переписка, денежные переводы соответствующим организациям. Но ведь ничего подобного нет! Если не считать случайно попавшегося нам фрагмента рукописи архиепископа Иоанна, в которой сама идея восстановления монархии уподоблялась бреду. Политическая полиция Латвии неусыпно следила за эмигрантскими и монархическими организациями. Нам же неизвестны документы, в которых в связи с этим сюжетом хоть как-то задевалась личность архиепископа Иоанна.

Литературное хулиганство З. В. Балевица проявляется и в его следующем утверждении, уже приводившемся выше: «Он умудрился даже секретно посыпать в Советскую Россию английские фунты стерлингов, получаемые от белогвардейской эмиграции».

Где З. В. Балевиц черпал сведения о посылке фунтов стерлингов в Россию белоэмигрантами?

Архиепископ Иоанн со дня приезда в Латвию до последнего дня его жизни вел подробный ежедневник с записями о приемах людей и текущих делах. 22 (9) апреля 1923 года в тетради архиепископ записал: «Министерству иностранных дел для посылки в Теологический институт проректору в Петроград дар от англикан 40 марок... 3 Троицкая ул. Вт. Длпр. И.П. Щербову». (ЛГИА Ф. 7131, опись 1, дело 59, лист 18). Итак, небольшая посылка денег шла из Лондона как пожертвование от англикан (а не от белоэмигрантов) в Теологический

институт Петрограда. Пожертвования были отправлены еще несколько раз позже. См., например запись за 10 августа под номером 255: «Протоиерею Вл. Феокритову Лондон... с извещением о получении расписки Латвийским Министерством иностранных дел и письма от 4\07 1923 №143. Присланы вновь 28 английских фунтов стерлингов для препровождения в Петербург на нужды богословского института» и под номером 256: «Письмо в Министерство иностранных дел в хозяйственное отделение с просьбой переслать деньги 19, 18, 17, 20, 21, 22, 28 английских марок в Петроград 3, Троицкая ул., Второй двор проректору И.П. Щербову...» (лист 38) и т. д. Нам пока не удалось выяснить, как осуществлялись из Риги в Петроград денежные переводы в 1923 году, однако, незаконно и секретно деятельностью архиепископа Иоанн не занимался. Из той же дневниковой записи видно – из Латвии денежные переводы в Россию, скорее всего, шли через Министерство иностранных дел...

Одна из ведущих тем у З. В. Балевица – это отношение православного духовенства к богатству. Ее Балевиц пытается раскрыть на известном деле протодьякона К. Дорина, уличенного в присвоении сумм Петропавловского братства (см. протокол № 7 правления общества «Рижское православное Петропавловское братство» по делу о краже церковных денег протодьяконом Константином Дориным от 22 августа 1932 года. ЛГИА Ф. 7469, опись 1, дело 1140, лист 130, 161–162). На основании этого документа З. В. Балевиц делает следующий вывод: «Привлекая к ответственности вора К. Дорина, архиепископ давал ясно понять остальным священникам, что подобная мера может быть предпри-

нята к любому другому церковному вору. Такая перспектива, однако, не запугала оппозиционное духовенство, ибо в этом вопросе почти все священники были солидарны. Не зря среди них бытовала «11 заповедь»: «Грабь награбленное, указя на меня», – отражающая нравы священнослужителей при дележе «братьских доходов» церковного причта. Кажется странным, что архиепископ Иоанн, церковный князь со стажем, избрал этот путь борьбы с оппозицией. Ведь он отлично знал, что поклонение золотому тельцу среди духовенства не в меньшем почете, чем сама вера в Бога, и должен был предвидеть возможные последствия преследования церковных воров» (с. 12–13)²¹.

²¹ Людмила Келер в своей брошюре «Никем не сломленный. Жизнь и мученическая кончина архиепископа Рижского Иоанна (Поммера)» дает оценку сборнику документов З. В. Балевица. «Глава Латвийской православной церкви – архиепископ Иоанн (Поммер) еще задолго до революции приобрел громкую известность, как ярый монархист и махровый черносотенец». Владыке, – далее продолжает Л. Келер, цитируя книгу З. В. Балевица, – ставится в вину «исключительная благосклонность» к «белогвардейским организациям». В частности, о владыке говорится, что он «вел обширную переписку с церковными кругами русской эмиграции в Западной Европе», и что «православное духовенство нередко служило панихиды за упокой царя, молебны за здравие многочисленных претендентов на царскую корону и титул «самодержца всея Руси». Дальше владыка обвиняется в поощрении «Русского Студенческого Христианского Движения», руководимого белоэмигрантами. Однако, вслед за тем, автор упоминает о конфликте с тем же самым Движением. Выдвигается несколько причин: не то «амбиции» владыки самому руководить Движением, не то желание руководителей из Парижа перебраться поближе к русской границе, или то, что руководство Движения считало, что «латыш Поммер не годится на роль главы Латвийской церкви».

В этом небольшом фрагменте автор сознательно смешивает разные явления церковной жизни, делая ошибочные выводы из заведомо ложных посылок. Неправильно уже то, что дело К. Дорина было борьбой архиепископа Иоанна с церковной оппозицией. З. В. Балевиц говорит об оппозиции духовенства главе ЛПЦ как об очевидном факте. Но в действительности это не так.

Оппозиционность – это явление публичной жизни, которое имеет определенные временные рамки. Оно не безлично, а персонифицировано. Лидеры оппозиции, как правило, имеют свою, отличную от официальной, программу действий. А что же в случае с главой православной церкви? Архиепископ Иоанн прибыл в Ригу 24 июля 1921 года. С этого момента церковная жизнь демонстрировала подъем, а паства и духовенство – единение со своим архипастырем. На церковном соборе 1923 года, в отличие от собора 1920 года, царило полное единодушие, антагонизма ни между православными латышами и русскими, ни между владыкой и духовенством, не было и в помине. Та же ситуация повторилась на Поместных соборах 1926 и 1929 года. Не видно и тени оппозиционности на страницах православного журнала «Вера и жизнь», за исключением статьи в 12 номере за 1933 год бывшего редактора-издателя о. К. Зайца, высказавшего на странице 218 неудовольствие тем, что ему неизвестна причина его отстранения

Но Балевиц на этом не останавливается, а намекает и на более мрачную деятельность: церковно-белогвардейская эмиграция «принялась хлопотать о создании в Латвии второй епархии, которую возглавил бы настоящий русский» (с. 56–57). Л. Келер отмечает антиисторичность главного тезиса З. В. Балевица – ненависть к России сближала церковников и контрреволюционеров с буржуазными правителями Латвии.

от должности. Протоколы заседаний Синода также не отражают противостояния его членов архиастырю православной церкви.

Какие источники подтверждают появление оппозиции архиепископу Иоанну в среде духовенства?

Это, прежде всего, предложение главы православной церкви Синоду, сделанное за день до убийства, архиепископом Иоанном о необходимости созвать Поместный собор: «Беря во внимание, что в последнее время печальные обстоятельства жизни ЛПЦ, раскол которой я не могу принять единолично, опираясь на принадлежащую мне, как главе православной церкви, власть, которая не подчиняется имеющемуся составу Синода, предлагаю в ближайшее время собрать собор ЛПЦ». (ЛГИА Ф. 7131, оп.1, дело 5, лист 3). Судя по документу раскольники – это протодьякон о. К. Дорин и протоиерей о. К. Заяц, сумевшие сплотить вокруг себя небольшую группку недовольных владыкой людей и состряпавшие программу смещения его с должности.

Из предсмертных записей архиепископа Иоанна можно выделить еще один пункт противоречий с неизвестными нам оппонентами, ставившими целью разделение православной церкви в Латвии на ее русскую и латышскую ветви. С этим пунктом принципиально был не согласен архиепископ Иоанн, готовый в случае его реализации сложить с себя полномочия главы православной церкви в Латвии.

Возвращаясь к заявлению З. В. Балевица «о методах борьбы архиепископа Иоанна с оппозицией», еще раз отметим их вульгарность. Проведение ревизий в Петропавловском братстве, в Рижском Кафедральном соборе – это не борьба с оппозицией, а обычная хозяйственная деятельность, прямая обязанность главы

Латвийской православной церкви. Поэтому исторически более верно, на наш взгляд, рассматривать оппозицию архиепископу Иоанну со стороны духовенства как маргинальное явление.

Дело «церковного вора» К. Дорина все же привело к возникновению организованной оппозиции, в которой, кроме некоторых опальных священников, нашлось место политическим врагам православия в Латвии – социал-демократам. Ошибочно и то, что у «оппозиционных» священников бытовал принцип «Грабь награбленное». Этим принципом не руководствовался ни о. К. Дорин, ни другой оппозиционер – о. К. Заяц. То же Петропавловское братство, в котором почетным членом состоял сам владыка и в котором работал кассиром о. К. Дорин, поддерживало широкие благотворительные программы для обездоленных слоев православного населения Латвии и не занималось денежными махинациями. Мотивация поведения архиепископа Иоанна исходила из его безупречной личной честности, борьбы против темных дел в церкви, от кого бы они ни исходили. Отстаивание справедливости – вот один из главных мотивов поведения главы Латвийской православной церкви. Золотой же телец станет не только предметом для обличительных проповедей, но и размышлений об изменившемся характере отношений человека к богатству в XX веке со времен первохристианства.

В беседе 6 ноября 1927 года «Памяти жертв лихолетья» в Рижском Кафедральном соборе перед всенародною панихидою архиепископ Иоанн также прокомментировал формулу «Грабь награбленное» в ответ на то, что одновременно с молитвенным собранием в Кафедральном соборе в память погибших православных верующих в «лихом десятилетии» 1917–1927 гг. в Риге

собралось собрание социал-демократов для восхваления достижений III Интернационала (см. «Вера и жизнь», № 1, 1928 г., с. 4–10). Формула «Грабь награбленное», согласно архиепископу Иоанну, становится возможной как производное «революционной совести», для которой все позволено.

«Остановлю ваше внимание лишь на некоторых характерных обнаружениях революционной совести. Одним из первых зарегистрированных проявлений революционной совести был печально знаменитый лозунг, выброшенный III Интернационалом в качестве требования коллективной революционной совести: грабь награбленное. Если бы матерому волку надлежало бы оформить веления волчьей совести и отдать команду волчьей стае, эта формула была бы как раз на месте. Но эта волчья формула оказалась для товарищей III Интернационала не менее своей, чем для волков. С чисто волчьей жадностью бросились «товарищи» из III Интернационала на достояние, им не принадлежащее. В кратчайший срок несметные культурные и материальные ценности, веками накопленные гением и энергией величайшего в мире народа были разграблены дотла. От грандиозных торговых, промышленных, сельскохозяйственных и финансовых предприятий великой страны осталось на месте, образно выражаясь то, что остается после налета волчьей стаи: где рожки да ножки, а где хвост да грива. В дальнейшем революционная совесть выбросила товарищам новый лозунг: грабь недограбленное. Товарищи бросились на мелкие («кулацкие») хозяйства и предприятия. Не стало и этих скромных хозяйств. Революционная совесть выбрасывает еще новый лозунг: изымай излишки. Зарыскали «товарищи» в поисках излишков. Вскоре изъяли

все, что было спрятано собственниками недостаточно тщательно. Последовал новый лозунг революционной совести: выколачивай продналоги. И пошло по всей великой стране выколачивание продналогов. В результате этих и подобных лозунгов революционной совести величайшая, богатейшая в мире страна обратилась в жалчайшую пустыню. Население, уцелевшее после перечисленных и подобных им операций «товарищей», стало терпеть ужаснейшую нужду. Прямой ужаснейший голод, недоедание и сопутствующие голоду и недоеданию повальные болезни, унесли в могилу десятки миллионов жизней мирного трудового народа. В голодном исступлении люди стали пожирать людей, даже родители детей. Смутили ли эти бедствия «товарищей» из III Интернационала и их революционную совесть? Нимало. Осуществление прописанных выше лозунгов революционной совести дало возможность товарищам сделать запасы, достаточные не только для сытого, но и для богатого существования. Под вой и вопли умирающих с голоду, товарищи, роскошествуя, усердно копались в глубинах своей революционной совести, изыскивая в ней новые лозунги для поддержания своей совести. Скоро заграничные рынки наводнились национальными культурными ценностями великого народа. На виду у всего мира стали происходить аукционные распродажи изъятых ценностей. Новая база для сытого до пресыщения благополучия «товарищей» III Интернационала найдена. Надо думать, благоденствие их обеспечено еще надолго, ибо в великой стране непочатый угол ценностей еще велик.

Народ пухнет и мрет с голоду? Какое до этого дело интернациональной совести интернациональных товарищей? Ведь это не «партийцы», не «товарищи» по

Интернационалу. Исстрадавшийся под гнетом «товарищай» народ, беспомощный, истощенный, озлобленный, собрав во единую сумму все свое годами накопленное озлобление, выплюнул в лицо товарищам выразительную, презрительную кличку, прозвав их саранчой, знаменуя этою кличкою перед всем миром, что III Интернационал есть сила, ненасытно жадная, все пожирающая, все опустошающая и решительно ничего путного не созидающая, всем человеческим начинаниям вредная и пагубная»²².

Главный вопрос биографии архиепископа Иоанна следующий: в чем суть его подвижничества, его жертвы, его священномуученичества?

А ведь на эти вопросы ни одна современная книга ответов не дает, как впрочем, и публикации 30-х гг. XX века. Возьмем, к примеру, опубликованное в журнале «Вера и жизнь» в 1935 году в 11-м номере (с. 241–243) слово, сказанное в Рижском Кафедральном соборе на торжественной панихиде по случаю первой годовщины со дня смерти протоиереем П. Балодисом «Смысл мученической кончины архиепископа Иоанна».

«Обратимся теперь к жизни нашего покойного Архипастыря.

Всем нам известно, как величественно и спокойно наш покойный Архипастырь с церковной и общественной кафедры доказывал правоту христианских истин и с каким бесстрашием обличал отступников и хулителей веры. Мы видели, как противники его отступали,

²² Архиепископ Иоанн «Памяти жертв лихолетья» – Речь Архиепископа Иоанна пред всенародною панихидою по жертвам десятилетнего лихолетья в России, в Рижском Кафедральном соборе, 6-го ноября 1927 года // «Вера и жизнь» 1928 г., № 1, с. 8–9.

пораженные силою его слова. И как было устоять? Ведь, учение его было не его, а веками проверенное учение Христианской Церкви. Рассуждения его были не рассуждения простого человека, а человека талантливого и высокообразованного. Слово его было – слово превосходного оратора.

Злым людям не нравилась столь сильная личность, они искали случая уничтожить ее. Архипастырь и не думал укрываться.

Нам известны случаи, когда Архипастырь схватывал руку злодея, уже держащую направленное против него орудие смерти, и заставлял ее опуститься. Еще больше случаев нам известно, когда он только силою своего взгляда и духа заставлял злодеев отказаться от своих дурных намерений.

Роковой момент все же настал...

Сознание исполненного и исполняемого до конца долга и притом долга прекрасного служения Богу и братьям своим, давало страдальцу внутреннюю силу препобеждать ужасы внешних страданий.

Мучителям, сжигавшим его, он мог мужественно сказать: «тело мое вы можете сжечь, но разрушить мою работу, разрушить мною руководимую и охраняемую Церковь вы не можете. Руки, которые благословили вас, горят и слабеют, но не ослабить вам того благословения, которое именем Божиим я преподавал истинно верующим, я задыхаюсь от дыма и очи мои темнеют, но не затемнить вам истины слов моих».

И вот последствия. Геройство и бесстрашие нашего первого Архипастыря выводят из пассивности и как бы равнодушия к делам веры многих добрых христиан, верующие становятся активнее и берутся за устройство христианской жизни на благо Православной Церкви своего народа и государства.

Воскресни, Боже, суди земли, яко Ты царствуеш во веки!» (Проким. Вел. Суб.)».

Что мы видим в слове о. П. Балодиса? Произвольные рассуждения. Нужно ли выдумывать речи за архиепископа, если его современники располагали конкретными фактами, позволявшими говорить о владыке как о молитвеннике, исповеднике и защитнике православной церкви. Тем более, что речи архиепископа Иоанна обладают одним очень важным свойством – автобиографичностью. Они в какой-то мере являются свидетельствами и исповеданием пастыря перед своей паствой. Речь 20 сентября 1931 года в Рижском Кафедральном соборе в связи с 10-летним юбилеем возглавления владыкою православной кафедры в Латвии тому подтверждение²³. По ней даже ничего не знающий о православии

²³ Газета «Сегодня» 21 сентября 1931 года, № 261, с. 4 – Вчерашнее чествование архиепископа Иоанна. Речь архиепископа Иоанна: «Не нам, не нам, – а имени Твоему слава!» – начал словами Евангелия архиепископ Иоанн. Мы не смеем и не можем ничего относить к себе лично, а относим к силе Божьей. Вот почему я на протяжении всей своей жизни решительно уклонялся от всяких личных празднеств и от юбилеев. Поводов для этого, как у всякого пожилого человека, было много. Я, как монах, молча проходил мимо всех юбилейных дат, ибо сплошное юбилейничанье было бы поспешно, мало солидно и с точки зрения монашеской было бы суэтностью, недостойной монаха. Если ныне затеяно празднование, то сделано это вопреки моему желанию и убеждениям. Не только юбилей, но вообще всякое празднование, связанное с мою личностью, является нарушением, так сказать, «стиля» моей жизни, никогда ни в малейшей степени не походившей на праздник, напротив, бывшей всегда трудовыми буднями, преисполненными тяжелой работой, суровыми испытаниями, глубокими огорчениями и страданиями. Чем выше восходил я по общественной лестнице, тем ярче обозначался именно этот стиль моей жизни.

Возведение меня в архиепископы совпало с началом господства большевизма и мне пришлось принять на себя, как вождю верующих, в одной из самых ответственных епархий России всю тяжесть озлобленных ударов безбожного большевизма. В первый же день моего прибытия в Пензу я был подвергнут репрессиям и угрозам. В епархии неистовствовал лишенный сана и отлученный от церкви Владимир Путятин-Гринштейн, задавшийся целью приспособить православные церкви к надобностям большевизма. Он призывал, требуя моей смерти, к террористическим актам против меня. В течение моего пребывания на посту главы пензенской епархии жизнь моя все время висела на волоске. Покушение чекистов на Пасху, обстрел большевиками монастыря, в котором я проживал и сплошные издевательства и оскорблении, вроде зачисления меня в красную армию, тюрьма, допросы в Чека, смертная камера – вот условия, при которых мне приходилось работать. Все же, несмотря на все старания врагов церкви, верующие были объединены, в епархии велась работа и многое было сделано. Чем больше большевики гнули, тем больше креп христианский дух.

В 1921 году я по вашему выбору и с мудрого назначения патриарха Тихона прибыл в Латвию и застал свою новую паству – латвийскую православную церковь, обреченной на уничтожение. Официально было указано, что законы Латвии не знают латвийской православной церкви, и никто не обязывает правительство защищать ее. Имущество и святыни ее отторгались и передавались кому попало, храмы передавались светским учреждениям, или просто сносились с лица земли. Все кому не лень, могли захватывать и наше имущество, и наши святыни с полной уверенностью не только в безнаказанности, но даже в одобрении захвата. Накануне въезда в Латвию у главы православной суверенной церкви производится захват архиерейского дома. Когда же я избрал своим обиталищем нежилой подвал Кафедрального собора, то обладание и этим, более чем скромным обиталищем, было объявлено противозаконным на том основании, что собор де должен принадлежать государству. Власть

в Латвии читатель может судить об истории и положении церкви после Первой мировой войны, о вкладе власты в восстановлении прав православия в Латвии, о смысле его политической борьбы и т. д.

Автобиографичность текстов архиепископа Иоанна допускает и обратную интерпретацию. Читая тексты, узнаешь об узловых моментах его мировосприятия.

имущие отказывались меня признать главой церкви Латвии и официальные бумаги адресовывались «Архиепископу, проживающему в подвале Кафедрального собора».

На основании доноса против меня было возбуждено дело по обвинению в призывае к ниспровержению существующего порядка. Печать, собрания, митинги требовали снести собор с лица земли и изгнать подвального жильца. При таких условиях пришлось приняться за организацию церковных сил.

Когда же удалось кое-как организовать расстроенные живые силы церкви и настал момент для выступления этих сил в борьбе общественно-политической, в качестве противников выступили не только чужие, но и свои. Но благодаря депутатству церковного представителя были достигнуты существеннейшие улучшения в жизни церкви, как с юридической, так и с практической стороны. (Прим. 8 октября 1926 года – Принят закон, согласно которому ЛПЦ имеет право свободно и открыто проводить в жизнь вероучение Вселенской Православной церкви. Важнейшая задача положения церкви в государстве по существу была решена. С первого декабря 1926 года возобновила работу Рижская духовная семинария и т. д.)

Но эти достижения дались ценою суровейших испытаний. Но все же мы не смеем и ныне почить на лаврах, ибо достигнутое под постоянной угрозой. Жизнь вождя церкви не похожа на празднество; она – напряженный и неослабный труд, приправленный огорчениями.

Благодарю всех за любовь, но все мною сказанное дает мне повод и право звать всех, кто хочет сохранить и расширить свои права не на праздник, а на борьбу без устали и перерывов».

Возьмем, к примеру, «Слово в Великий Пяток» (см. «Вера и жизнь» № 5, 1931 г., с. 65–71). Канва проповеди захватывает поведение почтенного человека – члена синедриона, богатого, «с весом у Пилата», о котором упоминают все евангелисты. Мы имеем в виду тайного ученика Христа – Иосифа Аrimafейского.

Архиепископ Иоанн указывает, что «скрывать свою веру страха ради – дело малопочтенное». Далее: «страх человеческий это сорная трава на духовной ниве, подлежащая искоренению»:

«Иосиф весьма много потерял оттого, что скрывал свою приверженность Христу. Он мог состоять в постоянном живом общении со Христом как и прочие ученики Его, но не состоял. Он потерял все те наставления Христа, которые преподавал Господь ученикам, оставаясь с ними без народа. Очень может быть, что нам не сообщено о нем ничего более именно потому, что он и не сделал ничего более. Он был не так силен, не так свят, не так полезен, как мог бы быть, если бы следовал Христу не только издали, таясь. О, если бы это послужило предостережением всем тем, кто и в наше время стесняются открыто исповедовать Христа.

Что богатство и общественное положение и в настояще время многих удерживает от исповедания Христа, это общеизвестно. Что и в настояще время пытаются оправдать свою теплохладность ссылкою на свою врожденную сдержанность во всем, тоже общеизвестно. Но если бы все были таковыми, что стало бы с истиной, с церковью, с верою?» (с. 67–68).

Архиепископом Иоанном его время воспринималось как более «злое и подлое», чем времена первохристианства. И «если Иосиф в Голгофских злодеяниях усмотрел достаточное побуждение для того, чтобы от тайного

исповедания перейти к открытому, то наше время должно быть почитаемо призывающим нас к немолчному исповеданию, сопряженному с ярко выраженным протестом против возведения на Голгофу не только Бога, но и человека», (с. 70).

По проповеди об Иосифе Аримафейском можно судить об архиепископе Иоанне (Поммере) – исповеднике христовой веры. В общем-то, текст, в данном случае, проповедь, дополняет поступок, делает одно взаимозависимым от другого. Для того, чтобы судить о поступке, нужно обязательно найти соответствующий текст. Верно и обратное: прочитанный текст заставляет искать поступок, как основание для комментария проповеди. Потеря или упущение одного из этих двух элементов обедняет картину жизни архиепископа Иоанна, делает ее более обыденной и однообразной...

В книге «Колокол на башне вечевой» М., 2005 г. игумен Феофан (Пожидаев) проходит мимо неразрывности слова и действия в жизни архиепископа Иоанна, акцентируя внимание на одном элементе, но упуская из виду другой. И при внешней привлекательности выводов о. Феофана (Пожидаева), теряется нить историчности в повествовании, требующая конкретности и доказательности суждений. Конечно, образы многих святых в чем-то схожи друг с другом. Как средневековые жития святых сходятся в обязательном каноне, так и в биографиях священномучеников православной церкви Новейшего времени много общих черт. Однако в XX веке нарастает роль индивидуальности. Так и в жизни архиепископа Иоанна сочетались, на первый взгляд, абсолютно несовместимые виды деятельности. Глава православной церкви в Латвии – монах и, одновременно, депутат Сейма, исповедник и в то же время активный общественный деятель.

В этой очевидной антиномии слепое следование историками церкви за распространенными клише вовсе не обязательно должно привести к пониманию личности святого, мотивов его поступков, сути его исповеднического долга. Замеченная автором книги «Колокол на башне вечевой» чрезвычайная скромность жилища главы православной церкви, например, не натолкнула на мысль о том, что отношение к богатству для архиепископа Иоанна было краеугольным камнем его богословия и политической философии.

В главе «Архиепископ Иоанн в Латвии», несколько страниц (с. 58–61) автор посвящает вопросу об отношении Владыки к труду и богатству.

Эти страницы включают нескольких разрозненных описаний:

1) Архиепископ Иоанн все необходимое для епископского служения приобретает на собственные средства (с. 58).

2) Архиепископ Иоанн в подвале Кафедрального собора: «Зашитник и покровитель обездоленных и беднейших слоев населения, сам Владыка жил более чем скромно. Ставшая жилищем Владыки маленькая, темная и сырая комнатка в подвале Кафедрального собора с зарешеченым оконечком под самым потолком, через которое проникали в подвал все звуки центрального бульвара, была в крайне запущенном состоянии. Закопченные стены покрывали пятна плесени и сырости, пропитывая резким запахом книги и епископские облачения. Водопровода и канализации поблизости не было. Убирать свои апартаменты Владыка должен был сам, поселившись в этом подвале, Владыка охранял собор от сноса или превращения его в триумфальную арку для дефилирования войск, выражая своим более

чем скромным житием и протест против передачи латвийским правительством католикам здания православного Алексеевского монастыря с домовой церковью архиереев... Один из иностранных посетителей со слезами на глазах воскликнул: «Поверьте, что в моем отечестве ни один арестант не живет в такой яме, как вы, глава Латвийской Православной Церкви».

Один из гостей владыки вспоминает: «Скудно живет наш владыка. Несколько кресел, стулья, шкафы с книгами, иконы. Над столом – большой портрет патриарха Тихона. Кровать за перегородкой. В углу, у печи – груда поленьев... и сырость, и темнота в углах, и тусклый свет электрической лампочки как-то сразу угнетают»²⁴ (с. 58–59).

²⁴ О скромности и простоте жизни архиепископа Иоанна свидетельствуют многие документы. Например, статья Петра Пильского – Архиепископ Иоанн // Сегодня, 13 октября (суббота), 1934 год, № 283, с. 2. Фрагмент статьи: «...В личной жизни Иоанн отличался большой скромностью. Его не качали и не сотрясали обычные человеческие слабости или страсти. В этом отношении он не заслуживал ни от кого и никогда ни единого основательного упрека...

...Покой владыки не только скромны и прости, – они пустынны. Помню: деревянный стол, деревянная скамья, окна без занавесей, в комнатах стоит тишина, нарушаемая только звуками пилы и визгом рубанка. Иоанн столярничал. Там сделанный им самим большой темно-красный улей, сколоченные его руками оконные рамы. Этот труд для него не нов.

– Я вырос в крестьянстве, – рассказывал архиепископ, – я знаю этот труд, приучен к нему с детства и никогда не бросал. Когда приезжал сюда, на родину, в Латвию, к отцу, я помогал ему с раннего утра. Уже епископом в 1913 году я посетил родное село, и, хотя, по слухам встречи, мы легли спать поздно, отец разбудил меня чуть свет. Спросонок я спросил его: «Почему так рано?» – А, вот, хочу с тобой пойти в поле, – посмотреть, – не отучился ли ты за это время от нашей работы».

3) Частная жизнь архиепископа Иоанна: «В частной жизни архиепископ был чрезвычайно прост... Чай и бедный монашеский ужин он готовил сам. Скромную трапезу свою он делил с гостями. Будучи очень скромным в личной жизни, Владыка не любил ходить в гости, но с великой радостью посещал различные торжества благотворительных и общественных организаций» (с. 61).

4) Отношение к бедным и аскетизм: «После Пасхальной заутрени по древнему обычаю архиепископ разговаривался с бедными. Здесь он чувствовал себя точно в родной семье. Он никогда не различал людей по социальному происхождению. Для него было все равно, кто перед ним: министр, генерал, аристократ, крестьянин или рабочий. Во всех видел он образ Божий. Нередко владыку посещали только что вышедшие из заключения преступники. Владыка помогал им, кающимся, начать новую жизнь...

Владыка был строгим аскетом в жизни, утехи человеческие ему были чужды, но как тонко подмечал он все слабости и духовные недуги своих собеседников...» (с. 61).

Отец Феофан Пожидаев отношение архиепископа Иоанна к труду и богатству сужает до описания следующих четырех моментов: архиепископ для епископского служения все необходимое покупает на свои средства; живет в подвале Кафедрального собора; аскетичен в частной жизни; отношение его к людям не зависит от

Иоанн ничего не забыл, не разучился крестьянствовать, а любимым его трудом, осталась по-прежнему, косьба. Ему нравятся эти размашистые движения, эта здоровая гимнастика, ритмические взмахи, ему хорошо было чувствовать и сознавать, что сердце до сих пор не изменяет и он не утомляется даже многочасовой работой...».

положения человека на социальной лестнице. При этом автор ссылается на сборник документов, составленный священником Я. Калныньшем.

Однако круг источников, которые можно использовать не только для описания образа жизни архиепископа, но и его отношения к богатству-бедности куда более обширен. Кроме описания жилища владыки в православном журнале «Вера и жизнь» (см. № 6, 1924 г., июнь – «В подвале у архиепископа»²⁵, с. 2–5), это еще

²⁵ «Вера и жизнь» 1924 год, № 6, июнь, с. 2 – «В подвале у архиепископа»: «На конференции церковного мира 8 мая сего года, крупную сенсацию вызвало сообщение о тех условиях, в которых живет глава православной церкви в Латвии, архиепископ Иоанн. В связи с этим замечается особый интерес к личности владыки и к обстановке, в которой он вынужден жить.

Архиепископ Иоанн (в миру Иван Андреевич Поммер), уроженец Лаздонского прихода (Лифляндия), родился в 1876 году. Окончил Рижскую духовную семинарию и, пребывав некоторое время народным учителем, он в 1900 году поступил в Киевскую духовную академию. Студентом последнего курса он постригся в монахи. Короткое время он состоял преподавателем Черниговской духовной семинарии, инспектором Вологодской семинарии и более продолжительное время – ректором Литовской духовной семинарии, в Вильно. С 1912 года он был епископом – Слуцким, а далее занимал ряд кафедр вплоть до Пензенской архиепископии.

Согласно постановлению Вселатвийского Первого собора, он был приглашен к нам для руководства православной церковью в Латвии. Прибыв 22 июля 1921 года, владыка нашел архиерейский дом переданным в руки католиков. Так как епископ, как монах имеет право проживать только в монастыре или при храме, а мужского монастыря в Риге не имеется, то ему пришлось поселиться в единственном жилом помещении для церкви – в подвале кафедрального собора.

Из комнаты, находящейся под колокольней собора, было убрано хранившееся там ветхое церковное имущество,

проповеди и статьи (см. «Вера и жизнь» № 1, 1927 «Труждающиеся и обремененные», с. 4–8.), статья исправлена маленькая печка, в узкую нишу решетчатого окна под потолком вставлена вторая рама, — и архиепископ сделал это помещение своей резиденцией, даже не отремонтировав его, так как в то время у собора не имелось средств на ремонт.

Ужасные антигигиенические условия этого помещения достаточно обрисованы актом Комиссии по осмотру помещения Архиепископа от 5 октября 1923 г. (см. «Вера и жизнь» № 11, 1923) и Вторым Вселатвийским собором. В этой темной, затхлой, сырой и дымной келье архиепископ продолжает пребывать и по сей день.

Дефекты этого помещения не сломили железного здоровья владыки, как не сломили его большевистские тюрьмы. Только иссиня-черная борода его в течение 3 лет обратилась в седую, и в волосах его появились густые белые пряди. В последнее время владыка сильно страдает мальарией. Все ходатайства православной паствы, а также Вселатвийского собора об отводе главе латвийской церкви соответствующего его сану помещения до сих пор не увенчались успехом. До сих пор не было вынесено ни одного официального постановления совета министров по этому делу. Проникшие в печать слухи о том, что для архиепископа будет куплен дом, до сих пор не подтвердились. Пессимисты зло шутят, что этот слух был пущен «для заграницы».

Печально не только то, что архиепископ Иоанн вынужден жить в столь тяжелых условиях. Грустно, что в этом ужасном помещении он вынужден принимать нередко посещающих его представителей иностранных государств. Во время конференции владыка вынужден был принять в своем замке-подвале епископов церквей Финляндии, Эстонии, тут же он принял недавно англиканского епископа Бари. Помещение его не всегда останется жилым. Как мы слышали, во время второго Вселенского собора архиепископ Иоанн внес в свое завещание требование похоронить его тело в том же погребе, где ныне проводит свою жизнь. На исполнение этого требования архиепископ имеет каноническое право.

«Противоядие» (см. «Вера и жизнь» 1928, № 4), публикации в газете «Сегодня» (см. очерк Петра Пильского «Архиепископ Иоанн», «Сегодня», 13 октября, суббота, 1934 год, № 283, с. 2), материалы уголовного дела (описания обстановки на архиерейской даче), комментарии к Священному Писанию (см. ЛГИА Ф. 7131, опись 1, дело 57, лист 89–92), а также ряд политических текстов о противниках православной церкви – социал-демократах...

Вероятно, если бы З. В. Балевиц не издал свой сборник документов «Православное духовенство в Латвии в 1920–1940» в 1962 году, то использованный о. Феофаном (Пожидаевым) круг источников вполне мог бы удовлетворить исследователя темы труда и богатства у архиепископа Иоанна. Однако книга, все-таки, увидела свет. А Балевиц рисует совсем иной, далекий от аскетизма, образ главы православной церкви в Латвии, видя в нем ценителя красивых женщин и, наверное, если бы атеистический писатель имел возможность опубликовать все очерняющие архиепископа Иоанна документы из уголовного дела, то он сделал бы из него еще любителя дорогих сигар и изысканных вин. Так, на странице 66–67 Балевиц поместил без комментариев небольшие фрагменты допроса лжесвидетельницы Марии Рейзник, пытавшейся выдать себя за любимую женщину владыки. А также на страницах 72–75 опубликованы показания еще двух лжесвидетельниц, оговоривших владыку: Веры Малевской и Александры Зеленской – случайных людей, с неизвестными для нас линиями связей с заказчиками такого рода оговора. По понятным причинам в перечень очернителей владыки атеистический писатель не включил показания лжесвидетельницы по уголовному делу об убийстве главы православной церкви в Латвии, более известной широкой публике, чем

Мария Рейзник, Вера Малевская и Александра Зеленская – Марии Виолы Беатер, так как еще при жизни архиепископа Иоанна, в судебном порядке, все претензии приемной дочери директора русской гимназии Беатер были отвергнуты.

Чтобы не быть голословными, приведем фрагмент из показаний Марии Рейзник, основной целью которых было внушить следствию – архиепископ Иоанн не вел аскетический образ жизни: «Сразу же после окончания работы я появилась у него около 16.30. Вошла в жилище через парадные двери, предварительно позвонив. Дверь мне открыл архиепископ. Так как я не обедала, он мне предложил поесть, и мы сидели в столовой у стола. Войдя в жилище архиепископа, у меня на голове была баскская шляпка синего цвета, но когда сидели у стола, мне кажется, что шляпку я видела на столе. Мы ели лосося, икру, миногу и виноград, с которым пили желтоватого цвета вино «Соло секту». Был подогрет также какой-то суп, но мы его не ели. Архиепископ за столом также курил. Мы почти все время находились на кухне, и я только один раз зашла в спальню, где находился патефон, чтобы поставить новую пластинку...» (Фонд 7131, опись 1, дело 7, лист 1).

Если также, как сделал З. В. Балевиц, – оставить фрагмент допроса без комментариев, то у читателя вполне может сложиться представление об архиепископе Иоанне как сибарите. Но все дело в том, что тщательный анализ показаний лжесвидетелей приводит исследователя к однозначному выводу о надуманности всех историй о встречах и совместных застольях с архиепископом Иоанном. Особенно это касается показаний Марии Рейзник, на ходу сочинявшей для следователя

Политического управления Рижского района монологи от имени архиепископа Иоанна по поводу тех или иных актуальных событий в церкви. Противоречащие друг другу показания – достаточное основание, чтобы не брать во внимание при разработке нашей темы о богатстве и бедности лжесвидетельства Марии Рейзник.

Все же не только Мария Рейзник пыталась очернить владыку Иоанна. Образ архиепископа Иоанна, как исповедника, подвергался очернению в 20-е и 30-е гг. XX века, прежде всего, политическими врагами православия – социал-демократами, также антипоммеровской группой «Друзья церкви». Группа состояла из опальных священников о. К. Зайца, о. К. Дорина, распространителя православной антисектантской литературы И. Быкова, нескольких женщин из Кафедрального собора, социал-демократа Рудевица и некоторых других лиц. Но и мнение современников из политического лагеря врагов православной церкви вряд ли может повлиять на общепринятые оценки личности архиепископа Иоанна, изложенные в книге о. Феофана (Пожидаева) «Колокол на башне вечевой».

Как мы можем знать, что тема труда и богатства стала судьбоносной для архиепископа Иоанна?

Во-первых, на это указывает биографический контекст.

Сам владыка являл собою образец жертвенности²⁶.

²⁶ Из описания архиепископа Иоанна одноклассником-семинаристом И. Калнынем в газете «Сегодня Вечером» – «Архиепископ Иоанн обо всех заботится»: «...Спустя несколько лет по окончании семинарии, в 1903 году мне случайно пришлось встретить Ивана Поммера уже студентом академии, на его родине – в Лаздоне. Он сейчас же узнал

меня, своего бывшего однокашника. Приветливо улыбаясь, он спросил, что я думаю предпринять дальше? В то время мне приходилось очень тяжело: из Лаздонской волости мне надо было получить бумагу, необходимую для поступления в рижский политехникум, но в волости был большой беспорядок – сбежал волостной писарь с волостными деньгами и уничтожил часть архива. Приехал на ревизию комиссар по крестьянским делам, которому, конечно, было не до меня.

Когда Иван Поммер узнал, в чем дело, улыбка исчезла с его лица, и он задумался, но ненадолго:

– Вот что, друг, ты, я вижу, всю ночь провел в дороге и не выспался. Иди к местному батюшке – он тебя примет. Я тоже остановился у него. А что будет дальше – мое дело!..

Через несколько часов Иван Поммер пришел к местному священнику, у которого я был радушно принят, как свой человек.

– Ну, что – отдохнул с пути? – с прежней доброй улыбкой спросил Иван Поммер.

Видя мое озабоченное лицо, он вынул из кармана нужную мне бумагу и подал ее мне:

– Твое дело в порядке. Только тебе придется еще сходить в волость и расписаться в получении этой бумаги у комиссара по крестьянским делам. Я получил для тебя не дубликат документа из волости, а совершенно новый, который столь же действителен, как и пропавший оригинал!.. Я уже звонил на станцию Мадон – через два часа уходит в Стукмани поезд...

Таким образом будущий архипастырь позаботился обо мне столь же отечески, как вообще он заботился о всех, кому нужна была помощь.

Местное население о нем отзывалось коротко:

– Он обо всех заботится... Мы рады, что из нашей среды вышел такой образованный, сердечный и любвеобильный человек... Когда он здесь у нас во время летних каникул, – нам всем хорошо!

Помощь будущего архиепископа Иоанна по отношению ко мне тем не кончилась: он позаботился, чтобы мне в дорогу

Его оппоненты из антипоммеровской группы «Друзья церкви» в лице лишенного священнического сана протодьякона Константина Дорина и отстраненного от служения в церкви протоиерея Кирилла Зайца – образцы алчности. Имеющие приличный достаток и получившие высокое положение в церкви, они все-таки не удержались от искушения богатством и оказались замешанными в деле крупного хищения церковного имущества. Антипоммеровская группа «Друзья церкви» проложила путь событиям 12 октября 1934 года, мученической смерти архиепископа Иоанна.

Во-вторых, это политический контекст.

Для архиепископа Иоанна политическая деятельность была лишена мотивов личного обогащения. Быть в политике означало для него исполнение пастырского долга ради признания православной церкви со стороны государства. Его естественными союзниками в этом деле в Сейме были меньшинства (прежде всего, русские), а целью – процветание независимой Латвии. Политические враги архиепископа Иоанна – социал-демократы шли дорогою Интернационала. Однако риторика классовой борьбы не мешала лидерам «марксистов» (так их называл архиепископ Иоанн) личному обогащению и ориентации партии на СССР (вспомним заключение

была дана провизия, осведомился, имею ли я достаточно денег для следования в Ригу, и сам меня проводил до поезда. Было видно, что все железнодорожные рабочие, занятые тогда постройкой линии Плявиняс – Алуксне, станционный персонал, инженеры и техники обращались с И. Поммером, как с близким и уважаемым человеком...»

(И. Калнынь – встречи с покойным архиепископом Иоанном. Из воспоминаний его одноклассника-семинариста. Сегодня Вечером, № 235, суббота, 13 октября, 1934 г., с. 4).

торговых договоров с СССР 1927 и 1932 гг.). Союз группы «Друзей церкви» с социал-демократами с весны 1932 по осень 1933 года явила собой противоестественный союз (социал-демократы – яростные борцы с религией) на основе личной вражды к архиепископу Иоанну.

Политический контекст определен самим архиепископом Иоанном в ряде его текстов. Суть ситуации заключалась в том, что интересы православия в Латвии в 20-е и 30-е гг. XX века совпадали с интересами национальных меньшинств и делали их естественными союзниками в борьбе против своих политических оппонентов и врагов, наибольшими из которых были социал-демократы.

Эти тексты (мы называем их текстами, а не речами или статьями, так как нашли их в его рукописном наследии, но нам неизвестно, были ли это заготовки для возможных публикаций в прессе или для выступлений среди политических сторонников архиепископа Иоанна, или это обычные черновые записи), озаглавленные нами: «О бытии нашего парламента», «Задачи меньшинственных депутатов», «Об участии духовенства в политике» из фонда 7131 описи 1, дела 22. Так в «Задачах меньшинственных депутатов» архиепископ Иоанн определяет азы политической деятельности меньшинственных депутатов: «Задачи меньшинственных депутатов в парламенте всегда весьма трудны уже потому, что эти депутаты составляют меньшинство парламента и самостоятельно не в состоянии провести ни одного своего начинания. Им неизбежно приходится искать способы склонить нужное большинство путем соглашений с депутатами большинства, чтобы те по тем или иным побуждениям поддержали меньшинственные права и интересы.

Другое серьезное затруднение состоит в том, что нет научно установленных общепризнанных норм меньшинственного права. Вопрос о том, на что имеют право меньшинства, в каждой стране решается по-своему. И в пределах одной и той же страны то, что еще вчера признавалось бесспорным правом меньшинств, сегодня уже трактуется как беспочвенная претензия. Авторитетного трибунала, где бы выносились по спорным вопросам обязательные для обеих сторон решения, пока что нет. Господствует усмотрение и произвол...» (Фонд 7131, опись 1, дело 22, лист 179).

Исторически сложилась ситуация, что наиболее многочисленная и влиятельная партия в Латвийском парламенте, мы имеем в виду социал-демократов, последовательно проводила антирелигиозную и антицерковную линию как в начале бытия латвийского парламента в начале 20-х гг., так и в конце перед авторитарным переворотом Карлиса Улманиса 15 мая 1934 года.

Столкновения архиепископа Иоанна с социал-демократами стали притчей во языцах в политической жизни Латвии в 20-х и 30-х гг. XX века. Будучи публичным лицом, архиепископ Иоанн вынужден был отвечать своим прямым политическим оппонентам. В центре внимания его выступлений – моральный облик социал-демократов в Латвии. Сегодняшний обычный избиратель, возможно, и вспомнит, что социал-демократы – это непарламентская партия в Латвии, которая особое внимание уделяет социальной политике. В Первой же Латвийской республике социал-демократы представляли весомую политическую силу, с которой необходимо было считаться. 90 лет тому назад архиепископ Иоаннставил знак равенства между социал-демократами Латвии и большевиками в России и не видел между ними

принципиальной разницы. В своих публичных выступлениях он объединял эти партии одним общим термином – «марксисты». Для марксистов главные вопросы – это вопросы о власти и собственности (т.е. труде и богатстве).

Характерным примером отношения архиепископа Иоанна к труду и богатству в политическом контексте можно считать его выступление в Сейме 1 февраля 1929 года на заседании, посвященном событиям, произошедшим в воскресенье 20 января того же года. Вот что написала по поводу воскресных событий газета «Сегодня» на первой своей полосе в статье «Вчерашнее шествие сопровождалось столкновением с полицией» (№ 21). «Трудно было представить, что столь спокойно начавшееся шествие социалистов и коммунистов закончится событиями, превосходящими событие 22 августа...

К 12 часам дня на Рыцарской и Дерптской улицах стали собираться колонны организаций, примыкающих к социал-демократической партии... Под звуки многочисленных оркестров шествие стало двигаться. Впереди шел один из ответственных распорядителей шествия депутат Вецкалн. За ним двигались члены главного правления рабочего спортивного союза, далее – рижские районы; 14 партий во главе с сеймовой фракцией социал-демократов. Далее шли ряды профсоюзников, бундистов, сионистов-социалистов, общество рабочей молодежи, польских социалистов, пионеров и других организаций, входящих в состав социал-демократической партии. Но не менее половины шествия составляли крайне левые демонстранты, следовавшие за флагом бывших воинов. Все шествие длиной больше чем в километр... За вчерашний день в районе Народного Дома

и близлежащих улиц зарегистрировано 5 столкновений демонстрации с полицией...»

Демонстрация, устроенная социал-демократами, вызвана была обострением проблемы безработицы в Латвии.

После действий полиции, разогнавшей демонстрацию, социал-демократическая партия поставила в Сейме вопрос о правомерности действия полиции и доверии правительству.

1 февраля 1929 года, откликаясь на событие, которое, наверное, взволновало всю страну, архиепископ Иоанн на трибуне в Сейме высказал свое отношение к демонстрации, ее устроителям и причинах безработицы в Латвии. Выступление архиепископа вызвало гнев социал-демократов, так как он поддержал не их, устроителей демонстрации против безработицы в Латвии, а полицию и правительство, и причиной безработицы назвал самих социал-демократов, лидеры которых несказанно обогатились в независимой Латвии и заняли доходные места, которые могли бы прокормить не одну сотню безработных.

И, в-третьих, это духовный контекст.

Начнем с того, что термин «духовность» мы используем для обозначения определенной направленности личности. Направленности не в общем смысле этого слова, а как в школьной задаче: при следовании объекта из пункта «А» в пункт «Б», или в отношении человека, идущего от одной жизненной цели к другой. Этот отрезок пути обязательно осознается, пусть даже опосредованно, через годы или даже десятилетия как выходящее за рамки обычной значимости. Это то, что относят к явлениям трансцендентальным, непостигаемым опытом единичного восприятия.

Чтобы определить тип духовности, к которому принадлежит архиепископ Иоанн, вернемся к тезису, высказанному в начале нашей статьи: «Мученичество рождается в определенной исторической ситуации. Ее характерные черты – гонение на церковь со стороны государства вкупе с преследованием христианства со стороны тех или иных слоев общества». Именно в этом контексте духовный путь архиепископа Иоанна завершился мученичеством. Конечно, тип гонения на церковь в Латвии принципиально отличался от гонений в СССР. В Латвии он принял политически-правовую форму. Сообщество гонителей определялось не по формальному признаку (например, только сторонники левого движения), а по духовному выбору, сделанному каждым человеком по отношению к богатству. Поэтому среди преследователей церкви оказались люди, принадлежавшие разным слоям общества, в том числе, и некоторые служители церкви.

Архиепископ Иоанн – продолжатель традиции православной духовности и библейской экзегезы. Ограничимся в нашей статье двумя его текстами: январской, 1927 года, статьей «Труждающиеся и обремененные» (см. «Вера и жизнь» «Труждающиеся и обремененные» № 1, 1927, с. 4–8) и статьей, по-видимому, о Дне Святой Троицы, хранящейся в деле 57 (см. фонд 7131, опись 1, дело 57, лист 89–92).

В январском номере 1927 года православного журнала «Вера и жизнь» были напечатаны три статьи архиепископа Иоанна: «Мир на земле» (с. 1–4) о том, что идеал мира и любви, воспеваемый в святочные дни, видимым образом противоречит мрачной действительности, в которой напряженно идет подготовка к войне. Наперекор лабораториям, в которых непрестанно

готовятся орудия убийства, верующие во Христа, подобно строителям, возводят храм мира и любви великого Зодчего. Другая статья – «ЦВОХРА» (с. 8–13) – разоблачает обновленческое движение в СССР. Третья статья «Труждающиеся и обремененные» о том, что православную церковь известные круги пытаются представить врагом трудящихся. Однако именно к трудающимся была обращена проповедь Христа.

Все три статьи открывают первый номер православного журнала «Вера и жизнь» после события 1926 года, ставшего эпохальным для православной церкви Латвии. (Принят закон, согласно которому ЛПЦ имеет право свободно и открыто проводить в жизнь вероучение Православной церкви.) 29 октября 1926 года состоялся Поместный православный собор. 1 декабря возобновила работу Рижская духовная семинария. (Преобразована в Богословский институт в 1936 году, а в 1937-м – по предложению правительства было открыто православное отделение на теологическом факультете Латвийского университета).

Два раза в 1926 году архиепископ Иоанн выступал в Сейме. 19 мая 1926 года он высказался в защиту православной церкви. «То положение, в которое поставлена православная церковь и православные граждане сейчас и также в предыдущие годы в Латвии, смело можно назвать невыносимым. Его можно назвать положением гонения, положением истязания...». Второе выступление выпало на 1 июня 1926 года. Доклад был ответом на антиправославную декларацию социал-демократов. «Известные круги», пытающиеся представить православную церковь врагом трудящихся – это социал-демократы. Не только речь в Сейме, но и статью «Труждающиеся и обремененные» можно представить как своеобразный ответ политическим оппонентам:

«У яслей Вифлеема мы считаем нужным обратить внимание именно на ту сторону личности, учения и жизни Христа, которая подвергается в настоящее время всевозможным превратным толкованиям – на отношение Христа Господа к трудящимся.

Церковь Христову в настоящее время известные всему миру круги стремятся представить в качестве врага трудящихся. Эта одна из самых беззастенчивых фальсификаций, которые знает история. Она рассчитана на полное незнание Христа, Его учения, Его жизни и Его дел.

Присмотритесь, кто со Христом от яслей и до креста. У яслей Его вы видите Пресвятую Деву Марию – Матерь Его – скромную бедную труженицу. Рядом с Нею Ее попечитель – старец Иосиф, «древодел» – плотник, всю жизнь проведший в труде. В качестве первых поздравителей Новорожденного к ялям, послужившим колыбелью Ему, пришли окрестные пастухи, скромнейшие среди скромных трудящиеся.

Детство, отрочество и юность Христа протекают в суровой обстановке ремесленного труда.

В зрелом возрасте Христос вступает на поприще священной мессианской общественной работы. К кому прежде всего обращена Его проповедь? К «труждающимся и обремененным». Кого Он призывает в сотрудники к Себе? Скромных тружеников рыбарей и им подобных «трудящихся».

Как определяет Он Свою задачу? «Дух Господень на Мне: Он послал Меня благовествовать нищим, послал Меня исцелять сокрушенных сердцем, проповедовать плененным освобождение, слепым прозрение, отпустить измученных на свободу» (Лк 4:18). И места для своей проповеди Он избирает преимущественно такие,

где собираются «труждающиеся и обремененные». В свою проповедь Он постоянно вводил наглядные поясняющие примеры (притчи) из жизни трудящихся рыбаков, пекарей, ремесленников.

Лиши Христос возвел в подобающую честь все роды и виды честной работы и труда, начиная от так называемой, черной работы и до утонченнейших видов духовного труда. Именно Христос св. апостолам заповедует работать всем «своими собственными руками» (1 Сол 4:11). «Кто не хочет трудиться, тот и не ест» (2 Сол 3:10-12). Сам Христос и Его апостолы являли тогда живой пример труда и уважения к труду. Они трудились день и ночь, чтобы не обременять никого (2 Сол 3:8). Уже в ту мрачную и тяжелую пору, когда рабовладелец не считал себя обязанным оплачивать труд раба, именем Христа провозглашен принцип: «достоин делатель мзды своей» (1 Тим 5:18; Мф 10:10).

Церковь Христова, как и во всем, так и в вопросе о труде и трудящихся всегда верно следовала заветам Христа и всеми мерами стремилась проводить эти заветы в жизнь. Глубочайшее уважение к труду и трудящимся запечатлено в канонах церкви. Величайшие отцы и подвижники смотрели на труд, как на самый священный и великий подвиг человека. Великий основоположник монашеской подвижнической жизни Антоний Великий, когда неумеренные почитатели чрезмерно превозносили его, наставительно поведал, что он лишь смиренный ученик некоего брата во Христе из г. Александрии. Почитатели бросились по указанному Антонием адресу, чтобы поклониться учителю Великого Антония. К удивлению, учитель Великого учителя оказался самым обыкновенным сапожником.

Никто не знал про него ничего. Вошли в дом. Думали услышать от него что-либо чрезвычайное. Стали

пытать его вопросами и расспросами. Поведал он немногое: «встаю рано, молюсь сначала сам, а потом со своими домашними и принимаюсь за работу, трапезую, чем Бог благословил, и, помолясь, отхожу на покой ночной».

Недоумевающие ученики бросились к Антонию и поведали, что по указанному адресу они нашли не подвижника, а всего лишь самого обыкновенного сапожника. «Вот он-то и есть настоящий подвижник, ибо он и постиг и выполняет единое на потребу: молись и трудись. Его пример – непреложный урок и для меня и для вас». Так относились великие умы церкви к труду и трудящимся» (с. 4-5).

Далее архиепископ Иоанн пишет, что «..узы трудящихся с церковью мешали политическим планам некоторых политических организаций в широком масштабе, не скучаясь на всевозможные обещания, вести агитацию по отторжению трудящихся от церкви». «Некоторые политические организации» – это, прежде всего, социал-демократы и партии, связанные с левым движением. Именно в недрах левого движения рождаются идеи новой семьи, против которой выступает в статье архиепископ Иоанн:

«Прежде всего, бросим взгляд на домашнюю семейную жизнь трудящихся по отторжению их от церкви. Брак трудящихся уже не таинство, не священный, скрепленный обетами союз мужа и жены для христианского воспитания детей. Брак стал нотариальною сделкою мужчины и женщины в целях сожительства. Не на всю жизнь, а впредь до усмотрения. В любой момент нотариальная сделка может быть расторгнута. А воспитание детей? Иметь их не в моде, но если бы по оплошности таковые появились, то их можно сдать в приюты, или вообще сбыть с рук.

Моральный уровень такого брака ниже уровня птичьего брака, ибо птичья чета все-таки воспитывает своих птенцов, в стране же нотариальных браков нотариальная чета или сдает их в приют, или, выгоняя на улицу, умножает стаи уже прославившихся на весь мир «беспрizорных» детей.

Не сладка жизнь в приютах, но жизнь беспрizорных ужасна. Во время последних облав их находили ютящимися даже в навозных кучах. Чем занимаются эти беспризорные плоды нотариальной семьи? Большинство воровством, многие проституцией, почти все причастны к разным видам преступлений. И официальный счет беспризорных ужасающе велик, но на деле их, конечно, гораздо больше. Число их все растет. И это будущий народ...

Но ужас нотариального брака касается не только детей. С каждым годом множится число «беспризорных» разведенных жен, ибо есть не мало «мужей», которые при условиях нотариального брака, жен меняют чаще, чем башмаки. Эти беспризорные разведенные жены и для народной нравственности и для народного здоровья являются серьезнейшую угрозою» (с. 6).

Другая статья, возможно, написана ко Дню Святой Троицы. Нам, однако, точно это неизвестно. В деле 57, описи 1, фонде 7131 хранятся несколько статей, часть из которых не принадлежит перу архиепископа Иоанна. Это, безусловно, материалы для домашнего чтения. А часть написана им самим. Статья ко Дню Святой Троицы не подписана. Она набрана на печатной машинке и изобилует поправками, сделанными рукой архиепископа Иоанна. Так как статья примыкает к подборке уже авторских текстов (следующий документ – о политическом оппоненте главы православной церкви –

М. Скуенеке²⁷), а также по стилю изложения совпадает с тем, как обычно писал архиепископ Иоанн. Очевидно, статья представляет собой комментарий к 10 заповедям Моисея. В центре статьи мысль о том, что не богатство плохо само по себе, а желание обогатиться. Статья как бы написана в укор группе «Друзья церкви», так как стяжательство есть смерть религиозной веры. Приводим ее полностью за исключением тех мест, которые не удалось прочитать.

«В предлежащие праздники все церковные песнопения и молитвы славословят Духа Святого, ниспосланного на христиан. Многократная и многообразная сила Духа Святого, в Пятидесятницу «препоясавшая» христиан, противополагается другой силе, которую обычно препоясывают сыны мира сего, силе материальной и силе духовной определенно предвозвещается победа над враждебною материальною силою мира сего. Горсточка христиан, препоясавшись силою Духа Святого, с Пятидесятницею вступила в открытую борьбу с целым миром, препоясанным материализмом и постепенно стала свершать пред лицем всего мира чудо покорения материи духу. Внешне казалось, что сила христианства, по сравнению с силою мира, не более как зерно горчичное по сравнению с земным шаром, но из этого зерна горчичного, преодолевая несчетные препоны, выросло у всех перед глазами могучее древо христианства, корнями своими опоясавшее (шар) земной, ветвями своими

²⁷ Маргерс Скуенек (1886–1941) – политик, специалист по статистике, публицист. Два раза с 1926 по 1928 и с 1931 по 1933 гг. был министром-президентом Латвии. Позже руководил олимпийским комитетом. Член Сатверсме и депутат четырех сеймов. После событий 1940 гг. в Латвии депортирован в СССР и в 1941 году расстрелян.

осенившее весь мир. Закваска евангельская, духовная по существу, постепенно проникла во все поры мира, всюду рождая жизнь духа. Сия есть победа, победившая мир вера Христова. Побежденный духом Христовым мир доселе не хочет признать себя препобежденным, доселе побежденная материя не хочет сдаться духу и время от времени восстает на дух, обольщаясь тщетною надеждою подчинить победоносный и всепобеждающий дух материи. Побежденная материя бунтует против победителя – духа, время от времени этот бунт материи против духа принимает обольстительно широкие размеры. В частности, нашу эпоху характеризует бунт материи против всепобеждающей силы духа. В такие эпохи, как наша, материя становится смела и дерзка, и дерзанием своим обольщает многих, принимающих грубое дерзновение за подлинную силу, и сбивает с пути Христова.

Заповедь Христа – ищите прежде всего Царствия Божьего, и правды Его, Царствие Божие внутри вас есть, оно в духе и истине – под впечатлениями дерзновенного материализма многим начинает казаться ненадежным путем мироустройства жизни... Пример героев духа, победивших мир силою духа, при полном пренебрежении благами материальными, в такие эпохи, как наша, забываются, пренебрегаются, высмеиваются, отвергаются, хотя победы их налицо. Всею душою тянутся вновь к многократно и многообразно обманувшим человека и человечество материальным благам, материальным силам, чая в них найти спасение и личное существование. «Желаем обогатиться», вот краткая формула, данная еще апостолом Павлом всем пожеланиям этих обольщенных материей людей. Обратите внимание, он говорит здесь не о богатстве, а о желающих обогатиться.

Зло не в богатстве самом по себе. Богат был Авраам, богат был Иов, богат был Соломон. Богатство не порабощало их духа, их устремление в Царствие Божие, напротив, богатство в руках этих богатых было средством достижения высочайших духовных целей. В притчах Своих Спаситель не раз рисует образы праведного богатства и праведных богачей, обращавших богатство в средство духовных возвышеннейших целей, заставлявших тленную материю служить нетленному духу. Апостол осуждает желание обогатиться, когда или само богатство становится идолом для стяжания порабощающим его дух и все его силы, или когда желание обогатиться связано с намерением использовать богатство для низменных целей, как у безумного приточного (прим. т.е. содержащийся в притче) богача: «*Душе! имаши многа блага, лежаща на лета многа, почивай, яждь, пий, веселися»* (Лк 12:19) или для властовования над близкими людьми. Желающие обогатиться из таких низменных побуждений, по апостолу, впадают в различные сети, во многие безрассудные похоти, которые ввергают человека в бедствия и пагубу! (Тим 6:9). Кто исчислит множество зол, порождаемых такого рода желанием богатиться? Этого рода желания обогатиться апостол называет корнем всех зол. Этого рода стяжательство делает человека способным на всякое зло. Обратите внимание на текущую жизнь и на десять заповедей Господних, какая из них не нарушается одержимыми модным стяжанием, модных преклонений пред экономическим благосостоянием? Первая: Аз есмъ Господъ Бог твой, да не будут тебе бози иные разве Мене. Но для современного стяжателя кумир – богатство. Он, даже именуясь служителем Божиим, готов обворовывать Самого Бога, дом Его, достояние Его. Когда

представляется возможность неправедно умножать богатства свои, святыня ему не святыня, и Бог не Бог. Ослепленный гипнотизирующим блеском золота, он перестает видеть что бы то ни было, кроме золота. Для него на свете существует золото как единственная реальность, которой он готов принести в жертву всех и все и самого себя.

Не сотвори себе кумира... телец золотой его кумир, пред лицом которого он забывает все и всех.

Не приемли имени Господа Бога твоего всуе. И име-
нем Бога и всем святым готов он клясться, чтобы обмануть и обманом стяжать, чтобы неправедно присвоенное сохранить за собою.

Помни день субботний. Что ему праздник Господень, когда он чувствует себя по-праздничному только тогда, когда золото плывет к нему. Если великие дни Господни благоприятствуют ему в области стяжания, он именно их готов обратить в дни стяжания, обкрадывая именно в эти дни и дом Господень, и достояние Господне, и рабов Божиих. Современный поход на дни Господни прежде всего вызван стяжательством...

...Чти отца твоего и матерь твою. Но спросите име-
нитого старца, что переживает он от стяжательных на-
следников, которые ждут не дождутся его смерти, что-
бы овладеть достоянием его. Мало ли современность
дает случаев, когда наследники готовы ускорить
смерть близкого, чтобы воспользоваться наследством
его. Спросите чад стяжателя, и вы услышите скорбную
повесть предпочтения золота своим кровным чадам.

Не убий. Но ведь корень разбоев и грабежей, столь
обычных в нынешнее время ... в желании быстро обо-
гатиться.

Не прелюбы сотвори. Мало ли ныне идущих на на-
рушение этой заповеди в своих разнообразных прояв-

лениях из желания обогатиться. А в основе шантажных дел, хищнических дел, связанных с этой заповедью, разве не желание обогатиться?

Не укради. Воровство в наше стяжательное время стало явлением обыденным и повседневным решительно во всех кругах жизни, не исключая даже тех, где его можно бы менее всего ожидать. Крадут не только нужды ради, на пропитание. Крадут люди вполне обеспеченные, даже богатые, даже миллиардеры, как это обнаружили последние дела в Америке. Увлечение стяжанием всеми способами дошло до открытого провозглашения грабежа и воровства в правило жизни «Грабь награбленное». Хорошо украсть – заработать. Общественное сознание до того притулилось, что не только общеизвестные непойманные воры в почете, но и пойманные воры защищаются открыто как несчастненькие, а поймавшие их трактуются как люди жестокие, помешавшие воровством налаженному благополучию. Упадок сознания честности и чести дошел до того, что даже воровство из дома Господня, обкрадывание нищих находят себе ярых защитников, когда надо произвести сбор на доброе дело, на калек, на нищих, на дело Божие, трудно найти жертвователей, но когда нужно выручить из тюрьмы лицо, обокравшее нищих, обокравшее святыни, находятся жертвователи в пользу этих воров. Воровство становится выгоднейшего профессией. Если вор украл и его не поймали, украденное остается за ним невозвращено, если вора поймали и привлекли, на выручку его спешат жертвователи, чтобы покрыть убытки потерпевшего, а вора от ответственности освободить. При таких условиях современный вор всегда в выигрыше. Воровство не только не осуждается, оно культивируется в наш стяжательный век,

как своего рода спорт, и обратившихся в рекордсменов спорта всегда готовы кадры выручавших и деньгами, и советами, и мерами против тех, на чей обязанности лежит изобличение и привлечение воров. Тут в дело пускается и террор, и шантаж, и лжесвидетели, готовые показать, что вор воровал с высокими общественными целями, с целями благотворительными, как будто еще существует заповедь не укради и кодекс, карающий за воровство, но фактически современною стяжательною материалистическою действительностью и заповедь и законы как будто упразднены, кради, но не попадайся, а на случай провала умей наперед организовать для себя лазейки и кадры защитников и заступников, готовых на все. Эта черта нашего материалистического времени показательна. Почему мог привиться современности и широко распространиться грабительский коммунизм. Если не потому, что психология современности стала благоприятна ворам и грабителям. Сегодня покровительство ворам, героические меры по избавлению воров от ответственности, а на завтра грабь награбленное. Разве не этим путем создавалась почва для коммунизма на Руси? Коммунизму предшествовало потворство и покровительство ворам. Были воры и воровство, коим общественное мнение шло навстречу, которые пользовались своего рода общественною защитою, изобличение которых считалось предательством, например, воров политических, обворовывавших и грабящих казну и общественные учреждения и частных лиц с политическими целями. Отсюда один шаг до оправдания массового грабежа, массового воровства по побуждениям общественно политическим. Этому явлению способствовали и международные узаконения, и обычаи: вор и грабивший и воровавший с общественно-

политическими целями всегда мог рассчитывать на невыдачу суду той страны, в которой совершено преступление. Коммунизм, узаконивший воровство и грабеж, не в воздухе родился, его воспитали, почву для него подготовили сообща. Подготовка почвы коммунизму продолжается и только по приходе коммунизма восчувствовывается, что значит потворство и покровительство ворам.

Не послушествуй на друга твоего свидетельства ложна... Что для стяжателя, готового обокрасть, ограбить ближнего, доброе имя его. Звук пустой. Чтобы извергнуться от изобличителя, вор готов не только на всякое лжесвидетельство против него, он готов на ликвидацию его не только доброго имени его, но его самого.

Не пожелай... Но в том-то и дело, что вся энергия, все помыслы стяжателя пускаются в оборот для осуществления преступного пожелания стяжать себе то, что принадлежит ближнему. Пожелание это – душа всех деяний стяжателя. Стяжательная наша современность не только не осуждает этого рода пожеланий, она всемерно выражает одобрение пожеланиям стяжания, усматривает в них признаки силы, пред которою склоняются все головы, занятые мечтами о стяжании. Если пришлось бы облечь в заповедь настроения современности, заповедь эту пришлось бы облечь в форму совершенно противоположную Моисеевой заповеди: пожелай всего того, что запретил тебе сделать Моисей и не только пожелай, но и имей мужество и ловкость захватить все это, и будешь кумиром современности.

Некоторые стяжатели, говорит апостол, уклонялись от веры. Стяжательность – это смерть религиозной веры. Пристрастие к золоту, извлеченному из недр земли, представляющему из себя так сказать квинтэссен-

цию материи, убивает в человеке все возвышенное, возносящееся над землей, над материальным. Невозможно служение Богу и мамоне. Удобнее верблюду сквозь игольное ухо пройти, чем стяжателю войти в Царствие Божие. С грузом золота ввысь не поднимешься. Иди, продай имения твои и дай нищим, – заповедь не для стяжателей, всю энергию полагающих на то, чтобы не только не раздавать, но приумножать стяжания. Разве в последнюю смертную минуту стяжателю становится ясно то, что стало ясно в предсмертный час евангельскому богачу: в сию ночь душу твою истягнут от тебя, а то, что ты собрал, кому будет, но это запоздалое сознание не в силах исправить уже ничего в прожитой в стяжаниях жизни.

Простая общедоступная истина, что даже самый богатый из богачей не может (есть) больше, чем досыта, недоступна одержимым стяжательностью. Если Господь даровал тебе эту возможность сытости, не зависитому, кто имеет больше тебя, ибо и он может есть только досыта, как и ты. Но у него и чрез золото слезы льются, что шелками и бархатами внутренних бед и зол не изжить. Притча о яблоке Ирода незабываема: яблоко на вид краше всех, но внутри его червь, не взирая на пышную внешность. Так было, так есть и так будет. То, что называется счастьем жизни, что красит жизнь, что делает ее полновесной и содержательной, не измеряется твоими стяжаниями и не может бытькуплено на эти стяжания, хотя бы размеры этих стяжаний были больше, чем у любого другого стяжателя в мире сем. Ясно, что в вечность не возьмешь с собою ни единой крупицы золота, но что злодеяния, совершенные в погоне за золотом, пойдут со стяжателем и в вечность в качестве обличителей жалобщиков.

Величайшее приобретение быть благочестивым и довольным, говорит св. апостол. Если ты довольствуешься, доволен тем, что имеешь, тем, что Господь тебе дал, не завидуешь тому, кому дано больше, чем тебе, не простираешься ни мыслию, ни деланием на чужое, тебе не принадлежащее, и ведешь себя так из смиренного подчинения воле Отца Небесного, лучше тебя знающего, что полезно и что вредно тебе и непрестанно пекущегося о тебе больше и лучше, чем это делаешь ты сам о себе. Ты обладаешь тем великим приобретением, о котором говорит здесь св. апостол.

Что делает несчастными столь многих наших современников?

Завистливое недовольство, жадная неудовлетворенность. Постоянно взирают не на то, что дано, что имеют, а на то, чего не дано. Оставлено древнее мудрое правило: имея пропитание и одежду, будем довольны тем, что есть. Умей жить в скучности и в изобилии, в голоде и сытости, пребывать в обилии или недостатке. Я могу все превозмочь в укрепляющем меня Господе (Флп 4:12-13).

Стяжатель всегда недоволен. Даже в дни величайшего благополучия он завидует не только тем, кому дано больше, чем ему, но и тому, что находится в руке бедняка. Он хотел бы все загрести в свои руки, и нужное и ненужное, излишнее. Ничего мы не внесли в этот мир, ясно, что с собою взять ничего не можем в мир иной. Шесть досок гробовых, вот к чему сводится все земное. Золото, камни, ценности, шелка, бархаты и вся ненужная тщета, которая обольщает нас здесь, там, в другом мире, будет устрашать нас своею пустотою. А может быть станет нашими обличителями. Они напомнят пред лицом небесного Судии и слезы и стоны близких, за

счет насущного хлеба которых ты собирал всю эту ничемную тщету. Они напомнят тебе и голодных и на-
готавляющих (от слова *наготовствующий* – испытывающий недостаток в одежде – С. М.), бездомных, безработных, которых ты отверг, чтобы сохранить за собой эту тщету. Когда ты озираешься кругом себя, сравнивай себя не с теми, у кого достаток больше, чем у тебя, а с теми, у кого его меньше, сравнивай с теми кто считал бы за счастье, хотя бы один день прожить, так как живешь ты повседневно. Взирая не на то, чего ты лишен, а на то, что и тебе дано. Если тебе показалось бы, что тебе ничего не дано, но во всем отказано, что ты считаешь благом жизни, и в этом случае ты не будешь роптать, если искренне веруешь в Бога, который всем людям хочется спастися и в разумение истины прийти [...] Господь даде, Господь отъять, буди имя Господне благословленно, скажешь ты с Иовом в лишениях. Слава Богу за все, скажешь ты со св. Златоустом. Буди мне по глаголу Твоему, скажешь ты с Пресвятою Девою, хотя бы и не понятны были тебе пути водительства Господня.

Но проповедовать такое смиренное, покорное, нестяжательное довольство, когда современность властно зовет на путь стяжания, на путь неустанного экономического соревнования и от экономических завоеваний ждет рая земного, когда соревнуются не на живот, а на смерть конкурирующие между собою грандиозные предприятия, когда все обяты лихорадкою стяжания, не значит ли это отставать от шага времени? Конечно, это так, но это не должно нас смущать. Мы должны помнить слово Господне: какая польза человеку, аще мир весь приобретет, душу же свою погубит? Что же даст человек взамен души своей?

Стяжатели всегда были и будут, и в ту пору, когда жил на земле Христос и его одухотворенные апостолы,

их было не меньше, чем ныне и величина стяжаний была может быть крупнее, чем ныне. Но что оставили миру и человечеству все эти стяжатели, все эти ценители экономических благ и приобретений, экономического развития. Истлели их стяжания, истлели в земле стяжатели, даже имена их забыты как нечто малоценнное. Если кого из них и вспоминают, то лишь по тому злу, которое они причиняли современникам.

Иное дело апостолы нестяжания, рыцари духа, явившие миру образцы борьбы с материализмом жизни и в себе и вне себя. От них нами получено все то нетленное наследие духовных ценностей, которыми гордится человечество и живет человечество. Имена их сохранены, как святыни человечества, пред ними благоговеют даже современные (пропагандисты) стяжания. Эти имена в нынешние тяжелые кризисные времена для нас должны быть особенно дороги. Они оставили нам и мудрое слово, и мудрые примеры, как быть счастливым и в самые тяжелые кризисные времена, как сохранить св. чистоту среди самой ужасающей нечисти мира сего, почерпая силу не в материальном, а в нематериальном, духовном, в Духе святом. Посему повседневно очистительную молитвою для нас пусть будет молитва праздника Духа Святого: «Царю Небесный, Утешителю, Душе истины, иже везде сый и вся исполняй, сокровище благих и жизни Подателю, прииди и вселися в ны, и очисти ны от всякия скверны, и спаси, Блаже, души наша».

Рига, 2014 г.

**ОТЦЫ ЦЕРКВИ.
ВЕК XX**

Протоиерей Сергей Модель

Сергей Модель родился в 1972 г. в Москве; правнук священномученика Иоанна Орлова¹ ([1881–1938], подмосковного священника, канонизированного РПЦ в 2002 г.); Сергей был крещен духовным отцом его родителей, о. Александром Менем, память которого он чтит и поныне.

В детстве эмигрировал с семьей в Бельгию. Учился в Лувенском Католическом Университете и в Свято-Сергиевском православном Богословском Институте в Париже.

Диакон (2002), священник (2004) РПЦ в Бельгии. С 2003 по 2011 г., был епархиальным секретарем Брюссельско-Бельгийской Архиепископии Московского Патриархата. С 2014 г. – настоятель Свято-Никольского собора РПЦ в Брюсселе. Преподает Церковную историю в Парижской духовной семинарии (Московский Патриархат) и в православном Богословском Институте св. Апостола Павла (Константинопольский Патриархат) в Брюсселе. Переводчик и издаатель на французском языке трудов архиепископа Василия Крикошеина.

Женат, отец двоих детей.

¹ О священномученике Иоанне Орлове см. «Христианос-XIV», 2005. С. 71–77.

ОСНОВОПОЛОЖНИК «НЕОПАТРИСТИКИ» В ПРАВОСЛАВНОМ БОГОСЛОВИИ XX ВЕКА: АРХИЕПИСКОП БРЮССЕЛЬСКИЙ И БЕЛЬГИЙСКИЙ ВАСИЛИЙ (КРИВОШЕИН, 1900–1985)

Православное богословие в XX веке, как известно, пережило эпоху подлинного возрождения. Вопреки некоторым утверждениям, это возрождение произошло, в основном, в эмиграции, в православной диаспоре, где полная независимость от государств позволяла свободно размышлять над православной традицией. Одновременно получили развитие несколько течений: философский идеализм, на основе которого возникли софиологические доктрины, евхаристическая экклезиология, а также «неопатристический синтез», призывающий заново открыть Отцов Церкви, что предполагало, одновременно, и возвращение к их основополагающим интуициям, и обновление. До сих пор остаются недостаточно известными широкому кругу читателей труды одного из первопроходцев и величайших представителей этого движения – архиепископа Василия (Кривошеина).

Сын царского министра

Архиепископ Брюссельский и Бельгийский Василий (в миру Все́волод Александрович Кривошеин) родился 17/30 июля 1900 г. в Санкт-Петербурге. Его отец Александр Васильевич Кривошеин (1858–1921) был ближайшим сотрудником Столыпина и в 1908–1915 гг. занимал пост министра сельского хозяйства. В 1920 г. А. В. Кривошеин был председателем правительства

генерала Врангеля в Крыму². Окончив в 1916 г. гимназию, будущий святитель (четвертый из пяти сыновей министра³) поступил на историко-филологический факультет Петроградского университета, а с 1917 г. продолжил учебу на том же факультете, но уже в Московском университете⁴.

Свидетель февральской революции 1917 г.⁵, Всеволод Кривошеин вступил в Белую Армию в 1919 г.⁶, но,

² О нем см. *Кривошеин К. А.* Александр Васильевич Кривошеин. Судьба российского реформатора. М., 1993.

³ О семье Кривошениных см. напр.: Судьба века. Кривошенины. СПб, 2002 ; Церковь владыки Василия (Кривошенина) / *Мусин А.* Нижний Новгород, 2004. С. 113–114.

⁴ *Василий (Кривошеин), архиеп.* Автобиографическая заметка [машинопись].布鲁ssel. C. 1 и Son Excellence Monseigneur Basile, Archevêque de Bruxelles et de Belgique: note biographique à l'occasion de son 80e anniversaire [Высокопреосвященнейший архиепископ Брюссельский и Бельгийский Василий (Кривошеин): биографическая справка по случаю его 80-ой годовщины] // Вестник Русского Западно-Европейского Экзархата (далее: ВРЗПЭ). № 105–108. 1980–1981. С. 3. См. также сайт, посвященный архиепископу Василию: <http://basilekrivocheine.org>

⁵ *Василий (Кривошеин), архиеп.* Воспоминания. Нижний Новгород, 1998. С. 10–28, 322 и *Василий (Кривошеин), архиеп.* Спасенный Богом, СПб, 2007. С. 12–30. Эти воспоминания вошли почти без изменений в «Красное колесо» А. Солженицына, «Узел 3-й: март семнадцатого». Солженицын А. И. Красное колесо: в 10 тт. М., 1993–1997. Т. 5. С. 250–255, 383–386.

⁶ Всеволод Кривошеин служил во втором полку дивизии генерала Дроздовского (Добровольческая армия генерала Деникина). Об этом полку см.: Туркул А. В. «Дроздовцы» в огне. Картины гражданской войны, 1918–1920. М., 1996. См. также: *Василий (Кривошеин), архиеп.* Воспоминания... С. 32–197, Церковь владыки Василия (Кривошенина)... С. 136 и Спасенный Богом ... С. 33–244. Заметим, что трое из четверых его братьев воевали на стороне «белых»; двое из них погибли.

получив обморожение руки и ноги, был эвакуирован вместе со многими беженцами в 1920 г. во Францию. Там он завершает свое обучение на филологическом факультете Сорбонны, активно участвуя при этом в Русском Студенческом Христианском Движении (РСХД). Он также записывается в Свято-Сергиевский православный богословский институт, который только что открылся в Париже. Жизнь будущего иерарха резко меняется после паломничества в 1925 г. на Святую Гору Афон, где он решает вместе с Сергеем Сахаровым (будущим архимандритом Софронием) принять монашество.

«Монах Восточной Церкви»⁷

Монашеские обеты⁸ были принесены Кривошеиным с наречением имени Василий в русском Свято-Пантелеимоновом монастыре на Святой Горе. Там он проникся афонским духом под руководством великих старцев той эпохи⁹. Будучи полиглотом и эрудитом, молодой инок был привлечен к административным послушаниям в своей общине: став секретарем, затем членом монастырского совета, он в 1942–1945 гг. представлял его в «парламенте», а в 1944–1945 гг. и в «правительстве»

⁷ Так себя сам называл француз, ставший православным монахом, отец Лев (Жилле).

⁸ По принятии на послушание 21 ноября/4 декабря 1925 г., он был пострижен 24 марта/6 апреля 1926 г. и принес монашеские обеты 5/18 марта 1927 г. См.: Церковь владыки Василия (Кривошеина). С. 116–117.

⁹ Среди них можно упомянуть архимандритов Мисаила (Сопегина), Кирика (Максимова), Илиана (Сорокина), отцов Феодосия Карульского, Вениамина Капсальского, Диадоха (Дружинина), Трофима (Кочина) и прп. Силуана (Антонова) Афонского. См. Русский афонский отечник XIX–XX веков. Афон, 2012.

Святой Горы. Одновременно монах Василий посвящает себя изучению православного богословия, в особенности патристики, и в 1936 г. выходит в свет его исследование о свт. Григории Паламе, которое становится «классическим» в этой области¹⁰. Пытаясь вернуть из забвения великого учителя исихазма, а также стараясь ответить современным оппонентам «паламизма», Кривошеин прежде всего обращается к анализу учения святителя Григория Паламы об отношениях между Богом и человеком. Различие между сущностью и божественными энергиями «по всему смыслу учение св. Григория Паламы имеет онтологический, объективный характер»¹¹, при этом «различие в [Боге] не нарушает ни единства, ни простоты [Его] и не вносит в Него ни сложности, ни множественности»¹². Энергии, будучи не-ипостасными реальностями, как объясняет владыка Василий, являются «действиями в раскрытии миру Самого Бога»¹³. Рассматривая учение Паламы как наиболее полное выражение православной духовности, он полагает, что «только на основе этого учения возможно последовательно утверждать действительность общения человека с Богом и реальность обожения, не впадая при этом в пантеистическое слияние твари с Божеством»¹⁴.

¹⁰ Василий (Кривошеин), монах. Аскетическое и богословское учение св. Григория Паламы // Seminarium Kondakovianum. № 8. Прага, 1936. С. 99–154. Это исследование впоследствии было также опубликовано на английском, французском и немецком языках.

¹¹ Василий (Кривошеин), монах. Аскетическое и богословское учение св. Григория Паламы // Богословские труды (1952–1983). Нижний Новгород, 1996. С. 148–149.

¹² Там же. С. 164.

¹³ Там же. С. 165.

¹⁴ Там же. С. 207.

После Второй мировой войны политические обстоятельства, в контексте греческой гражданской войны, заставили многих русских монахов покинуть Афон. Среди них был и монах Василий (Кривошеин). В 1947 г., после 22 лет, проведенных на Святой Горе, он вынужден был оттуда уехать¹⁵.

Приняв приглашение быть одним из редакторов «Греческого патристического словаря», издававшегося в Оксфордском университете¹⁶, о. Василий остается в этом городе. 22 мая 1951 г. его рукополагают в сан иеромонаха¹⁷ в юрисдикции Московского Патриархата.

В 20-е гг. прошлого столетия, русская православная эмиграция разделилась на три независимых и порой противостоящих друг другу группы-юрисдикции: Зарубежный Синод; Архиепископия Западной Европы (перешедшая в подчинение Константинопольского Патриархата); и Московский Патриархат. Именно с последним и связал свою судьбу отец Василий, желавший оставаться в общении с Матерью-Церковью и прямой связи со своей Родиной и ее народом.

В Оксфорде иеромонах Василий продолжил свои исследования, публикуя статьи в британских, француз-

¹⁵ Ложно обвинен в сотрудничестве с немцами во время войны (но в действительности подозреваемый в просоветских настроениях), отец Василий был даже временно арестован греческими властями и заключен в лагерь на острове Макрониссос в Эгейском море. См. *Василий (Кривошеин), архиеп. Переписка с Афоном. Письма и документы*. М.-Брюссель, 2012. С. 13–14.

¹⁶ *Patristic Greek Lexicon / Lampe G.W.H. Oxford, 1968.* См. также: *Городецкий М., диак. Архиепископ Брюссельский и Бельгийский Василий (Кривошеин) // Приходской бюллетень Свято-Никольского собора в Брюсселе. 1986. № 1. С. 4.*

¹⁷ *Василий (Кривошеин), архиеп. Воспоминания... С. 203–204.*

ских, немецких, итальянских и греческих научных журналах, участвуя в международных конгрессах по патрологии, византииcтике и догматическому богословию¹⁸. Важнейшим творением во время его пребывания в Великобритании стало критическое издание писаний преподобного Симеона Нового Богослова, византийского мистика XI в. Эта работа, на которую у него ушло несколько лет, была издана в 1963–1965 гг. в знаменитой французской патристической серии «Sources Chrétien-nes»¹⁹. Блестяще увенчать свои многолетние исследования, посвященные этому святому, ему удалось уже в 1980 г. изданием биографии прп. Симеона Нового Богослова²⁰. Митрополит Каллист (Уэр) справедливо охарактеризовал богословский подход владыки Василия как «академический кенозис», поскольку, прежде всего автор старается предоставить «Симеону самому говорить за себя», так, чтобы учение великого византийского мистика, для которого личный опыт видения Бога является важнейшим элементом христианской жизни, предстало в неискаженном виде. В других своих трудах,

¹⁸ Большая часть этих работ собрана в: *Василий (Кривошеин), архиеп.* Богословские труды (1952–1983). Нижний Новгород, 1996 и *Василий (Кривошеин), архиеп.* Богословские труды. Нижний Новгород, 2011. Другие сочинения на русском и французском языках опубликованы в Вестнике Русского Западноевропейского Патриаршего Экзархата (ВРЗПЭ), главным редактором которого он являлся. Некоторые были переизданы отдельными брошюрами.

¹⁹ *Syméon le Nouveau Théologien. Catéchèses: 3 tomes / Introduction, texte critique et notes par Basile Krivocheine, Mgr; traduction par Paramelle J., s.j.* Paris, 1963–65.

²⁰ *Василий (Кривошеин), архиеп.* Преподобный Симеон Новый Богослов (949–1022). Париж, 1980. Эта книга была одновременно опубликована и на французском языке издательством Шеветоньского монастыря.

посвященных вопросам экклезиологии и канонического права, владыка Василий неизменно демонстрирует верность традиции Церкви. Вместе с тем он не стесняется высказывать весьма смелые предложения, как, например, учреждение постоянного Всеправославного Синода при Вселенском Патриархе, чтобы на общечерковном уровне надлежащим образом исполнялось 34-е апостольское правило...

Архиерей-богослов

Вскоре талантливый богослов и к тому времени уже опытный пастырь, архимандрит Василий был призван Церковью к епископскому служению. 14 июня 1959 г. в Лондоне архимандрит Василий был хиротонисан во епископа Волоколамского, викария Патриаршего Экзархата Западной Европы с местопребыванием в Париже²¹. В своей речи на интронизации, новопоставленный епископ произнес: «Я счастлив принадлежать к Русской Православной Церкви, Московской Патриархии, Церкви исповедников веры Христовой, высоко держащей яркий светоч Святого Православия. [...] Верю, что наше пребывание в Западной Европе не есть нечто случайное, но определено Промыслом Божиим, и что на всех нас возложена задача свидетельствовать перед народами Запада об истине православной веры, распространять ее в инославной среде, содействовать созданию и укреплению Западного Православия с конечной целью воссоединения всего христианского мира во Едину, Святую, Кафолическую и Апостольскую Церковь»²².

²¹ См.: Наречение и хиротония архимандрита Василия (Кривошеина) // ЖМП. № 9. 1959. С. 27–32.

²² Там же. С. 29.

Отныне его постоянной заботой станет свидетельство о Вселенском Православии и русской культуре.

Епископу Василию, однако, не пришлось надолго задержаться в Париже. В 1960 г. он был назначен правящим архиереем Брюссельско-Бельгийской епархии на место скончавшегося митрополита Александра (Немоловского)²³. По своему назначении в Брюссель²⁴, владыка Василий прибыл в бельгийскую столицу и вскоре совершил поездку в Россию, где 21 июля 1960 г. был возведен в сан архиепископа²⁵.

Епархия Московского Патриархата в Бельгии получила свое начало от старейшего в стране православного храма святителя Николая Чудотворца, основанного в Брюсселе в 1862 г. С 1929 г. храм стал кафедральным собором новоучрежденной епархии. Бельгийское государство утвердило сложившееся положение изданием королевского указа в 1937 г. Отныне за епархией признавался статус «общественно полезного учреждения», а за ее главой титул «русского православного архиепископа Брюссельского и Бельгийского»²⁶.

С назначением владыки Василия в Брюссель, бельгийская православная епископская кафедра приобрела значительный вес. Действительно, как писал «Вестник

²³ О нем см. *Модель С., свящ.* Забытая фигура русского зарубежья: митрополит Брюссельский и Бельгийский Александр Немоловский, 1875–1960. «Церковь и Время». № 3(56). 2011. С. 191–210.

²⁴ Постановление Священного Синода Московского Патриархата от 31 мая 1960 г. // ЖМП. № 7. 1960. С. 5.

²⁵ Указ Его Святейшества Алексия, Патриарха Московского и всея Руси от 21 июля 1960 г. // ВРЗПЭ. № 33–34. 1960. См. также *Василий (Кривошеин), архиеп.* Воспоминания... С. 241.

²⁶ См. *Модель С., прот.* «Всякая чужбина для них отечество». 150 лет присутствия Православия в Бельгии (1862–2012). Париж, 2014.

Русского Западноевропейского Патриаршего Экзархата»: «Новый епископ занимает в русской иерархии особое положение. Известный благодаря своим знаниям патрологии, он столь же хорошо знаком с греческим Востоком. [...] Его лично знают многие иерархи, включая Вселенского Патриарха Афинагора и Патриарха Александрийского Христофора. [...] Русская Церковь приобрела, таким образом, нового епископа-богослова»²⁷.

Именно так, с самого своего назначения, роль архиепископа Василия была ясно определена: архиерей-богослов. Владыка представлял Московский Патриархат на четырех Всеправославных совещаниях (на Родосе в 1961²⁸, 1963²⁹ и 1964³⁰ гг., в Шамбези в 1968 г.³¹); он участвовал в богословском диалоге с англиканами (в Белграде, 1966 г.)³² и старокатоликами

²⁷ Наречение и хиротония архимандрита Василия (Кривошеина)... С. 211.

²⁸ Василий (Кривошеин), архиеп. La conférence panorthodoxe de Rhodes [Всеправославная конференция на Родосе]. ВРЗПЭ. № 40. 1961. С. 179–189 и Воспоминания... С. 273–282.

²⁹ Василий (Кривошеин), архиеп. Вторая Всеправославная конференция на Родосе // ЖМП. № 4. 1964. С. 32 и Василий (Кривошеин), архиеп. Воспоминания... С. 285–286.

³⁰ Василий (Кривошеин), архиеп. Третья Всеправославная конференция // ЖМП. № 7. 1965. С. 42 и Василий (Кривошеин), архиеп. Воспоминания... С. 301–309.

³¹ Василий (Кривошеин), архиеп. Четвертое Всеправославное совещание // ЖМП. № 1. 1969. С. 45–53 и Василий (Кривошеин), архиеп. Воспоминания... С. 315–316.

³² Василий (Кривошеин), архиеп. Межправославная комиссия по диалогу с англиканами // ЖМП. № 6. 1969. С. 35–48. См. также: Василий (Кривошеин), архиеп. Богословский диалог между Православной Церковью и англиканским вероисповеданием и его проблемы // ВРЗПЭ. № 59. 1967.

(в Вене, 1965 г.)³³, в работе Всемирного Совета Церквей (на ассамблеях в Монреале в 1963 г. и в Упсале в 1968 г.), а также принимал участие в 25-летнем юбилее монашеской обители Тезэ 28–29 августа 1965 г. Он являлся участником ежегодных богословских коллоквиумов католического монастыря Шеветонь, а также «литургических съездов» Свято-Сергиевского православного Богословского Института в Париже. Разумеется, владыка Василий участвовал и в различных церковных мероприятиях в России. Во время одной из поездок на Родину, 14 октября 1964 г., ему была торжественно присуждена степень доктора богословия духовной академии его родного города³⁴.

Отец бельгийского православия

Архиепископ Василий обладал, по отзывам его современников, «исключительной верностью Православию». Оставаясь в то же время весьма открытым, он был «одним из тех редких людей, которые понимали, что служение Церкви должно осуществляться в любых

С. 157–178; *Василий (Кривошеин), архиеп.* Богословские собеседования по вопросу об англиканском священстве между Англиканской и Русской Православной Церквами // ЖМП. № 7. 1967. С. 45–53; *Василий (Кривошеин), архиеп.* Сессия межправославной комиссии по диалогу с англиканами (Хельсинки, 7–11 июля 1971 г.) // ЖМП. № 4. 1972. С. 55–58.

³³ *Василий (Кривошеин), архиеп.* XIX Международный Старокатолический конгресс в Вене // ЖМП. № 11. 1965. С. 46.

³⁴ Эта степень была ему присуждена за совокупность его трудов, а в особенности за его издание «Огласительных слов» прп. Симеона Нового Богослова. См.: *Василий (Кривошеин), архиеп.* Воспоминания... С. 297, 301.

Архимандрит Василий (Кривошеин), 1970 г.

исторических условиях, безо всякой подчиненности им или принятия всего как данности»³⁵.

Именно он положил основание использованию в литургической жизни православных приходов Бельгии местные языки (французский и нидерландский). В то время как первые эмигранты стремились к сохранению языковой и культурной самобытности, новому поколению – детям, рожденным в смешанных семьях, и обратившимся в Православие европейцам – местные языки стали необходимы для выражения веры. Поэтому 19 мая 1963 г. владыка Василий освятил первую часовню для франкоговорящих верующих в Брюсселе. Вслед за этим, в 1960–1970-х гг., появились и другие франко- и нидерландскоязычные православные общины, среди которых следует упомянуть недавно отпраздновавший свое 30-летие небольшой монастырь в местечке Первейзе во Фландрии на бельгийском побережье³⁶.

Следует также упомянуть и о межправославных связях, укреплению которых владыка придавал большое значение, и главным образом с бельгийской греческой общиной (значительно возросшей в ходе экономической эмиграции 50-х гг. прошлого столетия). Первоначально, не имея своих храмов, греки посещали русские храмы, но вскоре ими были созданы собственные приходы, объединившиеся в епархию в 1969 г. При этом взаимоотношения между диаспорами продолжали оставаться братскими³⁷.

³⁵ Lossky N. Son Eminence Monseigneur Basile, archevêque de Bruxelles et de Belgique: in memoriam [Высокопреосвященнейший архиепископ Брюссельский и Бельгийский Василий (Кривошеин): некролог]// ВРЗПЭ. № 115. 1987. С. 43–44.

³⁶ См. Модель С., прот. «Всякая чужбина для них отечество»...

³⁷ В 1969 г. архиепископ Василий принимал участие в интронизации первого греческого митрополита – Эмилианоса

Важным моментом в межправославных отношениях в Бельгии, в котором участвовал владыка Василий, стал Съезд православных Бельгии, проходивший 27–29 октября 1972 г. в Маль (близ Брюгге). Более 150 человек, прибывших из Бельгии и соседних стран, собрались на эту первую встречу православных³⁸ в нашей стране. Второй подобный съезд был организован в 1977 г. в Натуа (Ардennes). Архиепископ Василий участвовал также и в V Западноевропейском православном съезде, проходившем в Генте в 1983 г.

Активным было и экуменическое сотрудничество русской архиепископии в Бельгии. Помимо богословских встреч, священники епархии принимали участие в ежегодной «Неделе молитв о единстве христиан»³⁹. В 1970 г. владыкой Василием совместно с его духовенством была впервые отслужена православная вечерня в базилике Кукельберг (в Брюсселе)⁴⁰. В том же году он принял участие в создании «Брюссельского межцерковного комитета» – межхристианского органа бельгийской столицы, в который входили католики, протестанты, англикане и православные⁴¹. Твердый

(Захаропулоса), позже, в 1983 г. – в интронизации преемника последнего, митрополита Пантелеимона (Контояниса).

³⁸ *L'hoest F. Le Congrès orthodoxe de Bruges [Православный Съезд в Брюгге] // Le Messager orthodoxe. № 58. 1972. Р. 62–64.*

³⁹ Неделя молитв о единении христиан проводится ежегодно в январе. Идея выделить специальное время для молитв о восстановлении утраченного некогда единства принадлежит католическому священнику из Лиона – аббату П. Кутюре. Начиная с 1935 г., неделя молитв о христианском единстве проводится ежегодно в католических приходах и охватила весь западный христианский мир.

⁴⁰ *ВРЗПЭ. № 64. 1970. С. 4–5.*

⁴¹ *Lettre du Comité préparatoire en vue de la formation d'un Comité interecclésial à Bruxelles [Письмо подготовительного*

в исповедании православной веры, но и открытый к христианскому Западу русский архиепископ был также связан узами дружбы с католическими иерархами, в частности, с кардиналом Сюененсом и апостольскими нунциями в Бельгии⁴². В качестве официального представителя Русской Церкви он дважды участвовал во встречах с папой Иоанном-Павлом II (в Париже в 1980 г. и в Мехелене в 1985 г.). В том же 1985 г. Православие было признано бельгийским законодательством в качестве официального религиозного культа, наряду с католицизмом, протестантизмом, иудаизмом и исламом, что дало право на определенные льготы и поддержку со стороны государства⁴³.

Международные поездки

В международном плане архиепископ также совершил ряд важных поездок: в 1977 г. владыка Василий (участвовавший в 1963 г. в празднествах в Венеции, посвященных тысячелетию Горы Афон)⁴⁴ смог вновь приехать на Святую Гору и увидеть русский Свято-Панте-

комитета в преддверии образования Брюссельского межцерковного комитета] [машинопись]. Брюссель, 20 ноября 1970 г.

⁴² *Городецкий М., диак.* Архиепископ Брюссельский и Бельгийский Василий (Кривошеин)... С. 6; *Deleclos F. Rencontre avec l'archevêque russe Basile Krivochéine* [Встреча с русским архиепископом Василием Кривошеиным] // *La Libre Belgique*. 26–27 février 1980. Р. 28 и *Василий (Кривошеин), архиеп.* Воспоминания... С. 332–333.

⁴³ См. *Модель С., прот.* «Всякая чужбина для них отечество»...

⁴⁴ *Василий (Кривошеин), архиеп.* Международный конгресс в Венеции, посвященный тысячелетию горы Афон // ЖМП. № 2. 1964. С. 54.

леимонов монастырь, который он оставил в 1947 г. Еще раз ему суждено было посетить Грецию в 1979 г., где он в качестве представителя Русской Православной Церкви участвовал в торжествах, посвященных 1600-летию преставления святителя Василия Великого⁴⁵. Ранее, в 1966 г., по приглашению Иерусалимского патриарха, владыка совершил паломничество на Святую Землю. Но, конечно же, главной радостью для владыки были поездки в Россию: вслед за своей первой поездкой в 1956 г. он был там еще около двадцати раз. На родине он участвовал в богослужениях, посещал храмы и монастыри, памятники истории и древнерусского искусства⁴⁶. Он ценил контакты с верующими соотечественниками, для которых он был связующим звеном между ушедшей и настоящей Россией, между русскими в России и в эмиграции⁴⁷. Его происхождение, равно как и его выступления в защиту свободы, обеспечили ему определенную популярность и среди русских диссидентов, для которых он являлся «примером». Его влияние было, быть может, даже большим на родине, чем в эмиграции, где большинство – при всем уважении к нему лично – сторонилось Московского Патриархата.

«Красный антисоветчик»

Отношение к владыке Василию не было однозначным в разных кругах: в то время как на Западе кто-то считал его «красным» по причине его принадлежности

⁴⁵ Городецкий М., диак. Архиепископ Брюссельский и Бельгийский Василий (Кривошеин)... С. 6.

⁴⁶ Там же. С. 7.

⁴⁷ Чистяков Г., свящ. Красный антисоветчик // Русская Мысль. № 4323. 22–28 июня 2000. С. 19.

к Московскому Патриархату, в Советском Союзе его побаивались как «опасного белоэмигранта»⁴⁸, который был «себе на уме» и имел свое собственное суждение о том, что ему представлялось «полезным» для Русской Церкви. Так, во время архиерейского совещания и Поместного Собора Русской Церкви 28 мая – 2 июня 1971 г.⁴⁹, избравшего патриарха Пимена, архиепископ Василий (Кривошеин) оказался единственным, кто заявил о необходимости тайного голосования в целях придания законности процедуре. Он равно обличал и Устав о приходских советах, принятый в 1961 г., который был, по его мнению, антиканоничным и разрушительным для Церкви. Он также публично выступал против высылки из СССР писателя Солженицына в 1974 г.⁵⁰, против ареста в 1980 г. священников-диссидентов Димитрия Дудко и Глеба Якунина, что было в его глазах вопиющим нарушением прав верующих в СССР.

В эпоху великих трудностей Православной Церкви в Советском Союзе эти действия владыки Василия являли его искреннюю привязанность к Церкви, сочетающуюся с бескомпромиссностью. Внимательно наблюдая за сложными взаимоотношениями между атеистическим государством и Церковью и ее наиболее высокопоставленными представителями (такими, как митрополиты Николай (Ярушевич) и Никодим (Ротов)⁵¹), он

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Городецкий М., диак. Архиепископ Брюссельский и Бельгийский Василий (Кривошеин)... С. 6; Василий (Кривошеин), архиеп. Воспоминания... С. 343–473.

⁵⁰ Это стоило владыке Василию нескольких лет «запрета» на въезд в СССР.

⁵¹ См. воспоминания владыки об этих иерархах: Василий (Кривошеин), архиеп. Воспоминания... С. 202–262, 266–341.

стремился сочетать верность церковному руководству с противостоянием давлению со стороны советской власти и не боялся открыто высказываться от имени Церкви, практически обретенной в те годы на безмолвие⁵². Всем, кто его спрашивал о том, что его удерживает в лоне Московского Патриархата, он отвечал, что, хотя и невозможно «оправдать» все действия последнего, можно, тем не менее, их частично «понять» и «простить»⁵³. Этой позиции он придерживался всю свою жизнь.

Дни земного жития владыки подходили к концу. Будучи уже больным, архиепископ Василий совершил в сентябре 1985 г. свою традиционную ежегодную поездку в Россию. Он вылетел в Москву 7 сентября в сопровождении своего секретаря диакона Михаила Городецкого⁵⁴. После участия в различных богослужениях в столице и приеме у патриарха владыка Василий отправился 10 сентября в свой родной город. Там он совершил несколько служб, встретился с преподавателями и студентами Ленинградской духовной академии, а затем посетил Новгород.

15 сентября, в последний день, предусмотренный для его поездки в город на Неве, архиепископ Василий отслужил Божественную Литургию в Преображенском соборе, прихожанами которого всегда была семья

⁵² Бобринский Б., прот. Памяти архиепископа Василия Брюсельского // Русская мысль. 25 октября 1985. № 3592
Василий (Кривошеин), архиеп. Воспоминания... С. 318–320).

⁵³ Василий (Кривошеин), архиеп. Воспоминания... С. 328.

⁵⁴ Городецкий М., диак. Последнее путешествие // Приходской бюллетень Свято-Никольского собора в Брюсселе. 1985. № 8. С. 11 и Церковь владыки Василия (Кривошеина)... С. 413–419.

Кривошеиных, жившая неподалеку. Это было его последнее богослужение: в тот же день он почувствовал себя плохо и был отвезен в больницу, где и угас к утру 22 сентября. Погребение владыки состоялось 24 сентября 1985 г. в Ленинграде. Согласно воле его близких, он был похоронен на Серафимовском кладбище своего родного города.

В Брюсселе память архиепископа Василия почтили торжественной панихидой, отслуженной в Свято-Никольском кафедральном соборе на девятый день его кончины. Возглавил ее митрополит Бельгийский Пантелеимон (Константинопольский Патриархат), которому сослужило русское, греческое и румынское духовенство столицы. На панихиде присутствовали многочисленные государственные и церковные деятели⁵⁵. Как было отмечено в последующих некрологах, эта смерть отняла у западноевропейского Православия «просвещенного пастыря»⁵⁶, сохранившего верность своей Церкви и родной земле⁵⁷.

В своем завещании к пастве владыка Василий писал: «Мое неотступное епископское моление и желание, да пребудут наша архиепископия и ее прихожане несокрушимо верны строгому Православию и не приемлют никакого, могущего случиться, догматического компро-

⁵⁵ Среди них были апостольский нунций, епископ Люк де Ховр (представлявший кардинала Данаельса), англиканский епископ, аббат Шеветоньского монастыря и представитель Министерства юстиции (ответственный за дела культов в Бельгии).

⁵⁶ Mort de l'archevêque Basile de Bruxelles [Кончина архиепископа Брюссельского Василия] // Episkepsis. Genève, № 344. 15 octobre 1985.

⁵⁷ Lossky N. Son Eminence Monseigneur Basile... P. 44.

мисса, который может повредить неприкосновенности нашей Православной веры. [...] Я молю духовенство и паству нашей архиепископии оставаться после моей смерти всегда верными нашей Матери Православной Русской Церкви (Московскому Патриархату) и не переходить ни в какую другую церковную юрисдикцию по собственному почину и без благословения Московского Патриархата в случае, могущем произойти, образования автономной или автокефальной Православной Церкви в Западной Европе или Бельгии»⁵⁸.

Совершенно очевидно, что архиепископ Василий всегда считал Московскую Патриархию не «советской организацией», а канонической Церковью, унаследовавшей тысячелетнюю традицию России.

Жизнь владыки Василия, русского православного архиепископа Брюсселя и Бельгии, была продолжительной и плодотворной, но при этом нелегкой. Студент-патриот, эмигрант, потом монах, он являлся, безусловно, выдающимся архиереем, оставившим след в православном богословии. Тем не менее, он оказался чуждым как определенной части эмиграции, так и России советской эпохи⁵⁹. Его особый путь, избранный вполне осознанно, многими не был понят. И все же, его поразительное «возвращение к источникам»⁶⁰, его кончина на родной земле была воспринята многими

⁵⁸ Завещание архиепископа Василия (Кривошеина). Брюссель, 30 января 1980 г. §§ 7, 8.

⁵⁹ Чистяков Г., свящ. Красный антисоветчик... С. 19.

⁶⁰ Lhoest F. Adieu à Mgr Basile (Krivochéïne), archevêque orthodoxe russe de Bruxelles [Прощание с владыкой Василием (Кривошеиным), русским православным архиепископом Брюсселя] // Bulletin de la Communauté orthodoxe de la Sainte Trinité et des SS. Côme et Damien. Брюссель, 1985.

как Божие благословение⁶¹, особенное для того, кто, хотя и в изгнании, посвятил все свое существование на служение России и Православной Церкви⁶².

Отец Церкви XX века?

Для богословского метода владыки Василия характерно глубокое изучение источников, пространные цитаты из творений отцов, подробный комментарий, отказ от упрощения или «стилизации» святоотеческой мысли и решительное неприятие того, что он называл «риторикой и православным триумфализмом». В отличие от Владимира Лосского или отцов Георгия Флоровского и Иоанна Мейendorфа (с которыми он был близко знаком), владыка Василий не ставит перед собой задачи осуществить грандиозный синтез. Вместо этого он уделяет внимание конкретному смыслу отдельных деталей и предпринимает научный анализ текстов, о чем свидетельствует его *opus magnum*, посвященный учению святого Симеона Нового Богослова. В то время как православное богословие чаще всего ограничивалось глоссами и подстрочными комментариями к творениям отцов, архиепископ Василий внес вклад в создание православной патрологии, в подлинном значении этого слова.

«Вера наша выражается, толкуется и формулируется в творениях святых отцов»⁶³, – утверждает богослов,

⁶¹ Бобринский Б., прот. Памяти архиепископа Василия Брюссельского...

⁶² Lossky N. Son Eminence Monseigneur Basile... P. 44.

⁶³ Василий (Кривошеин), архиеп. Символические тексты в Православной Церкви // Богословские труды. Нижний Новгород, 2011. С. 477.

о котором по меткому выражению иеромонаха Антония (Ламбрехтса) можно сказать, что его «настоящим отечеством на этой земле была вера Отцов Церкви»⁶⁴. «Конечно, пишет владыка Василий, Церковь никогда не догматизировала творения святых отцов, не следовала за их отдельными богословскими мнениями, не замыкала ими развитие богословской мысли. Тем не менее Вселенские Соборы начинали свои догматические постановления словами: “Последуя святым отцам”, выражая тем свое убеждение, что верность им по духу есть основной признак православного богословия»⁶⁵.

Не без оснований диакон Александр Мусин, один из лучших знатоков творческого наследия архиепископа Василия (Кривошеина), назвал его «отцом Церкви XX века»⁶⁶.

⁶⁴ Антоний (Ламбрехтс), иером. Архиепископ Василий (Кривошеин) и его отношение к Католической Церкви // «Церковь и время». № 4(37). 2006. С. 207.

⁶⁵ Василий (Кривошеин), архиеп. Символические тексты в Православной Церкви... .

⁶⁶ Musin, A. L'Église russe en Belgique et son évêque. La signification de l'œuvre de l'archevêque Basile Krivocheïne (1900–1985) pour le dialogue européen aujourd'hui [Русская Церковь в Бельгии и ее епископ. Значение творений архиепископа Василия Кривошеина (1900–1985) в Бельгии для европейского диалога сегодня] // «Irénikon, revue des moines de Chevetogne». № 2–3. 2003. С. 220.

Основные богословские труды архиепископа Василия Кривошеина

- Аскетическое и богословское учение святого Григория Паламы // Seminarium Kondakovianum. Прага. 1936. № 8. С. 99–154.
- Православное духовное предание // ВРЗЕПЭ, 1952. № 9. С. 8–20.
- Дата традиционного текста «Иисусовой молитвы» // ВРЗЕПЭ, 1952. № 10. С. 35–38.
- Афон в духовной жизни Православной Церкви // ВРЗЕПЭ, 1952. № 12. С. 5–23.
- Огласительные слова преподобного Отца нашего Симеона Нового Богослова. Часть вторая. Слово двадцать первое: «О памяти смерти» // ВРЗЕПЭ, 1953. № 14. С. 89–91.
- Заметка к слову «О памяти смерти» прп. Симеона Нового Богослова// ВРЗЕПЭ, 1953. № 14. С. 92–99.
- «Братолюбивый нищий»: Мистическая автобиография прп. Симеона Нового Богослова // ВРЗЕПЭ, 1953. № 16. С. 223–236.
- The Writings of St. Symeon the New Theologian // Orientalia Christiana Periodica, 1954. № 20. P. 298–328.
- Ангелы и бесы в духовной жизни по учению восточных отцов // ВРЗЕПЭ, 1955. № 22. С. 132–157.
- Неистовый ревнитель: Прп. Симеон Новый Богослов как игумен и духовный наставник // ВРЗЕПЭ, 1957. № 25. С. 30–53.
- St. Symeon the New Theologian and early Christian popular Piety // Studia Patristica. 1957. Vol. 2. P. 485–494.
- The Original Form and the Later Reduction of the sermons of St. Symeon the New Theologian // Actes du IX^eCongr. Intern. Des Etudes Byzantines. Athènes, 1957. T. 3. P. 161–168.

- The Holy Trinity in Greek patristic mystical Theology // *Sobornost*, 1957. № 21. Р. 462–469; 1957–1958. № 22. Р. 529–537.
- Св. Григорий Палама: Личность и учение (по недавно опубликованным материалам) // ВРЗЕПЭ, 1960. № 33–34. С. 101–114.
- Прп. Симеон Новый Богослов и Никита Стифат: История текста огласительных слов // ВРЗЕПЭ, 1961. № 37. С. 41–47.
- Прп. Симеон Новый Богослов и его отношение к социально-политической действительности своего времени // ВРЗЕПЭ. 1961. № 38–39. С. 121–126.
- Еще о Халкидонском соборе и малабарских христианах: По поводу статьи Н. М. Зернова «Что отделяет нас от ортодоксальной Церкви Южной Индии?» // ВРЗЕПЭ, 1961. № 38–39. С. 153–161.
- Syméon le Nouveau Théologien: «Catéchèses» / Introd., texte crit. et not. par Basile Krivochéine ; trad. par J. Paramelle. T. 1–3. SC. 96, 104, 113. Paris, 1963–1965.
- Догматич. постановление «О Церкви» Второго Ватиканского собора с православной точки зрения // ВРЗЕПЭ. 1966. № 56. С. 222–238.
- Богословский диалог между Православной Церковью и англиканским вероисповеданием и его проблемы // ВРЗЕПЭ. 1967. № 59. С. 157–178.
- Символические тексты в Православной Церкви // БТ. 1968. Сб. 4. С. 5–36.
- Проблема познаваемости Бога: сущность и энергия у св. Василия Великого // ВРЗЕПЭ. 1968. № 61. С. 48–55.
- Экклезиология св. Василия Великого // ВРЗЕПЭ. 1968. № 62–63. С. 122–150.
- Autoritéet Saint-Esprit // ВРЗЕПЭ. 1969. № 68. Р. 205–209.

- L’Œuvre salvatrice du Christ sur la Croix et dans la Résurrection // ВРЗЕПЭ. 1972. №78–79. Р. 106–120.
- L’autorité et l’inaffabilité des Conciles Œcuméniques // ВРЗЕПЭ. 1974. № 85–88.
- Некоторые богослужебные особенности у греков и русских и их значение // ВРЗЕПЭ. 1975. № 89–90. С. 71–88.
- Simplicité de la nature Divine et distinctions en Dieu selon saint Grégoire de Nysse // ВРЗЕПЭ. 1975. № 91–92. С. 133–158.
- Дух Святой в христианской жизни по учению прп. Симеона Нового Богослова // ВРЗЕПЭ. 1975. № 91–92. С. 171–191.
- Vision de lumière chez St. Syméon le Nouveau Théologien // ВРЗЕПЭ. 1976. № 93–96. Р. 15–37.
- Исповедь и священство у прп. Симеона Нового Богослова // Вестник РХД. 1979. № 129. С. 25–36.
- Saint Syméon le Nouveau Théologien à travers les âges (XIe–XXe s.) // ВРЗЕПЭ. 1979. № 101–104. Р. 27–32.
- Преподобный Симеон Новый Богослов (949–1022). Жизнь, духовность, учение. Париж, 1980.
- Монахиня мать Екатерина [Полюхова] (1906–1982): Опыт духовной биографии // ВРЗЕПЭ. 1985. № 114. С. 209–217.
- Из воспоминаний о Соборе 1971 г. // Вестник РХД. 1986. № 147. С. 210–235.
- Несколько слов по вопросу о стигматах // ЖМП. 1986. № 4. С. 67–68.
- Другие главы. Григорий Палама или Симеон Новый Богослов? // ЖМП, 1986. № 4. С. 68–71.
- Богословские труды (1952–1983 гг.). Статьи, доклады, переводы. Н. Новгород, 1996.
- Воспоминания. Письма. Н. Новгород, 1998.

- «Тварная сущность» и «Божественная сущность» в духовном богословии прп. Симеона Нового Богослова //Альфа и Омега. 2002. № 2 (32). С. 64–83.
- Тема духовного опьянения в мистике прп. Симеона Нового Богослова // Альфа и Омега. 2002. № 4 (34). С. 79–87.
- Две встречи: Митр. Николай (Ярушевич) и митр. Никодим (Ротов). СПб, 2003.
- Символические тексты в православной Церкви. Томск, 2003.
- Церковь владыки Василия (Кривошеина). Н. Новгород, 2004.
- Поместный Собор Русской Православной Церкви и избрание патриарха Пимена. СПб, 2004.
- Спасенный Богом. СПб, 2007.
- Письма о горнем и дольнем. Письма, богословские статьи, воспоминания. СПб, 2010.
- Dieu, l'homme, l'Église. Lecture des Pères. Paris, 2010.
- Mémoire des deux mondes. De la révolution à l'Église captive. Paris, 2010.
- Творения преподобного Симеона Нового Богослова. Слова и гимны. В 3-х кн. М., 2011.
- Богословские труды. Н. Новгород, 2011.
- Переписка с Афоном. Письма и документы. Москва – Брюссель. 2012.
- Biserica soborniceasca. Texte ecleziologice. Bucarest, 2012.

К 70-летию со дня кончины protoиеря Сергия Булгакова

Архимандрит Савва Мажуко

СВИДЕТЕЛЬ СОФИИ **Судьба отца Сергея Булгакова**

*И перецеловал все веци мирозданья.
И лишь тогда отбыл в несказанный глагол.*

Вадим Рабинович

Если бы мне пришлось одним словом выразить впечатление от личности отца Сергея Булгакова, я без колебаний выбрал бы эпитет «невместимый». Так уж устроен человек: нам комфортно и уютно, когда всё удобно классифицировано, разложено по полочкам, распределено по ролям, подведено под ближайший род и соответствующий вид. Спиноза – пантегист, Монтень – скептик, а Фихте с Гегелем – идеалисты: один трансцендентальный, другой – абсолютный. И всем хорошо. И всем спокойно. Птенцов разложили по гнёздам. Но всегда находятся неудобные люди, некомфортные идеи, неуютные мысли, которые отказываются распределяться, не хотят занимать своих мест, потому что эти насиженные гнезда не вмещают их, никогда не приходятся впору, своей величиной или узостью лишь подчёркивая неуместность и невместимость человека или учения. Таков отец Сергей Булгаков. Невместимый мыслитель, неуместный богослов. Он и сам чувствовал свою бесприютность и безместность. В своих «Автобиографических заметках» он неоднократно сетует

на то, что всю жизнь был «чужой среди своих, свой среди чужих, а в сущности нигде не свой... Один в поле не воин, но всегда и везде один»¹.

Непременно возразят: во-первых, любой философ может претендовать на оригинальность и невместимость, во-вторых, что же с Булгаковым непонятно? Талантливый экономист и социолог, совершивший путь от марксизма к идеализму, а затем от идеализма к Православию, в конце концов, принявший сан и посвятивший последние десятилетия своей жизни написанию громоздких богословских опусов. Потому и биография его обычно распределяется на три неравных периода: экономический, философский и богословский. В чём же тут загадка? Он и сам не сопротивляется классификации.

Конечно, любой мыслитель, если он настоящий, честный и бесстрашный философ, как еще в древности рисовал портрет подлинного философа Платон, просто обязан быть «невместимым», и все наши классификации носят весьма условный характер и необходимы, в большей мере, для учебных целей. Но отец Сергий, действительно, никогда не был своим ни среди философов, ни среди богословов. Попытки «приручения» отца Сергея продолжаются и будут продолжаться. Тот или иной лагерь пытается записать его в ряды друзей или врагов. Его хотят сделать поборником демократии, но отец Сергий был убеждённым монархистом или, как он сам себя называл, «царелюбцем»², мистически благоговейно переживавшим софийную правду самодержавия. Но и в лагере монархистов он был одиничкой, поскольку

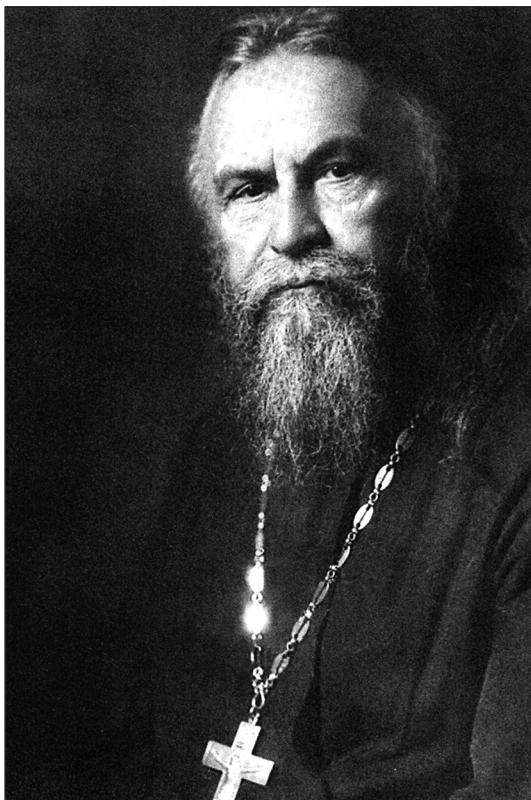
¹ Булгаков С., прот. Автобиографические заметки. Париж, 1991. С. 33.

² Там же. С. 82.

видел трагедию русского царя и с болью признавал и переживал все ошибки и пороки русского самодержавия. Он был настоящим русским интеллигентом с тем самым «комплексом русского интеллигента», который остался с ним на всю жизнь: и гимназистом, и студентом, и профессором, и священником он всегда чувствовал вину за своё благополучие, вину перед теми, кто сейчас голодает и страдает, кто не смог получить хорошего образования, ответственность за всякого угнетённого и униженного. Но и среди интеллигентов он не был своим, потому что видел и мужественно обличал ложь интеллигентщины. Был ли он своим среди философов? Безусловно, его уважали и в круг его друзей и соратников входили лучшие умы России того времени. Но и среди них он был скорее юродивым. Большинство из них видели в Сергее Николаевиче Булгакове хорошо образованного человека, труженика, верного друга, но для них он был скорее «Сальери от философии», «пигмей с Зубовского бульвара», не гений, но талант, всего достигший кропотливым трудом, снискавший себе славу чудака из-за чрезмерного увлечения Православием.

Вера Мордвинова, муга и собеседница Василия Васильевича Розанова, в 1915 году после встречи с Булгаковым писала своему «духовному наставнику», что Булгаков, конечно, хороший человек, но у него нет своего «я», нет будущего, а его сын Федя гораздо талантливее отца и в своё время затмит своего учёного предка³. Но большинству рафинированных друзей отца Сергея была непонятна его любовь к церковному христианству со всеми его обрядами и правилами. И однажды Сергей Николаевич Булгаков стал отцом Сергием, настоящим

³ Письма С. Н. Булгакова В. В. Розанову // «Вестник РХД», № 130, 1979. С. 175–176.

*Прот. Сергей Булгаков
(1871–1944)*

православным священником, подлинным русским батюшкой. И это факт, который следует принять со всей серьёзностью. Есть соблазн видеть в отце Сергии такого либерального священника, салонного аббата-интеллектуала, критика церковной косности, просвещенного клирика-интеллигента. Отец Сергий был самым настоящим батюшкой. Он преклонял колени перед Престолом в алтаре, прикладывался к иконам, ему целовали руки. Он совсем не был реформатором, скорее уж бросалась в глаза его пламенная преданность традиции: он строго держал все посты, вычитывал бесконечные молитвенные правила, предписанные Церковью, строго следил за исполнением устава богослужения, не позволяя никаких упущений в своей службе. Он молился. Не медитировал, а именно молился, как до него и после него молится православный народ. Его богословские тексты – это плод, в том числе, и молитвенного усилия.

Порой отца Сергия называют то русским Аквинатом, то русским Оригеном. Оба варианта весьма произвольны. Он не был ни системоздателем, как Аквинат, ни еретиком, как Ориген. По молитвенной пылкости и трогательной исповедальности своих текстов он мог бы носить имя русского Августина. Но он вовсе не нуждается в таких почётных именах. Имя «отец Сергий Булгаков» славно своей славой и прекрасно своим достоинством. Отец Сергий Булгаков не был просто кабинетным учёным, точнее, не только учёным. Это был богослов-мистик, богослов-молитвенник и подлинно церковный мыслитель.

Думаю, что отец Сергий открыл новый жанр богословских произведений, по крайней мере, тексты «Малой трилогии» это памятник духовных упражнений, богомыслия и молитвенного богословия. Каждая книга

начинается и заканчивается молитвой, иногда настолько пронзительной, что кажется, будто автор написал это своими слезами. «Купина Неопалимая» это, если так можно выразиться, первый богословский акафист Божией Матери. Однако эта очевидная, а порой и режущая глаза церковность не сделала отца Сергия своим в среде православного духовенства. Это одиночество среди своих отец Сергий переживал особенно тяжело. Его подозревали в неблагонадёжности еще в России, когда он был просто Сергеем Николаевичем, но в эмиграции эта подозрительность постепенно переросла в травлю, которая не закончилась до сих пор. Он жил Православием, но пламенно обличал православизм. Он был послушным клириком, но был непримиримым врагом церковного лакейства и архиереепоклонства. Он был верен традиции, но бесстрашно выступал против удушения церковного творчества и свободы богословской мысли. И однако эта преданность свободе не делала его диссидентом, каким его нам хотелось бы представить. В этом человеке было слишком много от благородного рыцаря, который всего себя посвятил служению Истине. Для своего века он был слишком юродивым. Бесконечная эрудиция и высокая квалификация учёного ставили его в один ряд с респектабельными богословами того времени. И однако же отец Сергий ни в коем случае не был респектабельным богословом. Он пугал своим пламенным благочестием своих приличных коллег. На Лозаннской конференции 1927 года отец Сергий неожиданно выступил в защиту почитания Божией Матери. Это было так естественно для его горячего рыцарственного сердца, но так неуместно, что даже православные участники конференции буквально стеснялись парижского профессора. Такое рыцарство смотрелось

чудачеством, и было совсем неуместно в XX веке. Проще было бы сказать, что отец Сергий родился не в своё время. Но сам батюшка категорически не принимал эту романтическую фразу. «Есть некая предустановленная гармония между тем, кто рождается и где и как рождается», – писал он в «Друге Жениха»⁴. А в более позднем труде, в «Невесте Агнца», он развивал мысль о том, что человек является своим собственным со-творцом, со-трудником Бога в своём собственном сотворении, самотворении. В некотором смысле Бог предвечно испрашивает у человека согласия на бытие, и если мы есть, мы сами выбрали не только *быть*, но и как, кем и где быть. Совсем как у Тарковского:

Я век себе по росту подбирал.

Отец Сергий выбрал свой век и свою Родину, и хотя он казался некоторым современникам неуместным, это всё же было его время, его место и его красивая и благодарная жизнь.

Улыбка Софии

Годы жизни протоиерея Сергея Булгакова: 1871–1944. Родился в Ливнах, умер в Париже. Между Парижем и Ливнами – три тысячи километров. Между 1871 и 1944 годом – семьдесят три года жизни. Но цифра «не пользует нимало». Какие бы временные и пространственные координаты мы не занимали в своей жизни, её живую ткань составляют простые, но неожиданно значительные моменты. Она вся соткана из звуков и запахов, милых или пугающих образов, из ликования сердца и памяти кожи.

⁴ Булгаков С., прот. Друг Жениха // Малая трилогия. М.: Общедоступный православный университет, основанный протоиереем Александром Менем, 2008. С. 208.

Город Ливны Орловской губернии. Семья бедного кладбищенского священника. Семеро детей, двое родителей и старый дедушка. Десять человек в пятикомнатном домике. Отец Сергий очень любил это место и этих людей, любил свою Родину. Его детство звучало мягким тенором отца, басом певчего Степановича, слушать которого с волнением приходили прихожане, колокольным звоном любимой церкви маленького Серёжи – Сергиевской церкви – белого софийного храма, образ которого пропитан запахом резеды и бархатцев, чудесными ночными службами и игрой лампад, а ещё – скромная речушка, на которой рыбачили ливенские дети, небольшой лесок, вечерняя степь и сказки няни на ночь – страшные, софийные сказки. Своё детство отец Сергий вспоминал с благодарностью, несмотря на то, что природа его Родины была бедной и скудной, город его детства – нищим и пыльным, его отец, потомственный священник, строгий и ответственный человек, порой запивал и устраивал дома скандалы, мама была натурой нервной и тревожной, много курила, была мнительной и склонной к депрессиям, и для дедушки Сергей не был любимым внуком.

Но для отца Сергия это бедное ливенское детство было временем первого откровения Софии, под знаком которого прошла вся его жизнь, были написаны все его произведения. И не нужно бояться этих слов – «София», «софиология». Для многих это ненужное усложнение православного богословия, досадное излишество или теологический каприз. Софиология отца Сергия Булгакова берет начало в его детстве. София, прежде всего, это не четвертая ипостась, не усия, не философский концепт или элемент теологической конструкции.

София это событие. И именно здесь корень булгаковского богословия. Софию надо было сначала пережить, чтобы потом, осмыслия опыт Софии, построить изящную онтологическую модель, обосновывающую этот опыт. Детство отца Сергея было откровением Софии. То, что пережил отец Сергий в своём детстве, а потом встречал всю свою жизнь, он назвал Софией. Опыт откровения красоты этого мира, его человечности, опыт откровения божественности человека и человечности Бога – вот, что такое София, и биографию отца Сергия следовало бы назвать экзистенциальной софиологией. Осмыслению этого опыта, его богословской рационализации и была посвящена жизнь отца Сергея. И первый опыт Софии – это опыт ливенского детства, которое было детством по-настоящему церковным.

Но однажды этот праздник Софии прервался. В возрасте четырнадцати лет Сергей потерял веру. В то время такие повороты биографии не были редкостью. Нам хорошо известны судьбы Чернышевского и Добролюбова и многих других бескорыстных правдоискателей, потерявших веру в подростковом возрасте, опротестовавших принудительное благочестие и верноподданническое христианство бурсы. Сын ливенского священника прошёл тот же путь. Но причину своего безбожия он видел не только во лжи семинарского православия, но и в собственной испорченности. Пожилым священником он признавался в своём подростковом эгоизме и высокомерии, обжигающем его родных и друзей. Много позже Сартр в своей автобиографии напишет, что причиной утраты веры для него была детская гордыня. Здесь же видел источник своего духовного обморока и отец Сергий. С четырнадцати до тридцати лет – целое

шестнадцатилетие отец Сергий жил без Бога и церкви, но не без Софии. Он признавался, что даже в самые черные годы бурсацкой прозы его душу всё же трогали строки Евангелия или жития Марии Египетской. Он искал веры, и хотя его верой и стало безбожие и нигилизм, он чаял подлинного, настоящего, без которого он буквально задыхался, несколько раз в отчаянии пытаясь наложить на себя руки.

Один умный человек сказал: «Если у народа нет Бога, у него по крайней мере должен быть Пушкин». И Сергей Булгаков, способный семинарист, а потом выпускник Елецкой гимназии и Московского университета, в своём безбожии спасался любовью к литературе и искусству. Красота спасала его и оправдывала мир. И этот опыт красоты тоже был софийным опытом. Несколько мистических откровений пережил будущий богослов в этот период своей жизни. В возрасте 24 лет по дороге в Крым к родственникам жены в созерцании природы ему вдруг открылся софийный лик мира:

«Вечерело. Ехали южной степью, овеянные благоуханием медовых трав и сена, озолоченные багрянцем благостного заката. Вдали синели уже близкие Кавказские горы. Впервые видел я их. И вперяя жадные взоры в открывавшиеся горы, впивая в себя свет и воздух, внимал я откровению природы. Душа давно привыкла с тупой, молчаливой болью в природе видеть лишь мёртвую пустыню под покрывалом красоты, как под обманчивой маской; помимо собственного сознания, она не мирилась с природой без Бога. И вдруг в тот час заволновалась, зарадовалась, задрожала душа: *а если есть...* если не пустыня, не ложь, не маска, не смерть, но Он, благой и любящий Отец, Его риза, Его любовь... Сердце колотилось под звуки стучавшего

поезда, и мы неслись к этому догоравшему золоту и к этим сизым горам»⁵.

Это была первая встреча с Софией, или лучше сказать, первое событие Софии, когда Сергею Николаевичу через десять лет безбожной жизни вдруг приоткрылся подлинный лик этого мира, в котором отразился лик Божий, отблеск очей Бога-Человеколюбца. Но возвращения в Отчий дом не произошло. Жизнь была занята другим. Сергей Булгаков погрузился в учёные занятия. После окончания университета он был оставлен при кафедре политической экономии и статистики для подготовки к профессорскому званию, в 1895 году начал преподавать, а в 1896 году состоялся его дебют в печати. Опубликовав в 1897 году свою первую книгу «О рынках при капиталистическом производстве», Булгаков на два года отправился в заграничную командировку. Берлин, Париж, Лондон, Женева, Цюрих, Венеция. Он работал в библиотеках, встречался с немецкими социал-демократами. Но там же, заграницей, случилось с ним новое откровение Софии. Осенним туманным утром учёный-марксист Сергей Булгаков посетил знаменитую Дрезденскую галерею, никак не ожидая, что выйдет из музея совсем другим человеком. Тогда он впервые увидел Сикстинскую Мадонну с Предвечным Младенцем на руках.

«В них была безмерная сила чистоты и прозорливой жертвенности, – знание страдания и готовность на вольное страдание, и та же вещая жертвенность виделась в не-детски мудрых очах Младенца. Они знают, что ждёт Их, на что они обречены, и вольно грядут Себя отдать, совершив волю Пославшего: Она «принять

⁵ Булгаков С., прот. Свет Невечерний. М.: «Республика», 1994. С. 13.

орудие в сердце», Он Голгофу... Я не помнил себя, голова у меня кружилась, из глаз текли радостные и вместе горькие слёзы, а с ними на сердце таял лёд, и разрешался какой-то жизненный узел. Это не было эстетическое волнение, нет, то была встреча, новое знание, чудо... Я (тогда марксист!), невольно называл это созерцание молитвой и всякое утро, стремясь попасть в Zwinger, пока никого еще там не было, бежал туда, пред лицо Мадонны, «молиться» и плакать, и немного найдётся в жизни мгновений, которые были бы блаженнее этих слёз»⁶.

Так в душе Сергея Булгакова начала зреть «воля к вере». Спустя почти четверть века, будучи священником и богословом, отец Сергей снова побывал в Дрездене, с волнением посетил галерею, но чудо встречи не случилось. Почему? Потому что София это событие, и как всякое значительное событие, оно уникально и не-повторимо. София это то, что происходит между Богом и человеком, чудо встречи, очень личное и интимное событие, которое нельзя запрограммировать, заслужить или как-либо принудить одну из сторон к откровению. Как бы то ни было, в 1900 году Сергей Булгаков возвратился на Родину. Но вернулся он уже другим человеком.

Мировое «и»

21 ноября 1901 года. Киев. Экстраординарный профессор Киевского политехнического института Сергей Николаевич Булгаков читает публичную лекцию «Иван Карамазов как философский тип». Публика встречает выступление овацией. Студенты несут профессора на руках. Таким был первый триумф Булгакова-лектора.

⁶ Там же. С. 14.

У него был талант оратора. Он говорил горячо и с чувством. Говорил сердцем. В этот киевский период – с 1901 по 1906 год – Сергей Николаевич прославился на всю Россию. Он преподаёт, активно публикуется, участвует в различных журналах, знакомится с известными философами, учёными и литераторами. В 1902 году следующая публичная лекция, принесшая ему славу – «Что даёт современному сознанию философия Владимира Соловьева?». Лекция опубликована. Автора приглашают с выступлениями в разные города России. Так начался «идеалистический» период в жизни Булгакова. Это время ознаменовано многими отрадными свершениями в жизни мыслителя: в 1903 году был опубликован сборник «От марксизма к идеализму», в 1904 году вместе с Н. А. Бердяевым Булгаков работает над журналом «Новый Путь», но самое отрадное произошло в 1905 году – Сергей Николаевич после долгого перерыва идёт на исповедь и причащается. Так скромно и кратко тихим осенним днем в маленькой монастырской церкви состоялось возвращение к Богу, примирение с детством.

Осенью 1906 года Булгаков переезжает в Москву, где прожил до 1918 года. Это один из самых насыщенных периодов булгаковского творчества – двенадцать лет активной писательской, преподавательской и общественно-политической работы. Он перебирается в Москву ради участия во Второй Государственной думе, куда он вошёл в начале 1907 года как «христианский социалист», так и не примкнув ни к одной из партий. Девять раз поднимался депутат Булгаков на трибуну, всякий раз ввергая в недоумение слушателей, потому что от него доставалось и царскому правительству, и реформаторам, и революционерам. Ни для одной из партий он

не сделался своим, и четыре месяца активной думской работы вылились в глубокое разочарование в политике. «Я не знал в мире места с более нездоровой атмосферой, – вспоминал отец Сергий, – нежели общий зал и кулуары Государственной думы, где потом достойно воцарились бесовские игрища советских депутатов»⁷. Но московское двенадцатилетие это не только дума. Здесь Булгаков знакомится с отцом Павлом Флоренским, Е. Н. Трубецким, П. И. Новосёловым, В. Ф. Эрном и многими другими яркими мыслителями и публицистами. В 1909 году в сборнике «Вехи» выходит знаменитая булгаковская работа «Героизм и подвижничество», вызвавшая множество споров, в 1911 году – сборник статей «Два града», в 1912 году – «Философия хозяйства». Однако венцом московского периода стала книга «Свет Невечерний» (1917) и сборник «Тихие думы» (1918).

Булгаков уже не идеалист, а религиозный философ, «искатель религиозного единства жизни, взыскываемого, но не обретённого»⁸. В «Философии хозяйства» впервые звучит тема Софии, которая даётся Булгакову непросто. Он находится под сильным влиянием Владимира Соловьева и отца Павла Флоренского. Их софийологические опыты носят яркую гностическую окраску. У Сергея Николаевича Булгакова была здоровая церковная интуиция, привитая еще в детстве, а потому он сопротивлялся этому влиянию, пытался его преодолеть, и будучи уже священником во многом исправил ошибки своего раннего учения, а в некоторых опытах даже раскаялся. Но общая тональность «московских» текстов подлинно софийная. Василий Васильевич

⁷ Автобиографические записки. С. 80.

⁸ Свет Невечерний. С. 3.

Розанов, размышляя над страницами «Братьев Карамазовых», говорил о двух типах отношения к жизни: «миролобызающем» и «мироплюющемся». Тексты Булгакова читать радостно и утешительно. Это мыслитель «миролобызающего» взгляда. О чём бы он ни писал – о Марксе ли, Фейербахе, Карлейле или Пикассо, творчестве Голубкиной или Чехова, он везде находит свою правду, прежде чем осудить или отвергнуть он всеми силами старается оправдывать. Оправдание мира – таков основной пафос его «московских» текстов. И именно поэтому они софийные. Много позже своему верному ученику Льву Зандеру отец Сергий говорил, «что в слове «и» скрыта вся тайна мирозданья, что понять и раскрыть смысл этого слова значит достигнуть предела знания. Ибо «и» есть принцип единства и цельности, смысла и разума, красоты и гармонии; понять мир в свете «и» – значит охватить его единым всепроникающим взглядом; а увидеть эту связь, которая соединяет мир с Богом, значит понять его как Божие «царство и силу и славу», существующие «всегда, ныне и присно и во веки веков»⁹. В философии и богословии Булгакова это мировое «и» есть София, принцип всеобъемлющего единства. Но прежде чем войти в философский дискурс, стать проблемой или концепцией, София есть событие и откровение, живой опыт единства мира, человека и Бога, и этот опыт Булгаков переживал не только в явлении красоты, проблесках истины и правды, которые он замечал в произведениях персонажей своих статей, но и в личном, часто весьма трагическом опыте.

27 августа 1909 года умер любимый сын Сергея Николаевича Ивашек, «белый мальчик», как называл его

⁹ Зандер Л. А. Бог и мир (миросозерцание отца Сергия Булгакова). Париж, 1948, том 1. С. 181.

отец. Страницы «Света Невечернего», где Булгаков описывает эту трагедию, может быть, самое пронзительное и трогательное в его творчестве. Мальчику было чуть больше трех лет, но он был отрадой для своих родителей. «Неси меня, папа, кверху, – пойдём с тобою кверху!» – последние слова малыша, которые невозможно читать без волнения. Однако этот страшный опыт умирания вместе со своим «белым мальчиком» Булгаков пережил как софийное откровение. Здесь начинается софиология смерти, и для меня это самое сильное свидетельство присутствия в булгаковской философии его экзистенциального измерения, без которого невозможно понять софийную онтологию отца Сергея. И эта софиология смерти тоже родом из детских откровений Булгакова. Из семерых детей отца Николая в живых остались лишь двое. В памяти отца Сергея особенно отпечаталась смерть младшего брата, пятилетнего Коли, «общего любимца, с печатью херувима, предшественника нашего Ивашечки»¹⁰. Но отец Сергий умел видеть софийность и в смерти, и в похоронах, а потому и говорил, что в Ливнах «софийно хоронят»¹¹.

Один из самых софийных опытов умирания Булгаков также пережил в Москве. В июне 1918 года он принимает священный сан. Для философа Булгакова это было подвигом смерти и воскресения. Булгаков был потомственным «левитом», в его жилах текла кровь священников пяти поколений, «левитская кровь». Это по линии отца. Предки матери тоже были священниками, и одним из них был знаменитый святитель Феофан Затворник. Священный сан и богословское служение были естественным итогом мировоззренческой эволюции

¹⁰ Автобиографические заметки. С. 21.

¹¹ Там же. С. 18.

Булгакова. Читая его труды 1910-х годов, мы видим, как постепенно оцерковляется мысль Булгакова, как он настойчиво начинает любопытствовать к вопросам богословским, а в книгах появляются бесчисленные цитаты из отцов Церкви и добротные экскурсы в святоотеческое богословие. В церковную проблематику Булгаков входил и как публицист, и как общественный деятель. Он живо интересовался ходом имяславческого спора, а в 1917 году стал членом Поместного собора и близким другом патриарха Тихона, которому Святейший доверял написание своих посланий. События, связанные с рукоположением, отец Сергий подробно описал в своих заметках. В этих записях поражает удивительная атмосфера кроткой умиротворённости, «тишины незаизглаголанной». И это тоже София, опыт жертвенного отдания себя на служение Богу и людям, жреческого посвящения на служение, освящающего и оздоровляющего этот мир, созидающего Церковное Тело через таинства, через преображение мира.

Через две недели после иерейской хиротонии отец Сергий навсегда покинул Москву. Он отправился в Крым, переживая за семью, надеясь снова вернуться обратно. Но Крым взял в плен надолго. С 1918 по 1922 год – четыре года крымского сидения – период испытаний, искушений и ужасов гражданской войны. В Крыму были написаны и дописаны главные философские работы Булгакова – «Философия имени» (1918) и «Трагедия философии» (1921), а также диалог «У стен Херсонисса» (1922), в котором отразилась мучительная борьба отца Сергея с соблазном католичества. Было такое искушение в биографии Булгакова. Когда он оказался в Крыму, отрезанным от мира, а оттуда, из большевистской России доходили известия одно ужаснее другого,

и казалось, что православная церковь уже пала, уничтожена физически, отец Сергий обратил свою мысль на Запад, там ища ответов и возрождения церковного. Однако от католичества Булгаков исцелился сразу, как только оказался на чужбине и столкнулся с живыми, а не умозрительными католиками.

В конце 1922 года протоиерей Сергий Булгаков с супругой и двумя детьми был выслан из России. Ему шёл пятьдесят второй год, и жизнь, казалось, оборвалась и остановилась. В Крыму отец Сергий начал вести дневник. Это самое горькое и грустное из того, что он написал в своей жизни. И самое анти-софийное. И действительно, в крымский период тема Софии, как и сам термин, вовсе исчезают из булгаковских текстов. Но когда вернулась радость, вернулась и София. Весной 1923 года отец Сергий с семьёй был радушно принят в Праге и занял кафедру церковного права. В пятьдесят два года жизнь не просто продолжилась, а открыла самый плодотворный и интересный период в творчестве отца Сергея.

Долг свободы и служения

София есть событие откровения единства Бога и мира. Высшая степень этого откровения – Евхаристия как продолжающееся Боговоплощение, таинство обожения и оправдания сотворённого мира. Поэтому неудивительно, что Сергей Николаевич Булгаков однажды стал отцом Сергием – православным священником, главным делом которого стало совершение литургии. Он был искателем Софии, теперь стал её свидетелем и служителем. Очень важно найти верный ответ на вопрос: почему Булгаков принял священный сан? Ведь

это не было редкостью среди друзей отца Сергия. Сан принял Флоренский, священником стал Дурылин. Но для отца Павла всё таки на первом месте стояло не служение священника, а наука во всех её проявлениях, а Дурылин в конце концов оставил иерейское служение. Очень важно признание самого отца Сергия: «Я шёл в священство исключительно ради того, чтобы служить, т.е. по преимуществу совершать литургию»¹². Обратите внимание, как расставлены акценты: он священник не ради пастырства, миссионерства, богословия или общественной деятельности, – нет, – главное – Евхаристия, сердцевиной которой является не просто священная магия преложения хлеба и вина в Тело и Кровь Господа, но причащение верных этим Святым Дарам, осуществлённое единение с Богом в таинстве причащения. Поэтому отец Сергий любил не только совершать литургию, но и просто причащать больных на дому, и для него это было самым значительным моментом жизни.

Осмысляя на исходе дней свой жизненный путь, отец Сергий признавал, что принятие священного сана было самым важным событием его жизни, а потому и биографию свою он делил не на экономический, философский и богословский периоды, а на две части: до принятия сана и после. И, как бы странно это ни прозвучало, так расставленные приоритеты – сначала литургия, потом богословие – оказались весьма плодотворными для его творчества. В последнее двадцатилетие своей жизни отец Сергий написал больше, чем в молодости. Своё богословское творчество он воспринимал как продолжение литургии вне стен храма. Собственно, так было

¹² Булгаков С., прот. Автобиографические заметки. Париж: YMCA – PRESS. С. 53.

и всегда в его жизни – сначала событие Софии, потом философское или богословское осмысление пережитого опыта.

Когда мы размышляем над жизнью отца Сергея Булгакова, исследуем источники его биографии, обычно выпускается из виду одно важное свидетельство его жизни – фотографии. Их осталось немало. Но вот что удивительно: на своих священнических фото отец Сергий выглядит моложе, чем на карточках, где он еще светский философ в сюртуке. Он даже стеснялся того, что слишком мало, неприлично мало у него седых волос для пятидесятилетнего «дедушки». Но священнические фото поражают не только молодостью, которая как бы обновилась с принятием сана, но подлинно пророческим выражением лица, завораживающей пылкостью взгляда. Глядя на эти фотографии, вспоминаешь одну и ту же фразу из пророка Исаии: «Вот я, пошли меня». Величайший праведник и пророк ветхозаветной эпохи Исаия, увидев славу Божию, воскликнул: «горе мне! погиб я! ибо я человек с нечистыми устами, и живу среди народа также с нечистыми устами, – и глаза мои видели Царя, Господа Саваофа» (Ис 6:5). Однако когда Господь возвзвал: «кого Мне послать?», смиренный пророк, так трепетно ощущавший своё недостоинство, сам предложил себя в жертву: «вот я, пошли меня» (Ис 6:8). Весь облик отца Сергия кричит этим древним жертвенным возгласом. И это не только воздействие старых фотокарточек. Сохранилось множество свидетельств этого пламенного служения отца Сергия. Он был настоящий подвижник, и если когда-нибудь будут составлять его житие, биограф не будет иметь недостатка в свидетельствах. Это был человек, всецело посвятивший себя служению Церкви. Во-первых, он был настоящим

аскетом науки, который подчинил себя строгой дисциплине мыслителя и писателя. Каждое утро до полудня он посвящал писательству. Вставал в одно и то же время, несмотря на мучившую его всю жизнь бессонницу, служил литургию, писал или шёл на лекцию, а после обеда всегда читал. А еще находил время для приёма посетителей, исповеди духовных чад, участия в многочисленных конференциях и изнурительных симпозиумах. Находясь среди самого изысканного общества, он всегда оставался священником. Однажды сменив сюртук на рясу, он уже никогда ее не снимал, был верен не только священническому облику, но и ритму церковной жизни, которая вся вырастала из литургии. Из опыта Евхаристии произрастало и его богословие. «Моё богословство, – говорил отец Сергий своим студентам, – всегда вдохновлялось предстоянием алтарю»¹³.

Свои главные богословские произведения отец Сергий написал в Париже, куда переехал с семьёй в июле 1925 года. Там была закончена «Малая трилогия», написаны бесчисленные богословские статьи, создана монументальная «Большая трилогия», написано толкование на Апокалипсис. В Париже он стал профессором догматического богословия в новооткрывшемся богословском институте прп. Сергия Радонежского и собрал вокруг себя целое созвездие выдающихся русских мыслителей. Именно отец Сергий Булгаков убедил Георгия Флоровского заняться патристическими исследованиями, вдохновил отца Киприана Керна на изучение творения св. Григория Паламы, оказал сильнейшее влияние на идеи отца Николая Афанасьева и работы отца Кассиана Безобразова. Он первым из русских богословов обратил внимание на богослужение,

¹³ Зандер. С. 14.

богослужебные тексты и иконопись как на важный и достоверный источник богословской мысли. Он первым начал активно цитировать в своих произведениях богослужебные тексты не ради украшения, но именно как источник богословия. В своей сравнительно небольшой работе «Друг Жениха» он использовал более ста семидесяти цитат из церковных служб Предтечи. Собственно, именно отец Сергий Булгаков, задолго до отца Александра Шмемана, стал у истоков литургического богословия.

Много времени и внимания отец Сергий уделял молодежи. Ещё в Чехии он принял деятельнейшее участие в создании Русского студенческого христианского движения. Именно отец Сергий Булгаков понудил участников движения строить свою работу вокруг Евхаристии, и эта простая церковная идея стала настоящим откровением для многих, переживших, например, студенческий съезд в Пшерове в 1923 году как настоящую Пятидесятницу, потому что, по настоянию отца Сергия, все собрания сопровождались опытом совместной молитвы и причащения. 8 октября 1923 года, в последний день Пшеровского съезда, отец Сергий призвал участников к осознанию новой евхаристической эпохи¹⁴. Евхаристия должна вдохновлять нас не только в храме, это вдохновение мы должны нести в мир, стремясь к оцерковлению всей жизни, превращению её в литургический гимн, внехрамовую литургию. Для самого отца Сергия это значило превращение его богословского творчества в богослужебный гимн, литургическую песнь. Своё богословствование он воспринимал как

¹⁴ Булгаков С., прот. Из памяти сердца. Прага [1923–1924] // Исследования по истории русской мысли [2]. Ежегодник за 1998 год. М., 1998. С. 163.

служение, как свой долг перед Церковью. Насколько он был богослов можно судить по небольшой цитате из «Невесты Агнца»:

«Истины, которые содержатся в откровении о Богочеловечестве, в частности же в эсхатологическом его раскрытии, столь незыблемы и универсальны, что перед ними бледнеют, как бы изничтожаются в своём онтологическом значении даже самые потрясающие события мировой истории, которых свидетелями мы ныне являемся, поскольку мы их постигаем в свете Грядущего»¹⁵. Эту фразу отец Сергий записал 24 июня 1942 года. Вокруг бушевала самая страшная в истории человечества война, гибли люди, горели города, и отец Сергий слишком хорошо был осведомлён о всех ужасах войны, однако взгляд его простирался дальше, он видел больше, чем видят обычные люди, у него были глаза пророка.

Однако, как и все пророки, он был побиваем камнями. Ему не доверяли. Епископ Феофан (Быстров) в 1923 году возмущался решением дозволить преподавать церковное право бывшему марксисту. А в 1924 году появилась статья митрополита Антония (Храповицкого), обвинявшая отца Сергия в учётврении Троицы. Одна за другой печатались брошюры и книги, «научно» изобличавшие заблуждения протоиерея Булгакова. Пик этой травли пришёлся на 1935 год. Тогда отца Сергия напрямую обвинили в ереси. Это было жестоко и несправедливо. В 1936 году была создана специальная богословская комиссия, в которую вошли виднейшие представители русского богословия. Почти два года

¹⁵ Булгаков С., прот. Невеста Агнца. М.: Общедоступный православный университет, основанный протоиереем Александром Менем, 2005. С. 5.

богословы пытливо вчитывались в тексты отца Сергия, но ереси они так и не нашли. Булгаковские тексты очень требовательны к читателю. Если вы хотите понять автора, вам следует предпринять такое же аскетическое усилие, позволить себе такое же напряжение мысли, в каком работал сам отец Сергий. В противном случае, при поверхностном знакомстве с этими богословскими сочинениями, могут возникнуть недоумения и созреть неверные выводы и подозрения. Булгаков был дисциплинированным и воспитанным мыслителем и писателем. Он ждёт той же дисциплины и от своего читателя.

Закатная радость

Начинать знакомство с творчеством отца Сергия Булгакова следует, пожалуй, не с его объёмных трилогий, а с небольшой работы 1939 года – «Софиология смерти». Это предельно автобиографическая работа, исповедание опыта умирания и попытка софийного осмысления его. У отца Сергия всё так: сначала жизнь, потом философия, сперва литургия, затем богословствование. А потому автобиографические работы – настоящий ключ к булгаковскому творчеству. «Софиология смерти» была написана отцом Сергием по поводу тяжёлой болезни, настигшей батюшку. В 1939 году у него диагностировали рак горла. Отцу Сергию пришлось пережить несколько жутких операций, и когда читаешь его воспоминания, кажется, что сам начинаешь задыхаться и впадать в беспамятство. Для человека, который всю жизнь читал лекции и проповеди, трепетно любил богослужение, – потеря способности говорить, была чудовищным испытанием. Но батюшка каким-то чудом научился разговаривать без голосовых связок. До конца

дней своих он читал лекции и проводил службы, хотя никто никогда не узнает, чего ему это стоило. Есть люди, видящие в этой болезни кару Божию за еретические взгляды. Не разбирая этичность таких высказываний и саму возможность узнать волю Божию о каждом из нас, всё же высажу свою точку зрения. Отец Сергий считал своим долгом богослова сказать всё, что можно сказать. Он хотел исчерпать все возможности богословской речи, и руководила им в этом дерзании не гордыня, а долг свободы и служения, он видел в этом свою обязанность. Есть такие строки у Максимилиана Волошина:

*Но грудь узка для этого дыханья,
Для этих слов тесна моя гортань.*

Отец Сергий в своём богословском творчестве дошёл до предела речи, и мне кажется, что знамением этого предела, а значит и знаком исполнения его миссии как богослова и послужила эта страшная болезнь, которая была не к смерти, но к славе Божией. И знамением этой славы служит видение фаворского света, свидетелями которого стали духовные дети отца Сергея. Безусловно, отец Сергий Булгаков был святым человеком. Он не творил чудес. Как однажды батюшка сказал о Предтече, личность которого он считал нормой человеческой жизни: «он был настолько велик, что не творил «знамений»¹⁶. Отец Сергий не творил знамений, не совершал чудес. Господь Сам прославил Своего служителя. Отец Сергий очень чтил день своего рукоположения. Это был Духов день. В 1944 году он пришёлся на 5 июня. Батюшка собрал всех своих

¹⁶ Друг Жениха. С. 272.

духовных детей. Исповедовал их. Причастил. А потом они пили чай и утешались беседой. В ночь на 6 июня случился удар, и почти месяц отец Сергий провёл без сознания. На пятый день агонии сёстры, ухаживавшие за батюшкой, стали свидетелями явления Света Невечернего, которому отец Сергий служил всю жизнь. Его лицо озарилось неземным сиянием, заиграло радостью неземных видений. Это явление длилось около двух часов, и ненадолго батюшке вернулось сознание, и он утешил своих близких.

Отец Сергий Булгаков умер 13 июля 1944 года. Его похоронили на русской части кладбища в Сен Женевьев де Буа, положив в могилу две горсти земли: с Гефсимании и с могилы любимого сына Ивашечки. Французская земля смешалась с землёй Палестины и Крыма. Шла великая война. В день смерти батюшки наши войска освободили Вильнюс, а на следующий день – Пинск. Союзники, высадившиеся 6 июня в Нормандии, успешно освобождали Францию. А отец Сергий стоял у престола Божия, где он стоит и сейчас, совершая небесную литургию.

Какая прекрасная и насыщенная жизнь! Он пережил убийство императора Александра Освободителя, его няня была из крепостных, и маленький Сережка с упением слушал её рассказы о крепостном театре и былых днях. В октябре 1905 года он шёл с толпой студентов на демонстрацию с красным бантом в петлице. Он был участником Второй Думы. Активным деятелем Поместного собора 1917 года и даже автором речей патриарха. Обе революции 1917 года он встретил в Москве. Гражданская война прошла для него через Киев и Крым. Он пережил голод, нищету, тюремное заключение, изгнание, разлуку с близкими. Вторую мировую

войну он встретил в Париже, не бросая церкви и института, не переставая служить, писать и преподавать. Его друзьями и знакомыми были протагонисты не только русской культуры, науки и политики начала XX века, но и именитые иностранцы. География его поездок впечатляет: в детстве: Ливны, Орел Елец; в юности: Москва, Крым, Берлин, Париж, Лондон, Женева, Дрезден, Цюрих, Венеция; в зрелые годы: Киев, Полтава, Кишинев и лекции в других городах России; позже: Крым, Стамбул, Прага, Париж, а оттуда отец Сергий путешествовал по церковным делам в Сербию, Грецию, Германию, Швецию, Англию, США. Ему удалось издать при жизни двадцать восемь томов своих оригинальных сочинений.

Однажды он признался совсем незнакомому человеку: «ничего в жизни я так не любил, как устраивать детям ёлку»¹⁷. Из всех высказываний отца Сергия, из всех многочисленных и гениальных его произведений для меня это самое дорогое. Знаю и верю, что Господь исполнил желание своего верного служителя и пророка. И одним чудесным утром мы все встретимся там, в Царстве Софии, у Христа на ёлке.

Гомель, 2014 г.

¹⁷ Наследие Ариадны Владимировны Тырковой: Дневники. Письма / Сост. Н. И. Канищева. – М.: РОСПЭН, 2012. С. 251.

ОБЩЕНИЕ СВЯТЫХ

Анатолий Красиков

Анатолий Красиков родился в Москве в 1931 году, мать – школьная учительница, преподавала историю в женской средней школе, отец – служащий городской администрации, работал в бюро инвентаризации г. Москвы. Их единственный сын окончил школу с золотой медалью в 1949 г., что давало право поступления в высшее учебное заведение без вступительных экзаменов. Был принят в Московский государственный институт международных отношений и окончил его (по специальности историк-международник) и полугодовые курсы совершенствования языковых знаний (по специальности переводчик итальянского языка – в институте он был у А. Красикова вторым, а основным – французский) и стажировки в Институте научной информации и в ТАСС.

Проработал в ТАССе 37 лет, пройдя путь от редактора-стажёра, корреспондента в Италии (с конца 50-х до середины 60-х годов) и во Франции (1966–1972), затем работа в центральном аппарате агентства (в том числе последние 14 лет в должности одного из заместителей генерального директора). Интерес к теме «религиозный фактор в политике» и обращение к вере связаны со Вторым Ватиканским собором и встречаами со святым Иоанном XXIII, блаженным Павлом VI, а позднее и со святым Иоанном Павлом II.

В 1992 г. был приглашен в Администрацию Бориса Ельцина в качестве руководителя президентской пресс-службы и ответственного секретаря Совета по взаимодействию с религиозными объединениями при президенте РФ. С 1996 г. по настоящее время – главный

научный сотрудник Института Европы, руководитель Центра по изучению проблем религии и общества, профессор, доктор исторических наук.

«ПАПА МИРА» ИОАНН XXIII

27 апреля нынешнего 2014 года Римская католическая церковь канонизировала (признала святым) Папу Иоанна XXIII, (в миру Анджело Джузеппе Ронкалли), инициатора Второго Ватиканского (по католической хронологии XXI Вселенского) собора, на котором был совершен глобальный поворот стратегии самой крупной религиозной структуры планеты от анафем к диалогу со всем окружающим миром. Одновременно с Иоанном XXIII был канонизирован Иоанн Павел II (Кароль Войтыла). Будучи епископом, он участвовал во всех четырёх сессиях собора, а, став Папой, активно проводил в жизнь решения этого поистине исторического форума РКЦ.

Торжественная церемония, которую возглавил нынешний Понтифик Франциск (Хорхе Марио Бергольо), прошла на заполненной до предела площади перед базиликой святого Петра в Риме. На ней присутствовали авторитетнейшие представители мировых религий, а также официальные делегации 93 стран, в том числе 23 руководителя государств на высшем уровне и 30 глав правительств; всего же в город на Тибре приехали из разных уголков земного шара 3 миллиона паломников и туристов.

Процессу канонизации в католичестве предшествует, наряду с тщательным изучением всех сторон жизни и деятельности кандидатов на общецерковное прослав-

ление, более раннее провозглашение их блаженными (батификация). Между этими двумя событиями, как правило, проходят десятилетия и даже века, и далеко не каждый блаженный признаётся затем святым. На сей раз батификацию и канонизацию Иоанна XXIII разделили всего 14 лет, а двойное прославление Иоанна Павла II – и того меньше (он был провозглашён блаженным 1 мая 2011 г.). Для канонизации необходимо зафиксировать, как минимум два чуда, совершенных по заступничеству прославляемого. Для нынешнего Понтифика Франциска таким чудом стал Второй Ватиканский собор.

*Святой Иоанн XXIII,
Папа Римский*

Крестьянский сын на церковной службе

Будущий инициатор собора родился 25 ноября 1881 г. в деревне Сотто-иль-Монте, недалеко от г. Бергамо (Северная Италия), в многодетной крестьянской семье, члены которой и их ближайшие родственники – три десятка человек разного возраста – жили под одной крышей и трудились на полях местного землевладельца. Впоследствии один из братьев будущего Папы Саверио Ронкалли, рассказывал, что их детские годы прошли под знаком борьбы с постоянным чувством голода. На столе утром и в обед были только полента (каша из кукурузной муки) и фасоль, никакого хлеба,

мясо два раза в год: на пасху и рождество, иногда ещё и на престольный праздник местной церкви. В одном из рукописных документов самого Понтифика сохранилась такая запись: «Родившись бедным, я буду весьма счастлив бедным и умереть... Моей любимой семье я могу оставить только одно очень большое и очень особое благословение, призвав хранить веру, которая всегда делала семью дорогой для меня, в её простоте и скромности, никогда не заставляя краснеть за неё. Это моя настоящая дворянская гордость». За школой, обучение в которой оплатили один из старших родичей и местный священник, последовали получение среднего и высшего, в том числе, блестящего богословского образования, рукоположение в священники (1904), работа в госпитале во время Первой мировой войны, когда он воочию увидел все ужасы государственного терроризма, преподавательская работа, служба в центральных учреждениях Ватикана, епископская хиротония в 1925 г.

В самом начале своего архиерейского служения, когда Католическую церковь возглавляли Пий XI (1922–1939) и Пий XII (1939–1958), Ронкалли познакомился с человеком, которому было суждено стать его преемником на папском престоле. Джованни Баттиста Монтини, в тот момент духовник кружка католиков-студентов Римского университета, обратился к только что рукоположенному епископу, получившему назначение на должность апостольского визитатора (неофициального нунция) в Болгарии, с личным письмом. Поздравив его с этим продвижением по службе, автор письма просил начинающего церковного дипломата выступить перед студентами с предпасхальной проповедью. Выступление не состоялось, но весна 1925 г. стала точкой

отсчёта личных контактов между двумя будущими Понтификами, которых связали и профессиональные интересы: вскоре Монтини был принят на службу в Ватикан и проработал в Государственном секретариате, в том числе – последние два года в качестве заместителя государственного секретаря, до 1 ноября 1954 г.

Впоследствии, в 1973 г., принимая на аудиенции группу паломников из Сотто-иль-Монте, приглашённых в Ватикан по случаю 10-летия кончины Иоанна XXIII, Монтини, он же Папа Павел VI, поделился с односельчанами Ронкалли воспоминаниями о первых встречах со своим предшественником: «Я приходил к нему несколько раз и встретил такое гостеприимство, которого могло и не быть, учитывая, что я был ему ранее совершенно незнаком. Мы сразу стали друзьями, благодаря его чрезвычайной общительности и сердечности, не говоря уже о доступности, стиравшей барьеры между ним и теми, кто к нему обращался»¹.

В годы церковно-дипломатической деятельности за рубежом Ронкалли побывал в странах, населённых последователями трёх разных религиозных традиций: православия (Болгария и Греция), мусульманства (Турция) и католичества (Франция). От первой из этих командировок сохранился его ответ на письмо одного из студентов софийской православной духовной семинарии (ксерокопия письма была передана автору статьи личным секретарём Иоанна XXIII – кардиналом Каповилла, доктором honoris causa Института Европы РАН): «Католики и православные не враги, а братья. У нас одна вера, те же самые таинства, прежде всего, Евхаристия. Нас разделяют некоторые недоразумения в вопросах

¹ Giovanni e Paolo. Due Papi – Brescia: Istituto Paolo VI, 1982. – P. 173.

Божественного строительства Церкви Господа нашего Иисуса Христа. Но те, кто оказался у истоков этих недоразумений, умерли много столетий тому назад. Так отодвинем же в сторону старые споры и займемся, каждый в своей среде, работой с тем, чтобы внушить нашим братьям чувство доброты, подавая им собственный добный пример». Под письмом – дата, которая говорит сама за себя: 27 июля 1926 г. До открытия Второго Ватиканского собора оставалось... 36 лет. И для официальной РКЦ православные были еретиками, которым предлагалось покаяться и перейти под омофор Ватикана.

В годы службы в Турции, в разгар Второй мировой войны, монсеньор Ронкалли регулярно переписывался с Монтини, причём оба они нередко прикладывали к своим служебным бумагам личные письма, свободные от протокольных условностей. Среди писем этого времени особый интерес представляет его отчёт о встрече с послом Германии Францем фон Папеном вскоре после раскрытия совершённого сталинским НКВД преступления – массового расстрела польских военно-пленных в районе Катыни. Немецкий дипломат рассчитывал использовать возможности Ватикана для усиления в Польше антисоветских настроений в интересах Третьего рейха, но будущий Папа перевёл разговор на тему о превращении гитлеровскими оккупантами Польши в гигантский концлагерь, где они расправлялись и с поляками, и с гражданами других национальностей, в том числе, с миллионами евреев. «Катынская трагедия, – цитирует Ронкалли слова, сказанные ему фон Папеном, – должна побудить поляков к пересмотру их отношения к немцам». И далее; «Я ответил ему, криво улыбнувшись, что в таком случае они должны будут

забыть о миллионах евреев, которых высылают в Польшу и там убивают. И что в любом случае рейху следовало бы сменить регистр в отношениях с поляками» (письмо из Стамбула датировано 8 июля 1943 г.).

Незадолго до окончания войны, в конце декабря 1944 г., Ронкалли был спешно переведён из Турции в освобождённый от оккупантов Париж. Приближался новогодний приём, на котором руководителя Свободной Франции генерала де Голля должен был приветствовать от имени дипломатического корпуса его дуайен, по давней традиции – папский нунций. Между тем, его в Париже не было. После капитуляции Франции в 1940 г. Ватикан сохранил отношения с прогерманским режимом Петэна, и когда ситуация на европейском театре военных действий изменилась, руководитель Движения сопротивления нацизму католик де Голль отказался встречаться с нунцием Валерием Валери и даже не разрешил ему участвовать в торжественном богослужении в соборе Парижской Богоматери по случаю освобождения столицы от гитлеровцев. В результате церковный дипломат был вынужден покинуть Францию, и первым по протокольному старшинству в парижском дипкорпусе оказался советский посол А. Е. Богослов, официально аккредитованный при деголлевском Французском комитете национального освобождения в 1943 году. Ронкалли установил добрые отношения как с французским руководителем, так и с послом СССР².

Нунциатура во Франции стала венцом дипломатической карьеры монсеньора Ронкалли. 10 ноября 1952 г. он получил письмо заместителя государственного

² Marco Roncalli. Giovanni XXIII. Angelo Giuseppe Roncalli. Una vita nella storia – Milano: Mondadori, 2006. – Pp. 284, 323, 341.

секретаря Ватикана, в котором Монтини извещал его о предложении Папы стать преемником тяжело больного Патриарха Венецианского (так титуловалась должность правящего архиерея Венеции с тех времён, когда этот город был столицей крупной независимой морской державы). 28 декабря Патриарх Карло Агостиани скончался, а уже 12 января 1953 г. Ронкалли был возведён в кардинальское достоинство и назначен Патриархом бывшей владычицы морей. По давней традиции головной убор кардинала – красную беретту – возложил на него высший государственный руководитель Франции, «старшей дочери Церкви», президент Венсан Ориоль. Прибыв к очередному месту служения, новый епархиальный архиерей «не выступал с громогласными заявлениями, предпочитая личное общение и частные беседы». Такие беседы он вёл с представителями всех течений общественной мысли Венеции, в том числе с социалистами и христианскими демократами всех направлений.

На кафедре святого Петра. Первые шаги к смене курса

Избрание Ронкалли на Римский престол состоялось 28 октября 1958 г. в одиннадцатом туре голосования. Объясняя выбор имени, новый Понтифик сказал, что отдаёт себя под покровительство Иоанна Крестителя и Иоанна евангелиста, а использование порядкового номера, под которым значился один из антипап прошлого, печально прославившийся в начале XV в., было воспринято в Церкви как проявление решимости Понтифика очистить это «имя нежное, мягкое и торжественное», как выразился сам новоизбранный, от прилепившегося

к нему негатива. Первое письмо, подписанное Ронкали – Папой Римским в день коронации 4 ноября 1958 г., было адресовано его другу Монтини. В нём, в частности, говорилось: «Направляюсь в храм святого Петра на большую церемонию... А позднее объявлю о созыве консистории (так называются собрания кардинальской коллегии, проводящиеся, в том числе, и для возведения в достоинство новых кардиналов – *ред.*). На нём будут названы имена монс. Монтини и монс. Тардини. Но это – чуть позже, а пока – совершенно секретно».

Пий XII не доверял своему аппарату. С 1953 года он сам выполнял функции государственного секретаря Ватикана, имея в качестве заместителя ветерана этой службы Доменико Тардини. Иоанн XXIII предпочёл бы видеть на этом посту Монтини, но, по его собственному признанию, опасался, что такое назначение будет воспринято как жест неодобрения действий предыдущего Папы, который в 1954 г. освободил этого архиерея от обязанностей заместителя государственного секретаря и отправил из Рима в Милан. Так руководителем одного из главных ведомств Ватикана стал Тардини. А 17 ноября Ватикан распространил официальное сообщение о предстоящей консистории. Ей предстояло заполнить вакансии, образовавшиеся в составе коллегии, общее число членов которой, в соответствии с регламентом 1586 года, не должно было превышать 70 человек.

«Мы сели за составление списка новых кардиналов, – рассказывал позднее Тардини, – и как только дошли до 70-й строки, я поднял голову и посмотрел на Папу. Перехватив мой взгляд, он спросил: продолжим? Продолжим, ответил я, и Понтифик возобновил перечисление новых имён». В результате новых кардиналов получили Франция, Италия, Испания и США, в

кардинальское достоинство были возведены и многие должностные лица курии. В то время, поясняет близкий к Ватикану религиовед и журналист Бенни Лай, не существовало предельного возраста для занятия церковных должностей, и кандидаты на их замещение могли ждать годами, постепенно старея, а их предшественники занимали насиженные места до самой смерти. С Иоанном XXIII всё начало меняться³. В списке 23 возводимых в кардинальское достоинство первым стояло имя Монтини. Никто тогда не мог предположить, что именно эти два человека – Ронкалли и Монтини – проведут Римско-католическую церковь и Государство град Ватикан через водораздел между двумя историческими реальностями: эпохой анафем и эпохой диалога.

25 января 1959 г. мир облетела сенсационная новость: через три года соберётся очередной, по католической хронологии – 21-й Вселенский, собор Римско-католической церкви. Три года понадобились Папе для того, чтобы в максимально возможной степени подготовить будущих участников форума, а главное – римскую курию – совокупность центральных структур РКЦ и Государства Град Ватикан – к решению задач, поставленных новым Понтификом. Наряду с центральной подготовительной комиссией начали функционировать десять «тематических», соответствующих различным направлениями работы курии. Одной из ключевых фигур этой команды, как и следовало ожидать, оказался кардинал (с 1953 г.) Альфредо Оттавиани, ветеран Конгрегации Священной канцелярии, выходец, как и Папа, из бедной многодетной семьи, но твердокаменный борец за сохранение традиций прошлого. Именно ему дальновид-

³ Benny Lai. I segreti del Vaticano da Pio XII a Papa Giovanni. – Roma-Bari: Laterza, 1984. – P. 48–49

ный Иоанн XXIII поручил руководство богословской комиссией, подключив тем самым к активному участию в деле, которое, по существу, было для этого человека чужим. В результате Оттавиани выпустит много протестного пара в дискуссиях со сторонниками провозглашённого Папой «аджорнаменто» (обновления) церковной жизни, но в конечном итоге пойдёт на компромисс с ними и подпишет все документы собора. Ещё одной важной фигурой в подготовке к собору стал возведённый в кардинальское достоинство одновременно с Монтини и Тардини бывший духовник Пия XII Августин Беа. Он проявил себя как реальный помощник нового Папы в деле содействия достижению единства христиан.

Были у Понтифика, конечно, и более близкие ему сотрудники – единомышленники, на которых он мог положиться в самых непростых и деликатных случаях. Учёный и писатель Марко Ронкалли, внучатый племянник Иоанна XXIII, начинает их перечисление с трёх имён. Это монсеньор Дель Аккуа, ответственный сотрудник Римской курии, Альфредо Каванья, исповедник Папы, и Лорис Каповилла, его личный секретарь со времён венецианского патриаршества. Должность Л. Каповиллы не была предусмотрена штатным расписанием, однако по своей роли в жизни церкви он превзошёл всех ближайших сотрудников Пап XX века, считает М. Ронкалли. «Иоанн XXIII, – пишет он, – сознавал, что в организации собора ему не обойтись без помощи курии, но знал и другое: когда возникает необходимость ограничить влияние этого “ватиканского пентагона”, обеспечить прямой выход на общественность и членов церкви, выйти за пределы “занавеса из фимиама”, он может положиться, помимо Дель Аккуа

и Каваньи, только на Каповиллу. На человека, который умеет не только быть добросовестным исполнителем любого поручения (и даже порой упредить появление такого поручения), но и стать послом, готовым выполнить самые деликатные миссии, в одних случаях – раскрывая перед лицом СМИ и общества подлинный имидж Понтифика, в других – участвуя в разработке стратегии, способствующей установлению первых контактов с Востоком, в третьих – играть роль посредника между Папой, с одной стороны, и членами его семьи, жителями Бергамо и Венеции или, наконец, представителями мира гуманизма, с другой»⁴.

Три года подготовки к собору стали периодом беспрецедентно широкой гласности внутри РКЦ. В мировом масштабе развернулась невиданно свободная дискуссия по различным, в том числе и остройшим проблемам церковной жизни. «В годы Пия XII, – вспоминает историк Андреа Риккарди, – несмотря на многообразие позиций, сложившихся внутри католичества, оно представлялось как монолит, единый блок во главе с Папой и центральными руководящими органами церкви. Декомпрессия, связанная с собором, позволила самым разным реальностям католического мира встретиться и вступить в контакт поверх логики блоков»⁵. На первую сессию собора приехали 2778 участников. Из них 38% представляли Европу (в т. ч. 15% – Италию), 31% – Южную и Северную Америку, 21% – Азию и Океанию, 10% – Африку. Что уже существенно отличалось от состава подготовительных комиссий, на 70% состоявших из жителей Европы.

⁴ M. Roncalli. Ibid., p. 472–474.

⁵ Andrea Riccardi. Il potere del Papa da Pio XII a Paolo VI / – Roma–Bari: Laterza, 1988. – P. 283.

В помощь им была сформирована группа известных богословов, в состав которой вошли, в частности, приглашённый лично Иоанном XXIII, вопреки сопротивлению части сотрудников курии, теолог-новатор иезуит Карл Ранер (ФРГ), другой иезуит – будущий кардинал Жан Даниелу; друг преследовавшегося при Пие XII учёного-иезуита Пьера Тейяра де Шардена – Анри де Любак (Франция), включённый, опять-таки по настоянию Папы, сторонник «новой теологии» – соотечественник Де Любака – Ив Конгар и, наконец, молодой швейцарский учёный Ганс Кюнг, который с 1960 г. работал доцентом Тюбингенского университета (ФРГ). Вспоминая атмосферу, царившую в эти дни в Ватикане, Кюнг писал: «В ходе встреч на симпозиумах, лекциях, вечерах и даже в буфетах завязывались многочисленные контакты между людьми, ранее не знавшими друг друга. Неожиданно открывались общие заботы и тревоги, обнаруживался разрыв между словами и делами, епископы, приехавшие из самых разных точек земного шара, указывали, что их мысли и смутные ощущения совпадают с мыслями и ощущениями других прелатов церкви, и в результате «меньшинство, каким оноказалось накануне открытия собора, оказалось большинством»⁶.

Ещё один молодой, но уже известный теолог Йозеф Ратцингер, будущий Папа Бенедикт XVI, был приглашён на собор заинтересовавшимся его работами немецким кардиналом Й. Фрингсом и сначала был аккредитован в качестве одного из двух его личных советников по богословию (вторым был секретарь кардинала Хуберт Люте Hubert Luthe). Кардинал был членом центральной

⁶ Hans Kung. Le Concil, épreuve de l'Eglise. – Paris: Ed. du Seuil, 1963. P. 72–75

подготовительной комиссии и, получая готовившиеся курией документы, направлял их молодому теологу для ознакомления и оценки. После завершения первой сессии собора его юридический статус будет повышен до уровня одного из официальных экспертов-консультантов. Эксперты не были полноправными участниками собора и не могли участвовать в его заседаниях. Но их вклад в работу высшего собрания католических епископов всего мира оказался исключительно значимым, предопределив тональность и существо решенияй форума по самым важным вопросам его повестки дня.

Готовился к собору и сам Папа. Не дожидаясь его открытия, он выпустил Миссал с двумя изменениями. В число святых, упоминаемых в Римском каноне, был включён святой Иосиф, а из молитвы, читаемой в Великую Пятницу, из прошения об иудеях был изъят эпитет *perfidī* (неверные).

Всесерковный собор открыт

А теперь процитируем корреспонденцию ТАСС из Ватикана от 11 октября 1962 г: «Сегодня в ватиканском храме св. Петра открылся Вселенский собор Римской католической церкви. Интерес, вызванный этим событием не только в церковных кругах, объясняется уже тем обстоятельством, что за всю историю до сих пор состоялось всего 20 вселенских соборов (*в тот момент автор ещё не знал, что для православных вселенскими были и остаются лишь семь первых соборов неразделённой Церкви*). Нынешний собор, как и предыдущий, который состоялся 92 года назад, собирается в Ватикане и потому получил название Второго Ватиканского. В нём должны принять участие более 2,5 тысяч санов-

ников католической церкви из различных стран мира. Большинство из них уже прибыло в Рим. Среди прибывших и представители католиков Польши, Венгрии, Чехословакии, Болгарии, а также советской Литвы. Участникам собора предстоит обсудить большое количество вопросов, касающихся главным образом церковной доктрины и ритуалов. Наряду с этим несомненно будут затронуты и вопросы, связанные с современной международной обстановкой. Именно эта часть работы собора привлекает наибольшее внимание многочисленных обозревателей, собравшихся сейчас в Риме»⁷.

У этой корреспонденции была собственная предыстория, о которой журналист-тассовец узнал лишь много лет спустя, после распада СССР и получения доступа к части секретных архивных документов. Первая реакция Москвы на созыв собора в Ватикане была резко отрицательной. Ведущий партийный пропагандист Юрий Жуков, который занимал тогда пост председателя Государственного комитета по культурным связям с зарубежными странами при Совете министров СССР, обратился к высшему руководству страны с секретной запиской, в которой предлагал развернуть в печати широкую антиватиканскую кампанию. Среди основных тем этой кампании Жуковым были названы и такие: Вселенский собор – затея сторонников «холодной войны»;

⁷ Это сообщение ТАСС 12 октября поместили «Правда» и «Известия». Совершенно иной по тональности оказалась написанная в Москве и опубликованная в «Комсомольской правде» пространная статья другого автора «Каким будет новый Силлабус». «Современный Ватикан, – писала газета, – напоминает живой труп. И в какие бы «платья» этот живой труп ни переодевали, какие бы заклинания над ним ни произносили, ничто не сможет его воскресить. История безжалостна к отживающему».

почему Ватикан выступает против мирного сосуществования; Ватикан и колониализм; кризис в католическом лагере.

Только что назначенный на пост председателя КГБ комсомольский вожак А. Н. Шелепин («железный Шурик») сообщил партийному руководству в августе 1960 г., что «Ватикан стремится всеми средствами удержать западную дипломатию на позициях холодной войны и помешать смягчению напряженности в международных отношениях». А под самый занавес, менее, чем за полтора месяца до объявленной даты открытия собора, предпринял ещё одну попытку настроить политическое руководство страны против Ватикана и не допустить участия в соборе приглашённых на него официальных наблюдателей Русской православной церкви. В новой записке в ЦК чекисты доложили, что, «по некоторым данным, собор должен принять резолюцию, в которой заклеймит коммунизм, запретит какие-либо формы сотрудничества между католиками и коммунистами... осудит лиц, придерживающихся марксистской теории в области философии, политики и социологии... запретит духовным лицам принимать участие в движении сторонников мира»⁸.

На самом деле вся эта, с позволенья сказать, информация была чистой воды ложью. Бесконечно далёкий от согласия с тоталитарными режимами государственного атеизма, Иоанн XXIII был преисполнен решимости сделать всё возможное, чтобы предотвратить ракетно-ядерный апокалипсис и сохранить возможность победить советский панцер-коммунизм в мирном диалоге

⁸ Опубл. в сборнике: Свобода совести в России: исторический и современный аспекты. – М. – СПб: Российское объединение исследователей религии, 2008. С. 376–385.

со своими идеяными антиподами. Как в дальнейшем стало очевидным, аналогичную линию поведения был готов избрать преемник Сталина Н. С. Хрущёв. Оставаясь убеждённым атеистом и подвергая гонениям религиозные структуры на родине, он искренне верил в неизбежность победы над капитализмом в экономическом соревновании в условиях «мирного сосуществования двух систем», а потому сделал выбор в пользу диалога с Ватиканом. Так, исходя из диаметрально противоположных целей, СССР и Святой Престол сблизились на почве миротворчества, завещанного людям Спасителем.

День открытия собора завершился факельным шествием к площади святого Петра, где к его участникам обратился сам Иоанн XXIII. Его краткая речь поразила необычностью и беспрецедентно человечным тоном тех, кто собрался на площади (куда пришёл и автор этой статьи), и, что ещё более важно, миллионы радиослушателей и телезрителей во всём мире. «Мой голос всего один, но в нем голос целого мира, – сказал Папа. – Весь мир здесь представлен. Кажется, даже луна поспешила сюда этим вечером; посмотрите, она взошла, чтобы увидеть это зрелище. Дело в том, что мы завершаем великий день примирения. Примирения! Слава в вышних Богу, и на земле мир, в человеках благоволение... Моя персона не значит ничего. Брат, который говорит с вами, стал отцом по воле нашего Господа... Но всё это вместе, отцовство и братство, – милость Божья. Всё, всё! Давайте же продолжим любить друг друга, чтобы сохранить всё, что нас объединяет [...] Когда вы вернетесь домой, подойдите к детям. Приласкайте ваших малышей и скажите: Это нежность от Папы (апплодисменты). Постарайтесь осушить несколько слезинок...

Сделайте что-нибудь... скажите доброе слово: Папа с нами, особенно в часы грусти и огорчений. И воодушевленные, вместе мы будем петь, и мечтать, и плакать, но всегда, всегда полные веры во Христа, который помогает нам и слышит нас, мы снова продолжим свой путь».

Новым обнадёживающим знаком стали выступления Папы на соборе и на различных связанных с ним церемониях. Особенно большой резонанс в мире встретила речь, которую Римский Первосвященник произнёс, давая аудиенцию руководителям официальных государственных миссий, присутствовавших на открытии собора. Иоанн XXIII напомнил об ответственности глав правительств за судьбы народов и призвал их прислушаться к «крику беспокойства, который поднимается к небу со всех краёв земли, как от невинных детей, так и от стариков, как от отдельных людей, так и от целых человеческих сообществ: мира, мира!». Пусть мысль об этой ответственности, продолжал Папа, «заставит их не пренебречь ни одним усилием, чтобы достигнуть этого блага, которое является для всей человеческой семьи самым высшим из всех благ». «Пришло время, — воскликнул он в заключение, — чтобы в деле обеспечения мира были сделаны решающие шаги!»

Высказывания Понтифика в пользу мира и международного сотрудничества пришли явно не по вкусу наиболее консервативным органам печати, окончательно связавшим себя с «холодной войной». Как подметила римская газета «Паэзе сера», «невероятно, но факт: значительная часть итальянской прессы с удивительной бесцеремонностью отнеслась к изложению речей Иоанна XXIII, подвергая настоящей цензуре наиболее важные и актуальные его высказывания». Многие газеты «загоняют» призывы Папы к миру на внутренние поло-

сы, где обычно печатается лишь самая второстепенная информация. Так поступила римская «Темпо», которая запрятала наиболее важные высказывания из речи перед представителями официальных государственных миссий на 8-ю полосу, где всё остальное место было занято рекламой, объявлениями о спектаклях и... предсказаниями звездочётов. Неслучайно, давая аудиенцию журналистам, аккредитованным при отделе печати Вселенского собора, Папа счел необходимым призвать их к объективному освещению событий и первоочередному выделению наиболее важных фактов. Только служа правде, сказал он, вы сможете способствовать установлению подлинного мира на этой земле. Объясняя свои неоднократные призывы к «деполитизации» деятельности церкви, Папа заявил, что церковь чувствует теперь необходимость ликвидировать «очаги недоверия, подозрительности и непонимания», которые вызывают «печальные последствия для развития дружбы между людьми и между народами». Они представляют собой продукт «позиций, занятых церковью в определенных исторических условиях», и, следовательно, имеют «преждевременный характер».

А вот что сообщил корреспондент ТАСС в Ватикане 8 декабря 1962 г: «Сегодня торжественной церемонией в ватиканском храме святого Петра завершилась первая сессия Вселенского собора. Результаты сессии подтверждают предсказания тех, кто предвидел трудный ход её работ и сомневался в том, что за 2 – 3 месяца собор сможет определить позицию Католической церкви по всем вставшим перед ней проблемам. Более того, новая сессия должна будет в известном смысле начинать всё сначала, поскольку на нынешней сессии не удалось достичнуть полного согласия ни по одному из переданных

на обсуждение епископов теологических вопросов. Несмотря на секретность, окружавшую работу собора, через бронзовые врата Апостолического дворца в журналистские круги просачивались некоторые сведения, характеризовавшие обстановку, которая сложилась сейчас в Ватикане. Они свидетельствуют о серьёзных разногласиях между двумя большими группировками, образовавшимися на соборе: «традиционистами», или «консерваторами», духовным лидером которых является секретарь Конгрегации священной канцелярии (бывшей инквизиции) кардинал Оттавиани, и «новаторами», или «реформистами», которым, по словам печати, сочувствует и сам Папа Иоанн XXIII. Местные политические обозреватели отмечают, как новый факт, именно это чётко определившееся размежевание сил внутри Римской католической церкви. Усиление новых тенденций, в пользу более либерального отношения к инакомыслящим, позволило Ватикану установить прямой контакт с представителями некатолических церквей, включая Русскую православную церковь и несколько крупных протестантских структур, которые впервые направили на Вселенский собор своих наблюдателей».

Готовность Ватикана к конструктивному диалогу с православием вообще и русским православием, в частности, отметил в своём отчёте Патриарху официальный наблюдатель РПЦ на соборе о. Виталий Боровой. Сообщая о своих неоднократных встречах с кардиналом А. Беа, он подчеркнул, что, по словам кардинала, Папа, как и руководство РКЦ в целом «понимают историческую неизбежность изменившегося положения на Востоке и готовы на разумных основаниях для пользы Церкви сотрудничать со всем тем новым и хорошим,

что там имеется». В докладе подчёркивалось, что все, с кем приходилось иметь дело русским наблюдателям (кардиналы, архиепископы и епископы разных стран, католические богословы и профессора, президиум и секретариат Собора, члены многочисленных Ватиканских конгрегаций и коллегий, включая «Руссикум» и «Конгрегацию для восточных Церквей», восточные патриархи-униаты и их епископат), относились к ним с большим вниманием, предупредительно и дружественно.

«Единственным исключением, — отметил далее о. В. Боровой, — была группа из 15-ти украинских униатских епископов, которая демонстративно избегала встреч с наблюдателями от Русской Церкви». Иерархи УГКЦ подготовили меморандум о насильственном упразднении Униатской Церкви и преследовании греко-католического духовенства в СССР и намеревались добиться принятия на Соборе резолюции, осуждающей действия советских властей и РПЦ. Натолкнувшись на запрет, наложенный руководством Собора, авторы этого документа заручились поддержкой со стороны одного из итальянских епископов, который от своего имени предложил упомянуть в одном из документов Собора о «церкви молчания» и выразить сочувствие «страдающим за веру братьям» и особенно тем из них, которые «были лишены возможности приехать на Собор» и находятся в заключении. Однако и это предложение не встретило поддержки большинства соборян и, таким образом, не прошло. «Очевидно, что позиция Святого Престола в данном вопросе вновь была продиктована стремлением установить благожелательные отношения с Советским Союзом и Русской Православной Церковью», — констатировал автор отчёта.

Итоги понтификата Ронкалли

Инцидент с униатским «меморандумом» не остался, однако, без последствий. Перед отъездом наблюдателей РПЦ на родину в декабре 1962 г. их принял руководитель Конгрегации по делам восточных церквей кардинал Теста, который заявил: «Папа очень просит наблюдателей довести до сведения Святейшего Патриарха, а через Патриарха – до сведения Советского Правительства, что он – Папа – был бы очень счастлив и благодарен Советскому Правительству, если бы оно, руководясь гуманными соображениями и милосердием, предоставило бы амнистию заключенному униатскому митрополиту Иосифу Слипому, семнадцать лет тому назад осужденному советским судом. Слипый уже глубокий старик, к тому же он больной. Если он был виновен, он достаточно понёс наказание за свои преступления. Теперь для Советского Правительства он не представляет уже никакой опасности. Будет гуманно, если его помилуют, освободят из заключения и дадут возможность спокойно дожить остатки его дней и умереть не в тюремных условиях. Папа и вообще Ватикан ручаются пред Советским Правительством в том, что Слипой не возобновит никакой официальной деятельности и не станет что-либо говорить или действовать неофициально»⁹.

С просьбами об освобождении Слипого к Хрущёву в неофициальном порядке обратились и такие разные люди, как президент США католик Джон Ф. Кеннеди (через своего представителя Нормана Казинса, который имел продолжительную беседу с советским руководи-

⁹ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 463. Л. 87–89.

телем в Кремле), премьер-министр Италии Амиторе Фанфани и генсек Итальянской компартии Пальмиро Тольятти. В результате всех этих обращений 27 января 1963 г. Слипый был освобожден из лагеря и на следующий день доставлен в Москву. Он пробыл там до вечера 4 февраля, успев в последний день пребывания в гостиничном номере тайно рукоположить в сан епископа вызванного из Львова священника Василия Величковского, который, как отмечает церковный историк Владислав Игоревич Петрушко, был назначен помощником митрополита на всей территории СССР и – опять-таки тайно – рукоположил ещё двух епископов: Владимира Стернюка (1964 г.) и Никанора Дейнегу (1972 г.).¹⁰ Что касается самого митрополита, обеспечив преемственность униатского епископата в СССР, он отбыл поездом в Рим.

Ещё одним важным событием зимы и весны 1963 г. стала встреча Иоанна XXIII 7 марта с зятем и дочерью Хрущёва. Главный редактор «Известий» А. И. Аджубей и его жена Рада Никитична были тепло приняты Папой¹¹, и их визит как бы предуготовил возможную встречу двух мировых лидеров, которая так и не состоялась ввиду смерти Папы Ронкалли (3 июня 1963 г.) и последующего год с небольшим спустя отстранения от власти инициатора десталинизации в Советском Союзе. Но Папа, уже тяжело больной, успел подготовить

¹⁰ Петрушко В. А. Папа Иоанн XXIII и украинские униаты // Интернет- портал Седмица.Ru (<http://www.sedmitza.ru/text/443664.html>)

¹¹ Об этой встрече Р. Н. Аджубей рассказала, выступая на посвящённой Иоанну XXIII конференции в Институте Европы РАН (Иоанн XXIII и современный мир: христиансское свидетельство, сосуществование и сотрудничество. – М.: Интердиглант, 2003. – С. 29–31.

и подписать 11 апреля свой самый важный доктринальный документ – обращённую не только к церкви, но и – впервые в истории – «ко всем людям доброй воли» энциклику (окружное послание) «*Racem in Terris*» («Мир на Земле»). И даже увидеть её на страницах последнего апрельского номера московской еженедельной газеты «За рубежом», который ему показал личный секретарь монсеньор Лорис Каповилла.

В этом документе подчеркивалось, что в основание упорядоченного и зрелого общества должен быть положен принцип, который гласит, что каждый человек – это личность, то есть существо, одарённое разумом и свободной волей. Каждый имеет право на жизнь, на личную неприкословенность, на средства, необходимые и достаточные для достойного образа жизни. Это, в частности, питание, одежда, жилище, отдых, медицинское обслуживание, необходимое социальное обеспечение. Из присущей людям социализации проистекает право на объединение и право придавать общественным и политическим организациям структуру, необходимую для достижения их целей, а также свободно и ответственно участвовать в их деятельности... Власть, которая основывается исключительно или преимущественно на терроре и страхе перед наказанием, не побуждает людей деятельно стремиться к достижению общего блага. Тем временем мы с прискорбием констатируем, что в экономически развитых государствах созданы и продолжают создаваться гигантские объемы вооружений; ради этого растратаются духовная энергия и огромные материальные средства, а граждане этих государств терпят лишения.

Отношения между государствами, указывалось далее в энциклике, должны строиться на основе истины

и справедливости и проявляться в многообразных формах плодотворного сотрудничества в экономической, социальной, политической, культурной, экологической, спортивной и других сферах. Все возникающие в мире споры могут и должны найти свое разрешение не в военных конфликтах, а путём разумных переговоров. При этом Папа не ограничился одними лишь общими призывами к переговорам, но и коснулся тех конкретных вопросов, которые должны явиться предметом обсуждения в международном масштабе. Он прямо выскажался за немедленное прекращение ядерных испытаний, за запрещение атомного оружия, прекращение гонки вооружений и, наконец, за осуществление всеобщего и полного разоружения под соответствующим контролем. Прекращение гонки вооружений, писал он, не только избавит людей от страха перед завтрашним днем, но и высвободит огромные материальные ресурсы, в которых так нуждается человечество.

Иоанн XXIII впервые в официальном документе РКЦ сформулировал тезис о возможности сотрудничества католиков и некатоликов в их совместной деятельности для достижения гуманитарных целей, в которых заинтересовано все человечество. Он прямо заявил, что «такое сближение, которое ещё вчера было невозможным, сегодня уже полезно или может стать полезным завтра. Никогда не следует смешивать заблуждение с заблуждающимся, даже если речь идет о неверном понимании нравственно-религиозной истины. Заблуждающийся остается, прежде всего, человеком и сохраняет, во всех случаях, достоинство личности; его следует рассматривать и уважать, как подобает его достоинству».

В заключение приведём выдержки из написанного автором этой статьи некролога, который был опубликован

в новом (тогда) московском журнале «Наука и религия»: «3 июня [1963 г.] умер глава Римской католической церкви Папа Иоанн XXIII. Это известие глубоко опечалило всех людей доброй воли, независимо от их политических, социальных и религиозных взглядов. Не будет преувеличением сказать, что никогда ещё до сих пор смерть духовного вождя католиков не вызывала в мире столь большого и искреннего сожаления... Конечно, Иоанн XXIIIставил превыше всего интересы церкви, главой которой он являлся. Но он понимал, что бессмысленно говорить о какой бы то ни было миссии церкви в мире, испепелённом атомной войной. Смерть Папы обрывает на полуслове весьма важную главу в истории Ватикана. Эта глава, независимо от того, будет она дописана или нет, займёт в этой истории особое место и, возможно, ознаменует собой начало нового её этапа».

И этот этап продолжается уже более полувека, будучи закреплён в решениях Второго Ватиканского собора и учительстве нынешнего Папы Франциска – Иоанна XXIII наших дней. Свидетельства тому – крах режимов государственного атеизма, установление дипотношений между бывшими республиками СССР и Святым Престолом и ведущийся, хотя и не без трудностей, богословский диалог между католиками и православными.

Мариано Боргоньони

Мариано Боргоньони живет в Ассизи, преподает социологию, ведет семинары и читает курсы лекций по теологии в Ассизском теологическом институте (Латеранский факультет). Социолог по первому образованию, он получил докторскую степень по Фундаментальной теологии на Теологическом факультете центральной Италии (Флоренция). Член ассоциации итальянских теологов, автор многочисленных публикаций, среди которых Sorella Maria, libera e selvatica in Cristo (Сестра Мария, свободная и строптивая во Христе), La fede ferita (Раненая вера), La terra dei semi (Земля семян), Le tracce del vento (Следы ветра), Affinchè crediate, figure e simboli nel Vangelo di Giovanni (Чтобы верили: образы и символы в Евангелии от Иоанна). Автор и редактор двухнедельника «Рокка». Занимал высокие должности в руководящих органах Провинции Перуджа и Области Умбрия. Был общенациональным координатором Областей и Местных учреждений по вопросам мира.

Женат, имеет двух дочерей.

СЕСТРА МАРИЯ

«Выбираться на простор...»

Умерла Мария 5 сентября 1961 года, а на следующий день после ее похорон брат Джованни Ваннуччи, друг Марии и Скита, благодарил ее «за то, что она дала новую жизнь главным словам христианства, которые от долгого употребления поблекли: агапе, койнония

(общение), *sacrum facete* (освящать), мир, мать-земля... за то, что она вернула в старый Скит жизнь древних монахов, воспроизвела ее, храня верность ее духу и обновляя форму; за то, что она показала нам: просто храня верность Иисусу Христу, все Церкви могут встретиться в единстве любви». И каждый год, 5 сентября, в Книге Свидетелей Общины Бозе поминается Валерия Пиньетти, сестра Мария, – как главное действующее лицо «одного из самых неподдельных проявлений евангельской жизни XX века».

Валерия Пиньетти родилась в 1875 году в Пьемонте, в старой буржуазной семье среднего достатка. Ее детство (на котором оставила глубокий след преждевременная смерть отца), проходило между Римом (где отец, по имени Бартоломео, был директором школы) и Турином (где жила семья матери, по фамилии Валерио, – верные последователи Мадзини¹). Внучка епископа Альбы (слышавшего святым), Валерия с самых ранних лет получает католическое воспитание и еще совсем юной выказывает сильную привязнь к одиночеству, созерцанию, природе, широким просторам вальдостанских² гор.

«Малость, – писала Валерия много лет спустя, – которая для меня наполняется священным смыслом: всякий день каждая из нас должна прогуливаться под горой в час безмолвия, предшествующий молитве».

И именно в горах, в октябре 1900 года, после двадцатидневного уединения и почти полного воздержания от

¹ Джузеппе Мадзини (1805–1872) – итальянский политический революционер, писатель и философ, сыгравший видную роль в движении за освобождение и объединение Италии и за либеральные реформы.

² От Валле д'Аоста – название самой маленькой области Италии, находящейся на северо-западе страны.

пиши, в соприкосновении с непорочной природой Ла Салле, Валерия решает принять монашеские обеты.

24 мая 1901 года она вступает в Конгрегацию францисканок-миссионерок Марии.

На протяжении восемнадцати лет она занимает множество должностей в своем институте, среди которых – пост директора флорентийского Центра в поддержку женщин, испытывающих трудности, и пост начальницы госпиталя англо-американских союзников в Риме во время войны.

Время, проведенное в римском госпитале, – серьезная пора: постоянное соприкосновение с больными, со страданием, со смертью – момент «окончательного распознания любви, служащей страданию». Недаром именно благодаря работе в госпитале Мария избирает путь следования за Христом и свидетельства о Нем, предполагающий всегдашнее приятие любого человека – бесприютного, страдающего, умирающего.

Мощно заявляет о себе ее свободный, сильный, неукротимый дух, который позволяет ей безбоязненно соглашаться на то, чтобы женщина пришла навестить умирающего любовника; дух, который помогает ей без колебаний отправиться на поиски православного священника, для окормления сербских офицеров. Она и сама принимает участие в их службе.

Решение оставить конгрегацию вызревает именно в соприкосновении с огромным страданием, с океаном уязвленной человечности: расставание произошло летом 1917 года, после того, как 21 апреля умерла генеральная настоятельница матери Марии де ля Редемпсьон. Со стороны Валерии это не бунт; она почувствовала настоящий призыв совершить что-то новое.

«Это было невыразимым. Одно из тех таинственных прикосновений, которые душа ощущает в своей глубине: она может передать, какие им сопутствовали внешние обстоятельства, время, место, второстепенные подробности, но не в силах поведать ничего о прикосновении самом по себе, а ведь оно было реальным, ощущавшимся явственно, с несомненностью события, произошедшего в один миг, которое навсегда проводит водораздел между “до” и “после”[...]. Валерия чувствовала, что в ней зреет некое Божье повеление, и что для того, чтобы следовать ему, ей придется покинуть монастырь и много страдать.

11 апреля 1919 года Папа Бенедикт XV позволяет ей выйти из конгрегации, и она из нее выходит, можно сказать, не зная, куда идти.

Сестра Мария хотела найти скромное место, которое бы источало благоухание Франциска.

21 ноября 1922 года, в праздник Введения, сестра Мария переселяется в местечко Порета, что неподалеку от Сполето, в обитель, которую она назовет «Прибежище святого Франциска».

Мария и многие из ее сестер – францисканские терциарии, но у них никогда не будет узаконенного устава. *«Никакое звание нам не подобает, ни Господжа, ни Досточтимая. Просто Сестра Мария, если обращаются ко мне. Я желала бы объяснить это, из любви к точности. Мы не новая Конгрегация, не мирское учреждение; мы будем небольшой группой сестер, которые живут вместе, объединенные любовью ко Христу. Поэтому ни одно из званий, обычно дающихся монахиням того или иного Ордена, нам не подобает. Но наименование «сестры» нам дорого, потому что мы, действительно, ощущаем себя по отношению ко*

всем творениям верными сестрами. Мы трудимся, как работницы, чтобы нам было на что жить: изготавливаем трикотажные изделия и плетем флорентийскую соломку. Мы благодарны тем, кто дает нам работу. Но у нас нет дарований, имеющихся у других работников; мы и вправду – меньшие. Необходимо, чтобы наши заказчики об этом знали. Мы оказываем гостеприимство, как гласит наша маленькая программа. Исполненная мира обстановка в одиночестве и во францисканской простоте может даровать свет духу и обновить силы. Каждого паломника, приходящего побывать в Прибежище, встретят с уважением и радостью. Мы не требуем никакой платы, но, кто может, и насколько может, кладет милостыню в закрытый ящик, так, чтобы «левая рука не знала, что делает правая».

2 февраля 1923 года, после долгих поисков, сестра Мария впервые увидела, на холме, над Писсиньяно, близ Сполето, заброшенную францисканскую обитель. Это был монастырь святого Антония Великого, в котором, как говорят, жили блаженный Савин, св. Франциск Паоланский, св. Иоанн Капистранский, св. Бернардин Сиенский. К месту, где был построен монастырь, часто поднимался и св. Франциск Ассизский, который предавался молитве и молитвенным размышлениям в здешней пещере. Сестрам удалось перебраться в Скит (преодолев всевозможные трудности, недоверие, сопротивление) в начале августа того 1926 года, когда праздновалось семисотлетие со дня преставления Франциска. Обычно сестру Марию считают, и справедливо, душой мистической и созерцательной, но следует подчеркнуть, что история и, в некотором смысле, приключение с восхождением в Скит свидетельствуют

о «терезовских» решительности и характере той, что просила называть себя Меньшей.

В этот прекрасный Скит на протяжении многих десятилетий стекались мужчины и женщины, которые, — следуя своему жизненному выбору, ища насыщенной молитвы или просто тишины, либо стремясь найти утешение или понимание, будучи изгоями и страдальцами, а также в поисках убежища во времена голода и войны, — обнаруживали в нем обитель братства, без каких бы то ни было претензий, и уж конечно, без всякого намека на прозелитизм.

Мужчины и женщины, простые и незаурядные, участвовали в прямом сопоставлении между *ханиф* (пользуясь исламской терминологией), между искателями Бога и свидетелями солидарности. В первую очередь, это были христиане всех конфессий, уже не враги и даже не «отделенные братья»: в Скиту они становились просто братьями «в Господе». Перескакивая через сложность, поныне существующую, немаловажных теологических, вероучительных, экклезиологических измерений? Нужно ответить «да». Причем, это «да» — плодотворное и, в конечном счете, то же самое, которое позволило христианам молиться вместе в Ассизи или встретиться по случаю Юбилейного 2000 года в римской Базилике св. Павла за городскими стенами для совместного исповедания веры и уверенности в «экуменизме святости», питавшем христианское свидетельство, да и мученичество в XX веке. Кроме христиан, в упорядоченной свободе Скита, встретились великие люди, движимые Духом, такие как Ганди, или люди, которые не встретили Бога, но боролись за лучшую долю для человека, особенно, — для самых неудачливых.

В эти десятилетия жизнь сестер состояла из молитвы, труда, гостеприимства. Ритм этой жизни был размежеванным и непрерывным, и он помогал им предлагать братское отношение любому, кто стучался в ворота Скита. *«Только достигший дара одиночества может общаться с другими, исходя из их нужды, а не своей!».*

Экуменизм, диалог с людьми, исповедующими различные религии, или даже агностиками и находящимися в поиске, коренится в этом образе жизни. В его основе – не особенные интеллектуальные изыскания, а особая, оригинальная, можно сказать, непосредственная харизма: способность напрямую соотноситься с тревогами людей и предлагать им безыскусное и заслуживающее доверия свидетельство. С другой стороны, *«Христос – для всех, для тех, кто верит в Него, и тех, кто не знает Его. У людей всегда есть стремление сужать... мы должны выбираться на простор, чтобы быть со всеми».*

Всё это опирается на несколько осевых линий, которые я бы назвал решающими в призвании, а затем – в духовном опыте сестры Марии: 1) холистическое, космотеандрическое видение реальности; 2) литургическое сердце, которое чувствует прославление жизни, благодарение, смысл памяти и ожидания как общение за пределами времени и пространства; 3) вечный огонь Слова (главное – Его воплощение), как критерий оценки и Предания, и преданий; всегдашняя подчиненность тому, что мы, вместе с Иоанном Баптистом Мецем, можем назвать 4) авторитетом страдающих; 5) превращение в носителей мира и радости, той, что возрастает вместе с верой, и является даром «Благого Духа».

Экуменизм жизни и духовный диалог, возникшие в Ските, имеют эти *крепкие и хрупкие основания*. В этом

же самом опыте есть нечто, что нашло воплощение во II Ватиканском Соборе и после Собора. Можно сказать, что сестра Мария смотрела далеко, возможно, — дальше тех, кто сделал ставку на свои таланты в недолговечном бою. Ее «логика» была той же, что у Франциска, — обезоруживающей и безоружной (в частности, — с точки зрения культуры), но ничуть не наивной и неосторожной. Ее курс остался незыблемым посреди бури.

1) *Космотеандрическое видение*, которое есть вместе вера и мудрость человеческого жития, восполняющего измерения божественного, человеческого и космического в унитарной перспективе. Несомненно, это видениеозвучно францисканской космологии, но сестра Мария вносит в него оригинальную нотку, новый колорит, который облегчает его восприятие для современного человека. Кроме того, сестра Мария придает этому видению оттенок утонченной женственности и подчеркнутого материнского призываия. В жизни Скита осуществляется одновременность, постоянное и действенное присутствие отсутствующих друзей, умерших, животных, растений, которое стремится уничтожить время и пространство или, точнее, переплавить их в «делание», в молитву, в гостеприимство, в каждодневное слушание. В окружном послании друзьям от 5 августа 1940 года сестра Мария передает им привет от каждой твари Скита:

«От голубей, ведь они [...] — постоянный призыв к чистой простоте и к миру, [...] от ласточек [...], слетевшихся на дерево молитвы [...], от деревьев. Во-первых, от дерева молитвы, старого дуба, затем — от дерева безмолвия, которое дает плод мира (бук), от сосен, кипарисов, каменных дубов, кленов. Эти братья

общины все подросли: это радость, благословение [...]. Вас приветствует дерево самое священное и самое поврежденное, то, что дарует мир, – олива. [...] Вас приветствует можжевельник, тот, что ближе к воротам, он говорит: «есть дивный промысел в колючках». И еще приветствуют вас голубые цветы цикория на лугу перед церковкой [...]. И да поможет нам Бог в этом вечном усилии поддерживать жизнь, верой и нежностью, во всем, что мы любим, на земле и за ее пределами».

Можно также выделить замысел и опыт соприсутствия, которые превращали Скит в настоящую «бескрайнюю семью», богатую дружьими из самых разных времен и насыщенную связями. К Адвенту 1940 года Мария подчеркивает, что «живать вместе, непрестанно удерживая рядом отсутствующих, – масло и роса». Мы чувствуем это, добавляет сестра, когда в конце дня, полного трудов, «мы собираемся за вечерней, за ужином, за бдением... и во время бдения слушаем письма и отрывки писем наших Близких и получаем от них наставление». Частью жизни сестер было это внимание к каждому малейшему аспекту существования собственных друзей, их состоянию здоровья, трудностям и радостям, которые они с ними разделяли. Переписку неустанно и неуклонно вела сама сестра Мария, до полного изнеможения.

Усопшие тоже реально присутствовали в Скиту, в рамках общения святых. 28 октября 1938 года сестра Мария писала:

«У нас так насыщена жизнь безмолвная, жизнь воспоминаний. На закате некоторые из нас, Якопа, Роза, Агнеса, Мириам, Паола, Джильола, Катерина и я, меньшая, пели вместе Вечерню Усопших, по-латыни,

у окна, перед дивным небом. Потом, когда спускались сумерки, мы все собирались в комнате причастия. На столе – скатерть, вытканная нами, с вышивкой «покойтесь в мире», кувшин с водой, оливковая ветвь и горящий светильник. Огонь в камине. Лампадки на полу, расставленные по всей комнате, сверкали, как маленькие самоцветы [...], чтобы наши представившиеся пришли ночью подкрепиться, вспоминая хлеб, съеденный вместе, и огонь, согревавший нас».

В этом широком чувстве жизни, тайны и общения нет ничего риторического и вымученного. Это своего рода шестое, духовное чувство, которое улавливает, причем в самом существенном, сложную гармонию вселенной, ее небытие, возникшее и предназначеннное для нигилистической казуальности, но и ее бытие, зовущее к полноте всё сущее. Вместе с тем, полнота не перечеркивает страданий, напряженности, трений, присущих в мире, которые, как говорила сестра Мария, оставят свой след, пусть даже умеренный и исцеленный для вечности: «мы всегда будем видеть свет и чувствовать тень от креста, в земной жизни и за ее пределами».

Этому видению реальности, одновременно бесконечному и повседневному, этой общности святых вещей не могут не соответствовать празднование, благодарение, добротолюбие, ибо «*тот, кто любит жизнь и считает ее священной, чувствует ее священной в любом существе*».

2) *Литургическое сердце улавливает во вселенной знаки, отсылающие к Богу.*

Полезно вспомнить некоторые из многочисленных обрядов и символов, придуманных или обновленных

сестрой Марией в общине Скита. Иные связаны с самой обыденной повседневностью: например, то, что «*некоторые сестры имеют обыкновение печь хлеб, символ Агапе, с безмолвной молитвой, предварительно испросив прощения за свое недостоинство перед лицом этого священного дела*», или то, что в трапезной есть алтарь, где перед распятием – только хлеб, амфора с вином и, с одной стороны, Евангелие, а с другой стороны – святая вода и оливковая ветвь. Хлеб, взятый из трапезного алтаря, кладут на стол. Есть в этих знаках связь между обрядом и конкретными событиями из жизни, между священным и светским, в направлении святости, в которой всё искуплено. «*Где бы ни присутствовал религиозный смысл, – пишет сестра Мария, – священное созидается. [...] я люблю воскрешать древности, христианские и языческие; возродила я и это слово – lucernarium, момент молитвы на закате дня, когда часто поминаются «с ласковым и заботливым благоговением» усопшие. 18-го декабря нашу возлюбленную Сестру Шанти, индианку, врача, 19-го – бедную Арнольфину с почты Треви, которая была с нами так учтива [...], а также Люпу мы будем вспоминать преданно и благодарно. А 29-го февраля – Махатму Ганди, 12-го – отца Орионе, которому подобают почитание и мир; в мае – очаровательную двухлетнюю девчушку*».

Среди обрядов Кампелло можно отметить также короткие паломничества. В записи, сохранившейся в архиве Скита, рассказывается об одном из них, которое было совершено 15 августа 1960 года. Процессия делала остановки у места Рабы Господней, у Богородицы, бодрствующей над Гнездом и над Башней, у Бодрствующей над монастырским двориком, у Скорбящей, у Матери жаворонков, у Божьей Пастушки, у Матери Хлеба.

Это малые знаки благодарности за многообразное присутствие Марии как в духовной жизни Скита, так и в духовной жизни каждого христианина. Разумеется, на святость жизни, празднуемой каждый день, падает свет Воскресенья. «*Воскресенье, Воскресение! Такова была вера в приход Господа, что Его первые последователи, собираясь, ожидали Его.*» Присутствие и ожидание – два конца золотой нити христианской веры. Вера в то, что в койнении, где «двое или трое» собраны во имя Еgo, Господь присутствует («*когда мы собираемся, Он посреди нас, Он Сам об этом сказал*»), и прошение о приходе Его Царства – два конца, к которым крепится литургия и, несомненно, литургия сестры Марии: благодарение Христу, Который «*понес наше бремя*», и «*горячее желание достичь Его присутствия и видеть Его ясно*». В сестре Марии нераздельны откровение, которое предстает нам в книге природы, и то, которое приходит к нам из Писания.

Несомненно, она является собой редкий для своего времени (особенно, среди религиозных женщин) пример 3) усердия в изучении *Слова Божьего*. 29 февраля 1948 года, поминая на закате дня Бапу (Ганди), сестра Мария читала его речь о Гите, которую он называет Матерью. «*Гита – не только моя Библия или мой Коран, пишет Махатма; она гораздо больше этого: она – моя Мать.* [...] *Когда мне трудно или грустно, я ищу прибежища у нее на груди. Она дарит мне все новые уроки. И если кто-то мне скажет, что я обманываюсь, я отвечу ему, что принимаю этот обман как богатейшее из моих сокровищ. Я бы посоветовал начинать день с медитации над одним стихом или несколькими стихами.*

Память о них поддержит вас в испытании и утолит ваши скорби, в том числе и во мраке одиночества».

Сестра Мария замечает: «Мы можем научиться у него почитанию Святого Писания и вере в него (для нас речь идет о Библии и особенно о Евангелии и Новом Завете). Я бы тоже хотела повести вас к Матери, проповедующей и питающей, очищающей и прощающей».

В Скиту было принято повторять и запоминать отрывки Писания, а также читать некоторые апокрифы, «Дидахе» («для нас – образец чистой простоты») или «Послание к Диогнету». Всё это показывает, сколь существенным был для сестер обычай молитвенно обращаться к Слову, и, конечно, песнопения и сочинения, выражющие поклонение, а также, разумеется, Розарий. Он был постоянно с Меньшой, которая видела в нем «жемчужину почитания Марии», но при этом не считала его «необходимостью». «Есть души, которые не чувствуют этой потребности, – утверждает она, – но чувствующий ее, находит жемчужину. Дайте еще раз прочитать его той старой почитательнице Девы, которая поистине не раскаялась в своей верности и доверии Ей». Главным, однако, остается молитва Словом, включая евангельскую «Радуйся, Мария» (то есть, без второй части) и, прежде всего, «Отче наш», о котором сестра Мария говорит: «Позаботьтесь о том, чтобы «Отче наш» всю жизнь поддерживал и сопровождал ваши религиозный поиск. И тогда эта молитва станет для вас светом, что поведет ваше сердце к всеобщей и соборной открытости, которая есть цель нашего пути монахинь и детей католической Церкви». И еще: «Нам должны быть дороги псалмы, потому что они были песнями Иисуса, Марии. Поэтому вместо множества сомнительных молитв, которые неизвестно

откуда появились и содержат множество нелепостей, следовало бы знать псалмы именно в память об Иисусе». Сестре Марии, таким образом, была присуща сильная библейская духовность; постоянное осмысление Слова питало жизнь Скита. Подход при этом был не тот, что у экзегетов, и тем более не буквалистский. Нет, в Кампелло³ Писание озаряло собой культуру и жизнь, но также и жизнь, поэзия, литература, искусство, музыка, скромные познания улучшали слушание Слова, помогали возрастать во все большем, но и неисчерпаемом понимании, которое способно к постоянному обновлению, причем обновление это следовало скорее ожидать, чем постигать. Однако должно со всей определенностью сказать, что ни слушание Слова, ни дела поклонения не нужны, если в человеке нет милосердия.

4) Служить жизни в тайне боли и страдания

Сестра Мария исключала для себя и для своих сестер призвание к апостольству, поэтому гораздо примечательнее, что центральное место в жизни Скита безраздельно занимало внимание к страданию, причем в некоторых случаях это внимание перерастало в полную открытость любой нужде. Внимание к страданию проявлялось и в самых заурядных человеческих ситуациях: брать на себя груз боли, сострадать тем, кому трудно, кто в тоске, в невзгодах, выслушивать, быть рядом, уметь молчать, сопровождая или молясь.

«Я не выбирала ту или другую религию, – так отвечала сестра Мария в 1939 году страдающему другу, – моя религия это мое общение, единение с теми, кого я люблю, и кто страдает. Алтарь, к которому я подхожу

³ Так называется местечко, где находился Скит.

с дрожащим и горящим сердцем, – тело, раздираемое болью. Моя вера – в уникальную силу любви».

Это равновесие между обрядом и жизнью представляет собой главную отличительную черту опыта Кампелло. Без этого не понять столь безоговорочное утверждение о главенстве бедных и страдающих: «*страдающих следует всегда ставить на первое место, в любой день и при любом событии*».

Такое главенство любви даже по отношению к вере («*без любви к братьям любовь к Богу – самообман*») вызывает в памяти слова Шарля Пеги (1873–1914), – которые тот вкладывает в уста Отца, достигая высочайшего лирического напряжения, – о коренном повороте, зародившемся на Голгофе: «*Происшествие, которым Мой Сын связал Мне руки, / Навеки связывая руки Моему правосудию, навеки развязывая руки Моему милосердию, / И против правосудия создавая другое правосудие, / Правосудие любви*».

Типична для Меньшей Сестры также забота о том, чтобы не создавать страдание и тревогу, смягчать тренировки «*каплей масла*», причем в основе этой заботы не избитое и слашавое «*давайте жить дружно*», а стремление к тому, чтобы ясность позиций и паррессия с сестрами и братьями (которая всегда была ей свойственна) не обернулись для них «*надзирающим оком*» и не вызвали смятение, приводящее к обиде.

5) «*Ta из вас, что большие силятся быть радостной и радовать других, – говорит сестра Мария скитским сестрам, – большие служат жизни*». Радость для нее – обратная сторона страдания, и тоже тайна, как и оно. «*Я знаю свою арфу [...], и несмотря на мое участие в муке страдающих, на мое беспокойство о тех, кого люблю,*

я способна радоваться. И это и есть моя арфа [...]. Мы можем стяжать благодетель радости! Но это усилие – с насилием; да ведь и Небо – для употребляющих силу... Можно завоевать такую безмятежность. И не держать горящим светильник безмятежности – это грех». Но безмятежность и мир, прежде всего, – плод дисциплины и усилий, роста, который дается тяжким трудом, требует молитвы, взвывает о благодати. С другой стороны, миротворцами могут быть только люди зрелые и примирившиеся сами с собой: «чтобы дать мир, недостаточно надеть на лицо маску мира; нужно создать его внутри нас. Кроме того, чтобы иметь мир, требуется умение прощать, а это самая трудная и самая необходимая задача христианина». Ведь только прощение разрывает цепь ответов ударом на удар и создает асимметрию, сметающую агрессивность и позволяющую «всегда начинать сначала». И еще мир требует не «капитуляции», а уважения к другим и ясного понимания, что «других не переделаешь».

Сестра Мария ведет диалог о значении мира с Ганди, с Альдо Капитини⁴, с Примо Маццолари⁵, с Амброджо Донини⁶; ей близок дух ненасилия, но без всякой идеологической привязки. Она была укоренена в мире, но не таком, какой дает мир, а в таком, какой может дать Иисус: «мир Мой даю вам».

Сестра Мария хорошо представляла себе глубину зла и догадывалась, что часто люди зовут миром своего

⁴ Итальянский философ, поэт, политик, антифашист (1899–1968); сторонник и проводник идей Ганди. Получил прозвище «итальянский Ганди».

⁵ Итальянский священник, писатель, партизан (1890–1959), противник войны и сторонник ненасилия.

⁶ Итальянский историк-марксист (1903–1991).

рода вооруженное перемирие, да еще и сваленное на какого-нибудь козла отпущения. Этот мир – ненастоящий и «Христос не может принести людям мир, присущий Богу, не отняв у нас прежде единственный мир, которым мы располагаем». Мария не сбрасывает со счета грубую диалектику мира сего. Но для нее вера – это Иисус, именно Он истолковывает для нас Отца, именно Он – «масло для ищущих Его, свет, пища, лекарство». Это Иисус может пожаловать нам «дар исцелять и давать мир». И именно поиск Его лика придал смысл приключению той, что называла себя *свободной и дикаркой* во Христе. «Этого видения Иисуса я ищу постоянно. Ишу его под покровом хлеба, в память о Нем, под покровом Евангелия [...], под покровом невинности, под покровом страданий братьев, под покровом Матери-Природы [...]. Будем же искать Его сообща [...], встречать в безмолвии и в отдыхе [...], в созерцании на открытом воздухе, помня, что Он отводил своих учеников в сторону».

Оевые линии (как я их назвал выше) религиозной мысли сестры Марии помогают нам понять, почему и насколько ее опыт привлекал и продолжает привлекать тех, кто искренне ищет (верующих, но также и честных и пытливых неверующих) смысл жизни и человеческой судьбы; всех, кто пытается жить красивой и доброй жизнью на этой земле в обществе людей и других созданий; надеющихся, что последнее слово – не за смертью, что любовь сильнее; а также тех, кто уповаet на Божье обещание, следует за Господом и ждет Его возвращения.

Валерии Пиньетти, уже в старости, было даровано ожидать своего часа как перехода, приветствовать его

каждый день, прося, чтобы он был «легким и не причинил боли». «Что бы я делала, будь это последний день моей жизни? Я бы хотела отдохнуть на полчаса большие. Не спешила бы, разливала бы любовь повсюду. [...] Нужно освоиться с Сестрой Смертью, это говорит вам та, что беззаветно любит жизнь. [...] И это также время, когда мы трудимся над своим свадебным платьем – прядем его и украшаем самоцветами. И угодно это свадебное платье Тому, Кого мы осмеливаемся и не осмеливаемся назвать Женихом. Пока же у нас одни ложмотья».

24 апреля 1943 года, в час предвечерней молитвы *lucernarium*, сестра Мария, получив от сестры Якопы последний стих с пожеланиями – «будешь радоваться в последний день», так описывала смысл своей жизни и жизни других наследниц Скита Кампелло: «Вот что даст мне покой в последний день: то, что наша община была миром каждодневной святости. И так как я столь много получила от вас [...], предложу вам и я свою животворящую облаточку: *«ubi enim sunt duo vel tres congregati in nomine meo, ibi sum in medio eorum»*⁷ (Мф 18, 20). Пусть же это присутствие Господа посреди нас будет нашим вечным светом, нашей радостью, нашим миром. До того дня, когда мы встретимся в «вечных обителях».

*Перевод с итальянского
Леонида Харитонова*

⁷ Где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них.

Наталия Большакова

«МЫ ОСТАЁМСЯ ВСЕГДА ВМЕСТЕ»

*Памяти игуменьи Ольги
(Слёзкиной, 1915–2013)*

*Честна пред Господем
смерть преподобных Его.*

Матушка Ольга скончалась 3-го ноября 2013 г. в монастыре Покрова Пресвятой Богородицы, в средневековой бургундской деревне Бюси-ан-От (Франция). Вот хроника последних дней земного пути Матушки и перехода ее в вечность, присланная нам из монастыря нашей «связной» – монахиней Варварой:

«Дорогие Наташа и Василий!

29 октября по милости Божией мы сподобились вместе с Матушкой Ольгой отпраздновать ее день рождения. Все смогли войти к ней в комнату и спеть «Многая лета». Матушка была очень утомлена с тех пор, как у нее 5 октября случился инсульт.

Она с трудом говорила, и левая сторона отнялась. Последние несколько дней она уже не могла есть и испытывала сильные боли. Но до последнего вздоха она сохраняла полную ясность сознания, благословляя всех рукой и взглядом. Возле нее постоянно был кто-то из сестер, а Мать Досифея неотлучно пребывала и ухаживала за Матушкой.

В воскресенье, 3 ноября во время Литургии, нам сообщили о кончине нашей Матушки. Это было в начале Евхаристического канона. Сестры сразу облачили ее,

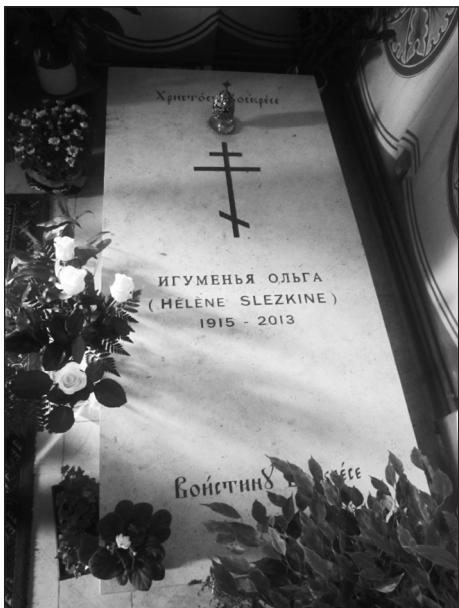
отец Раду отслужил Литию, после чего все могли дать Матушке целование в ее келье.

В 14 часов тело перенесли в большую церковь и отслужили панихиду. Чтение неусыпающей Псалтыри продолжалось до отпевания. С понедельника до пятницы каждое утро служились Утреня и заупокойная Литургия, а каждый вечер – Панихида и Вечерня .

В пятницу, 8 ноября в 15 часов было Положение тела во гроб. В субботу, 9 ноября в 8 утра служилась Литургия, на которой присутствовали сотни молящихся. Возглавлял службу митрополит Галльский Эммануил, сослужили митрополит Иосиф, епископы Силуан, Тимофей, Марк, архимандрит Иов (наш будущий Владыка), протопресвитер Борис, иеромонах Афанасий, иеромонах Раду, иеродиакон Иоанн, игуменья Ипандия с сестрами из Солон, игумен Симеон с сестрами, и множество священников, клириков и мирян.

В 10:30 началось отпевание. Все присутствующие перед закрытием гроба отдавали последнее целование новопреставленной игуменье Ольге. Было огромное количество венков, букетов; цветы все прибывали и прибывали... Сразу начался крестный ход вокруг храма: четыре богатыря несли дубовый гроб с телом. По возвращении в церковь гроб положили при входе налево. Гроб и место были заранее подготовлены. Гроб опустили в могилу. Все подходили и бросали землю на гроб. Теперь могила покрыта горой цветов. И Матушка навсегда упокоилась в построенным ею Храме.

С любовию во Христе,
Мать Варвара».

Притвор церкви
Преображения,
где погребена
Матушка Ольга

В наше время нет захоронений в церквях. И во Франции это запрещено. Только в кладбищенской Успенской церкви, что находится в «русской» части кладбища г. Сен-Женевьев-де-Буа, есть захоронения православных архиереев. Но Матушка Ольга получила официальное разрешение быть погребенной в церкви Преображения Господня от одного из членов правительства Франции. Кроме официального документа в ответ на запрос монастыря, этот высокопоставленный чиновник прислал сёстрам Покровской обители сердечное, совсем неформальное, человеческое письмо. Он тоже знал Матушку Ольгу. Как это ни удивительно для монахини, — игуменью Ольгу во Франции знали и ценили многие в разных слоях французского общества. Что же было в ней неожиданного, запоминающегося, привлекающего к себе самых разных людей? В чем тайна притягательности ее личности? И почему ее так не хватает?..

* * *

Невозможно было не полюбить Матушку Ольгу с первого взгляда! Я с первой встречи с ней поняла, что она — родной для меня человек, несмотря на разницу в возрасте, разницу в образе жизни, несмотря на то, что она всю жизнь монахиня, игуменья монастыря.

Удивительно, что и Матушка приняла меня сразу в свое сердце. Это была такая радость! Она, сама абсолютно лишенная ханжества, общалась с человеком очень легко (но не поверхностно), не только не стремясь понравиться, а, напротив, оставалась самой собой, не подстраиваясь ни под кого, не заботясь о производимом ею впечатлении, раскрепощая, таким образом, собеседника, и от этого общение становилось полноценным, «на

равных», потому что ей был интересен человек. Помоему, это единственно ценное для обоих общение. Не было в ней и никакой суэты: ни в жестах, ни в мыслях, ни в реакциях. Обаяние ее «русской» ласковости покоряло даже французских жандармов. Все обращались к ней не «Mére Olga», а «Matouchka».

Впервые я приехала в Покровский монастырь и познакомилась с Матушкой зимним дождливым (как это часто бывает зимой в Бургундии) днем – 22 января 1999 г. И, после службы в маленькой Покровской церкви, среди икон с. Иоанны (Рейтлингер), после общения с Матушкой, я знала, что это – подарок от отца Александра Меня, который он послал мне в день своего рождения.

«25 сентября 2010 г.

Дорогие Наташа и Вася,

Так хочется благодарить вас за чудный альманах – памяти дорогого Отца Александра! Получила его на море. И с такой радостью и вниманием прочитала. Не все сразу, но то, что прочитала, оставляет глубокое чувство. Все очень интересно, важно, дает силы и радость жить. Больше всего меня тронуло: воспоминания, свидетельства – можно читать, не раз, а много раз, так это хорошо собрано. Но из всего, что написано, на меня произвело большое впечатление это: «Самое главное, что он был», – беседа с Анатолием Ракузиным, – «самая главная весть, которую он принес, это **он** сам. Он как личность... что он был, что такой человек возможен на земле».

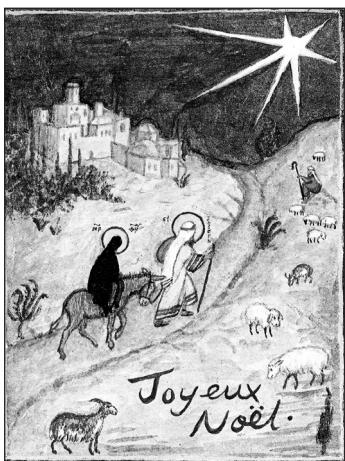
После чтения альманаха, Отец Александр стал мне еще ближе, как родной и я с ним много говорю и, конечно, молюсь.

Спасибо Вам, Наташа, за Ваш труд все собрать, что могли об этом удивительном человеке. Когда увидимся, можно будет еще много о чем поговорить. А теперь скоро вы собираетесь на Святую Землю, да поможет вам Господь получить радости и сил от этой поездки. Но не всегда с первого раза чувствуешь все, что эта Земля дает.

Крепко Вас обнимаю, и Вас и Васю, и еще раз спасибо!

С любовью. М. Ольга».

Поздравительная открытка, на обороте которой письмо:

«11.01.2011 г.

Дорогие Наташа и Василий!

Сердечно благодарю за поздравления, память и любовь. И надеюсь, что Господь пошлет Вам Мир, Благодать и Радость великого праздника Рождества Христова. Поздравляю с наступающим Праздником Богоявления.

Так рада, что вы смогли быть на Святой Земле и почувствовать то, что вы пережили там. Действительно это Родина Христа и такая красота там. Спасибо за открытку Галилейского Озера – какое дивное место. И, как Вы пишете, Евангелие читаешь теперь иначе. Слава Богу, что вы смогли туда поехать.

Молюсь о вас как умею и верю, что Господь поможет. Вам сил, чтобы переехать в другое место и, быть

может, там будет даже лучше... Мы не знаем, какая воля Господня, но если мы предадимся Ему – Он не может нас оставить. Только надо Ему доверить свою жизнь целиком. Крепко вас обнимаю и, конечно, мы остаемся вместе. С любовью М. Ольга».

* * *

Матушка необыкновенно утешила меня, когда в феврале 2006 года умерла моя единственная родная старшая сестра Лора.

Я позвонила в Покровский монастырь, поговорила с матерью Анной, просила помолиться о моей некрещеной сестре. Мать Анна сказала, что помолится и скажет Матушке о моем звонке. Вечером того же дня мне позвонила Матушка и сказала, что очень сочувствует мне, и что не только на каждой панихиде в монастыре будет молитва о моей сестре, но и во время литургии. Я сказала Матушке, что Лора не крещённая, на что Матушка ответила, что м. Анна сказала ей об этом, но что они включат имя Лоры в Синодик и будет совершаться молитва о ней во время литургии, потому что Матушка просила и получила архиерейское благословение молиться об усопших некрещеных на литургии. Я восприняла это тогда и сейчас так считаю, что это проявление Божьего милосердия и любви. Внутри у меня все переменилось, безнадежность сменилась надеждой, что судьба моей, много страдавшей, мучительно и таинственно болевшей, не принявшей крещение, сестры, может измениться в вечности, что Господь по молитве монастыря, по дерзновению игумении, даст прощение Лоре и откроет перед ней Царство Свое, к чему она, на самом деле, и стремилась, и что измученная душа ее

обретет покой и радость. И у меня пропало мучившее чувство вины, что я мало помогала сестре в ее скорбях и в болезни. Вот что сделала для меня Матушка! И этим самым она укрепила мою веру. Я ощущала близость духовного мира, действительность перестала довлеть надо мной, казаться непреодолимой. И как только ее власть уменьшилась, открылось Небо.

Вот так через горе, недоумение и горечь, через потерю, произошло приобретение, преображение тяжелейшей ситуации, «осветление» темноты, рассеивание мрака. Так опыт веры Матушки передался мне. Такое можно было бы назвать «учением», но не через слова, а посредством фактического явления «веры, действующей любовью». То есть, по слову ап. Павла, – самому главному в христианстве.

Отношение Матушки к страданию, к смерти тоже можно было бы определить, как учение.

Мать Ольга: «Страдание, мучение – есть последствия греха. Смерть – это не нормальное явление, все говорят, что смерть – это наказание Божие за грех человека, за отступление от Его любви. Бог дал все первым людям, нашим предкам, все дал – и бессмертие. Все, что только мы можем себе представить. Одну заповедь дал. И они ее не соблюли. Почему? Потому что лукавый пришел искусить их и сказал, что если вы попробуете с этого дерева, то станете как Бог. То есть, гордость. Гордость – это наш порок. И вот из-за гордости мы все теперь страдаем смертью.

Но Господь же победил смерть, вот что самое замечательное! Что это за время сейчас у нас? – Пасхальное! Как раз победа над смертью. Смерть – она не нормальное явление. Поэтому ничего особенного нет в том, что люди боятся ее и переживают тяжело.

Я сегодня заходила к матери Сергии, мир в ее комнате сразу чувствуется, и я подумала, зачем, почему такой человек светлый, добрый, который очень нужен нам, и вот Господь его берет... И так быстро, так жестоко, я бы сказала, потому что это так неожиданно для всех... Я ушла и первый раз у меня было чувство какой-то грусти, что мы, как будто, не заслужили этого...

Н. Б.: Ну, что, Матушка, нет ответа на все это?..

М. О.: Я думаю, что это то же самое, что все пытки, мучения и преследования, которые перенесли все наши там, в России – как это все можно объяснить – только тем, чтобы спасти Церковь. Церковь же все-таки там возрождается. Как она возрождается, мы не знаем, но все-таки церкви строятся, монастыри открываются, – это все на крови мучеников. И вот я думаю: мать Сергия – она страдает за наш монастырь, она ведь сказала: «Я хочу пожертвовать мою жизнь для Вас и для монастыря», так что, понимаете, вот только таким образом можно объяснить, почему она страдает...

Или вот судьба сестры Иоанны (Рейтлингер) – ее мучительные страдания, последние четыре года полной глухоты и слепоты. Почему Господь посылает такие испытания человеку? Мы не знаем, почему... Для нее самой – вряд ли, потому что это был такой святой человек, но мы не знаем, за кого она молилась – ведь это всегда жертва за кого-то, для кого-то...

Н. Б.: Это искупление?

М. О.: Да, искупление кого-то. Кому-то это для спасения... И она всегда так жила, потому что она хотела другому помочь и молиться не для себя. Она молилась всегда за кого-то. Так что, я думаю, это искупление чего-то, кого-то... кому-то могло быть благо от этого, столько вокруг нее людей было, так тянулись к ней...

Но чтобы в конце жизни быть лишенной вообще всякого контакта, – действительно Господь уже видел ее веру, и как она может ответить на это Ему. Потому что другой мог бы совсем отчаяться, роптать, а она все это приняла – так мне кажется. Не знаю ее последние годы, но мне очень дорога эта переписка ее с о. Александром, и как она все время черпала у него силы, но она и сама была такая... бодрая.

Н. Б.: Но даже о. Александр ей пишет: «Ваша судьба для меня – тайна».

М. О.: Да, это действительно тайна. Мы можем объяснять словами: испытание, жертва для кого-то, но это – тайна. Это – тайна. Почему такой человек светлый, замечательный... это трудно понять. Только можно понять с точки зрения жертвы для кого-то... Посмотрите, ведь если подумать об отце Сергию Булгакове – как он страдал, и какой он был святой человек, а как он страдал! Как он умер – тоже светло, но какие страдания перед смертью. Она была его духовной дочерью с самого начала, так что с. Иоанна за ним шла. Я часто думаю, почему почти все святые так страшно страдали? Переживали мученичество в своей жизни. Это трудно понять. Если ты хочешь стать святым – ты должен мучиться – выходит так? Каждый человек переносит какое-то страдание. Без этого не может быть святого. Брат Роже тоже мученик, его убийство – это знак святости. Я думаю, что его будут канонизировать, я надеюсь, что будут...

А вот о смерти из моей личной жизни. Смерть моего отца. Это было в феврале 1944 г. Война, голод. Он довольно долго болел. А когда он скончался, даже не было скорби, – как Пасха. Но, может быть, это зависит от человека. Я часто думала об этом. Так было и с моей

Игуменья Ольга (Слёзкина), 2011 г.

матерью. Обо мне говорили, что я не переживу ее смерти. И о смерти владыки Мефодия – как я переживу... А ничего не было. Во-первых, он скончался на Пасху, и это была пасхальная радость, это была Великая Суббота, начиналась уже Пасхальная заутрена, так что он сразу пошел служить Небесную литургию. Это тоже тайна.

Все мои близкие – они около меня. Они не там, на кладбище, я очень редко туда езжу. Иногда меня упрекают в этом, но я предпочитаю общаться по-другому. Может быть, это такой дар... Потому что все удивлялись, говорили, что она даже не плачет, а у меня чувство, что они все живые, и что тут им было гораздо хуже. Они все страдали перед смертью, и для них это было облегчение».

Это поражает, но невозможно было не поверить подлинности ее опыта, когда она это рассказывала мне. «И я общаюсь с ними, обращаюсь к ним, и чувствую их присутствие в моей жизни, совсем рядом. И вы можете обращаться к отцу Александру, это такое счастье, что вы его знали! Я и то ему молюсь и чувствую с ним общение, близость, а у вас есть свой опыт личного общения с ним, молитвы, – так и сейчас он вас слышит, как при жизни. И к Лоре вы можете обращаться, я думаю, вам теперь труднее, чем ей там». И простота и естественность, с какими Матушка говорила мне это, свидетельствовали о ее близости к Горнему, о сокровенной жизни ее души, о «пропитанности» ее духа Евангелием, светом Христовым. Не было в ней никакой не только фальшивой ноты, но никакой «статусности», никакой важности, часто присущей лицам ее звания, и, конечно, – никогда никаких «поучений». Вместо всего этого – замечательное чувство юмора, иронии, по отношению к самой себе. Ее искренность и открытость, делающие общение с ней радостным, глубоким, освобождали собеседника. Он чувствовал уважение к себе, интерес, доверие, доброжелательность. Человек раскрывался навстречу ей.

Когда Матушка назначала встречу, или присыпала кого-то из сестер с запиской, когда прийти к ней, это уже так радовало, так поднимало настроение. Потому что с ней всегда хотелось быть рядом. И никогда не было скучно с ней, всякая встреча с ней насыщала, обогащала.

Матушка обладала даром духовного рассуждения, советы ее были глубокими и, как бы, одновременно, простыми, мудрыми, смиренномудрыми.

Но главное, – любовь, исходящая от нее. Прощаясь, Матушка всякий раз говорила, что «мы остаемся всегда вместе!». И ее любовь остается с нами – согревает, наполняет, ею хочется делиться.

«Самое главное – любовь. Любовь к Богу и к ближнему. А любовь рождается из молитвы, но без любви молитва ничего не стоит. Знаете, вы можете стоять в церкви часами, что-то сестры там читают, а, если вы, например, глухая, вы даже не слышите, что они там читают, и одна только молитва ничего не дает, если она не проявляется в любви – к Богу, прежде всего, и к каждому человеку, который встречается нам в этот день. Он послан Богом и он, – это, все-таки, очень важно помнить, – он есть образ Божий»¹.

¹ Из бесед автора с матерью Ольгой в разные годы.

Михаил Баранов

Михаил Баранов о себе: родился 21.11.1948 г. в стольном граде Москве. В северной столице закончил Ленинградское Суворовское Военное училище. Серебряная медаль позволила поступить в Москве в Военную инженерную Академию им. Ф. Э. Дзержинского, закончив которую служил в Ракетных войсках Стратегического назначения.

Отозван из войск в Академию на научную работу. Участвовал в разработках новых приборов систем автоматического управления ракетных и космических систем. Имеет более 50 научных трудов, в том числе 34 авторских свидетельства на изобретения. После увольнения из армии работал руководителем ремонтно-строительной организации. С 1999 г. избран старостой московского храма Успения Пресвятой Богородицы на Успенском Вражске.

ИЗ ДНЕВНИКА ПАЛОМНИКА НА СВЯТУЮ ЗЕМЛЮ

27 октября 2014 г.

Христос Воскресе!

Господи, Отец Небесный, Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, Господи Дух Святый, Мать Пресвятая Богородица и все Святые, доброе утро!

Господи, дай нам с душевным спокойствием и легким волнением встретить наступающий первый день

нашего паломничества и всецело предаться воле Твоей Святой! Помоги нам в этот первый день, Господи, «отложить всякое ныне житейское попечение» и молитвенно подготовиться ко Святой встрече с Тобой.

Кто-то сказал, что Святая Земля это пятое Евангелие. Мы пока этого не знаем. Но, Господи, помоги нам со смирением и любовью от начала и до конца прочитать эту священную книгу, книгу спасительной Жизни, Крестной Смерти и Воскресения Бога и Человека, Господа и Спаса нашего Иисуса Христа.

Мы приехали к Тебе в гости, Господи, в Твою Святую заповедную обетованную Землю. Приими нас, Господи, с миром и помоги нам вместе с Тобой пройти путями Твоими, по Твоим дорогим стопочкам, вдохнуть воздух святой, которым Ты дышал, увидеть места заповедные, где Ты жил и вел людей к Спасению. Возьми, Господи, и нас, грешных, с Собой в это путешествие, будь всегда рядом с нами и помоги вновь и вновь ощутить Твое Божественное присутствие.

Господи! Войди в нас, очисти нас от всякой грязи и скверны плотской и душевной. Умири наше паломничество, раскрой нам свои тайны, если хочешь! И дай нам в едином порыве, едиными устами и едиными сердцами славить и воспевать Пречестное и Великолепное Имя Святое Твое: Отца, и Сына, и Святаго Духа ныне и присно и во веки веков. Аминь!

Господи, Ты сказал: «Где двое или трое собраны во имя Мое, там Я среди них!».

Христос посреди нас!!!

29 октября 2014 г.

Христос Воскресе!

Вот мы покидаем благословенный город Вифлеем, город рождения Богомладенца. Мы посетили места, где провел маленький Иисус первые часы и дни своей тяжелой спасительной земной жизни.

Мысленно видели пастушков и волхвов, первыми приветствовавших рождение Спасителя. Заходили на скотный двор, где и совершилось великое Вочеловечивание Господа нашего Иисуса Христа. Даже чувствовали специфический запах, который обычно бывает в стойлах у домашних животных.

Вот вол, козочки, овечки, там дальше верблюд и ослики. Входим в вертеп, в сторонке в кормушке на свежем сене лежит завернутый в белые пелены Младенец. Спит. Посапывает, поводит носиком, шевелит губками. Наверно уже проголодался. На верхней губке замечаем мозольку – вот она первая, рабочая мозолька.

В углу, прислонившись к деревянной стойке и положив голову на мешок с сеном, чутко спит Мария. У нее были очень тяжелые дни. Длинный, тяжелый переход, благословенные роды, омовение младенца, бесконечные пеленания, кормление. Недалеко от нее прямо на земле устроился Иосиф. Ему пришлось много потрудиться в этот день. Гостиницу найти так и не удалось, и он договорился с хозяином приютиться прямо на скотном дворе. Ну, хоть так!

К яслим величаво подходит вол. В кормушке шевелится что-то белое. В вертепе раздается негромкое: «Му-у-у!». Вроде как спрашивает: «Что это такое?». Но тут же, видимо, понимая серьезность момента, произно-

сит свое короткое: «My!». Соглашается, значит и тихо отходит. Другие животные волнуются. «Так надо!», – сказал вол, и животные успокаиваются.

Младенец зашевелился, закряхтел. Мария вскочила и начала распеленывать Ребенка. Ручки пухленькие, ножки в перетяжках. Мальчик... Вот она свобода! Ручки тянутся во все стороны, спинка выгибается, ножки сгибаются в коленках часто-часто, будто педальки крутит. А губки тянутся влево и вправо – грудь ищет и... кряхтит. Мокренский.

Мать быстро и довольно ловко омыла и перепелена-ла Сына в сухие тряпочки. Ребенок открыл глазки, не по-детски оглядел все вокруг, увидел нас и... улыбнулся. Красивая детская улыбка. «Здравствуй Иисус, здравствуй наш маленький Господь! Привет тебе, Бого-малыш! Сколько у тебя еще впереди будет трудностей и испытаний? Расти пока, Родной! И слушайся маму и папу! А мы всегда будем с Тобой, до скончания дней наших!».

Аминь.

31 октября 2014 г.

Христос Воскресе!

Галилея, озеро Кинерет. Тихо шурша дизелем, от причала медленно отходит небольшой кораблик. Чудная, солнечная погода, легкий бриз. Курс – открытое «море».

На баке судна торжественно и величаво поднимается наш, Российский Флаг. Звучит хорошо знакомый и многими любимый гимн нашей страны. Все вскаивают со своих мест. Рука автоматически тянется к

козырьку. Теперь гимны поют, а здесь он звучал из наших уст как молитва, как признание в любви к нашей далекой многострадальной стране, по которой мы уже успели соскучиться.

Флаг поднят – вперед в плавание! Вперед к встрече со Христом!

На горизонте появилась полоска черных грозовых облаков, они очень далеки и не помешают нашему путешествию.

Кораблик вышел в заданное место Кинерета и, как на подводной лодке, объявляется режим тишины. Дизель замолк, и судно медленно по инерции еще движется по водной глади и только на носу из-под форштевня слышен плеск рассекаемой им воды. Закрываем глаза.

Тишина! Мы ее слушаем, мы ее ощущаем, мы в нее окунаемся. Чу! Плеснулась рыбка. И опять тишина!

Вот оно, – то Святое место, где Христос шел на помощь к Своим ученикам и апостолам прямо по воде. Сколько воды утекло с тех благословенных дней, а мы все же верим и понимаем, что это все та же вода и то самое место. Стоит только опустить руки в воду, и мы почувствуем тепло его ног и увидим пенный след Господа, спешащего на помощь не только Своим ученикам, но и нам всем, всем людям.

Заканчивается наше морское путешествие. Ровно заработал дизель, и капитан разворачивает судно к берегу. Легкий теплый бриз начинает переходить в холодный и порывистый ветер. Еще такие далекие грозовые тучи стремительно догоняют наш кораблик. Пошел мелкий, но очень холодный и пронизывающий дождик. Водная гладь покрылась белыми «барашками», и чем сильнее становился ветер, тем выше и выше поднимались волны. Дождь усиливался с каждой секундой и

все от бортов, прижимаясь друг к другу, сгрудились на середине палубы.

Сверкнула молния раз и другой, раздался оглушительный гром и вот уже стена дождя заливает наше суденышко. Женщины забеспокоились, но читая молитву, поддерживают друг друга. Только бы не было паники! Только бы не было паники!

А корабль никак не может пристать к причалу. Его все время сносит ветром в сторону от пристани. Вот рулевой делает один заход – мимо, уходит на второй – мимо. Ветер и дождь усиливаются. Молнии сверкают, не переставая, гром превратился в сплошной несмолкающий гул.

С берега послышались возгласы: «Четвертая стража! Четвертая стража!». И стало темно как ночью.

Вдруг с правого борта показалась рыбацкая лодка. Паруса потрепаны, весла сломаны, волны бьются о борт утлого суденышка, грозя перевернуть его. Лодка почти полностью залита водой и совсем не слушается руля. Рыбаки неистово вычерпывают из лодки воду, пытаются убрать паруса, чинят весла. Один из них встал на банку и вглядывается во тьму. Что он мог там увидеть?..

Смотрим в ту сторону и видим человека, идущего прямо по волнам. Призрак? Нет, живой человек. Ноги мокрые по самые колени, хитон полностью промок от дождя, но походка твердая и решительная. Спешит. Посмотрел в нашу сторону. Те же добрые, но усталые до изнеможения глаза. Узнал нас, улыбнулся. Та же широкая и радостная улыбка, которую мы видели там, в вертепе, более тридцати лет назад.

Человек из лодки что-то крикнул приближающемуся и, услышав ответ, спрыгнул с лодки в кипящую пучину и... тоже пошел прямо по воде. Шаг, другой,

третий, четвертый... И все! Сильная волна захватила рыбака и понесла в море. И только были слышны крики о помощи: «Господи! Спаси меня!». Идущий по волнам простер руку, подхватил утопающего, и они вместе вошли в лодку.

Ветер утих, волны ослабли, выглянуло солнце, и наше судно благополучно пристало к берегу.

Мокрые до нитки, но до безумия счастливые мыступили на твердую землю. Мы были счастливы от того, что мы еще раз встретились со Спасителем, и Он нам преподал еще один урок Веры. Спасибо Тебе, Господи!

Мы отправляемся в путь, чтобы еще раз на Святой Земле увидеть нашего Христа. До встречи, Иисус Христос! До встречи, наш Спаситель!

Аминь!

2 ноября 2014 г.

Христос Воскресе!

Вот и наступил последний день нашего паломничества по святым местам, связанным с земной жизнью и Крестной смертью Господа нашего Иисуса Христа, Сына Божия. Стоит закрыть глаза и перед нами проходит вся Его жизнь от рождения до предательства Иудой и преторского судилища Пилатом, страдания в узилище и Крестный путь на Голгофу, позорное распятие на кресте и земная смерть Сына Божия и славное Воскресение Христово.

...В полутемной комнате тюрьмы в Претории сидит римский воин, сняв шлем и бросив его вместе с мечом на земляной пол, и что-то записывает. На входе

послышался шум — привели очередную партию осужденных.

Вводят одного. Воин, не глядя на него, пренебрежительно бросает:

— Имя? — Неторопливо записывает имя.

— В чем повинен?

— Украл пять пит и наступил на ногу римскому патрицию, — ответил стражник.

— Ага! — и, немного помедлив, приказал, — помогите ему.

Двое стражников ловко обвязали несчастного веревками и медленно спустили его в зияющее здесь же невдалеке отверстие в полу, ведшее в темницу. Из отверстия исходил смрадный запах смеси крови, человеческих нечистот и разлагающейся плоти. Послышались стоны узников, крики еще живых, но уже лишившихся разума людей, хрипы умирающих.

— Другого вводи, — крикнул римлянин. Записав имя осужденного, спросил:

— А этот в чем повинен?

— Подстрекал и убивал! — отвечали стражники.

— Ну, тогда пусть сам идет.

Стражники подвели преступника к темничному отверстию, ударили ему по ногам коваными сапогами прямо под колени и тот с трехметровой высоты полетел вниз на камни как в преисподнюю. И вновь из темницы слышатся стоны, крики и ругательства.

— Кто там еще? — вскричал воин. Ему, чувствовалось, уже все надоело, и он с удовольствием бросил бы все и отправился на свежий воздух.

Ввели человека одетого в разодранную багряницу, на голове корона, сплетенная из терновых веток с длинными и острыми шипами, в правой руке он еле держал

трость. Из-под короны сочилась кровь и заливалась лицо со следами жестоких побоев. На истерзанном теле не видно было ни одного живого места. Все в синяках и кровоподтеках ноги почти не слушались несчастного и гнулись в коленях – вот- вот упадет.

– Да! Постарались, – протянул начальник тюрьмы.
– Имя?

Приговоренный пошевелил запекшимися кровью губами и ничего не смог ответить.

– Так, ясно. В чем повинен? – взглянул воин на стражу.

– Называет себя Царем Иудейским, – отвечали ему стражники.

Римлянин помолчал, потом привстал, жеманно поклонился, как бы приветствуя царскую особу, и возгласил.

– Здравствуй, Царь Иудейский. Палаты царские ждут тебя!

Подмигнул стражникам, указав жестом на темницу-одиночку, принял что-то записывать.

Стражники схватили истерзанное тело узника, поволокли его по каменным холодным полам, бросили в одиночку и заковали кровоточащие ноги, продев их вначале в каменные узы. Лицо обреченного перекосилось от боли, а губы что-то шептали, но слова разобрать было невозможно. Видимо, через какое-то время боль утихла и, закрыв глаза, несчастный задремал, стараясь не двигаться. Каждое движение разжигало сильную боль. Затекшие руки и ноги вызывали у него новые страдания. Прошло несколько часов, но для приговоренного они тянулись, казалось, целую вечность.

Послышался лязг открываемых запоров, шаги кованых сапог и в училище ввалились двое стражников.

Один принял неумело расковывать узника, причиняя ему острую боль. Слегка подсохшие раны ног вновь стали кровоточить.

– Одевайся, царь, пришло твоё время! – приказал другой, бросив ему прямо в окровавленное лицо одежду, в которой он был арестован. – Пожалуй на царство!

Вывели на площадь. Яркий солнечный свет резко ударили по глазам, привыкшим к темничному мраку. Вокруг стояли вооруженные воины, много воинов. Увидев осужденного на смерть, принялись гоготать, грязно ругаться, издевательски шутить и плевать. Двое подхватили тяжелую перекладину креста и возложили на истерзанную бичеванием спину обреченного. Процессия двинулась в направлении к Голгофе по римской дороге, вымощенной камнем с прожилками. Впереди несли табличку, на которой написано было на разных языках то, в чем обвинялся осужденный.

В конце процессии медленно шла убитая горем женщина, одетая в темные одежды. Лицо ее было залито слезами, она пыталась успокоиться, но рыдания вновь и вновь сотрясали ее хрупкое тело.

Встречные зеваки оскорбляли несущего свой крест, кричали, ругались, плевали в него.

– Царь Иудейский! Царь Иудейский! – на все лады орали вездесущие мальчишки. – Осанна! Осанна! – И бросали в него банановыми корками, финиковыми косточками и огрызками от фруктов, стараясь попасть прямо в лицо.

И без того обессиленный от непосильной ноши, несчастный споткнулся и упал. Тяжелая перекладина придавила его израненное тело, вызывая новые страдания. Подняли и снова возложили крест и вновь двинулись в путь.

На пути процессии стояла пожилая женщина с растрепанными волосами, слезы катились по ее щекам, в печальных глазах – неутешная скорбь. Приговоренный остановился, поднял свою израненную голову, грустно посмотрел на нее и сухими губами чуть слышно прошептал: «Жено!». Ноги женщины подкосились, и она упала без чувств.

Стражники грязно заругались, оттащили упавшую женщину в сторону и принялись копьями разгонять толпу. Они понимали, что приговоренный к смерти на кресте живым не дойдет до места казни, и им пришлось снять крест с его плечей и заставить нести его первого попавшегося прохожего.

Слегка передохнув, несчастный, превозмогая усталость, двинулся вверх по дороге навстречу своей смерти.

Вдруг из толпы выскочила девушка, подбежала к нему и вытерла своим, смоченным в воде платком, пот с его лица. Белый платок ее обагрился кровавым потом приговоренного к смерти. Увидев кровь, девушка вздрогнула и, испугавшись грубого окрика стражника, растворилась в толпе. На мостовой остался лежать окровавленный платок доброй девушки.

Силы окончательно оставляют обреченного на смерть. Вот он спотыкается и падает второй раз, затем третий. Его поднимают, бьют и вновь и вновь понуждают идти.

Кончилась дорога смерти. Процессия остановилась на Лобном месте. К центральному столбу прибили ту самую табличку, которую несли впереди.

Солдаты сорвали с осужденного одежду и принялись бросать жребий кому они достанутся. И этого времени хватило Ему, чтобы поднять окровавленную голову, посмотреть вокруг, увидеть тех, кто оплакивал Его в этот момент. И на какое-то мгновение Его взгляд

остановился на нас. Мы увидели те же добрые, но смертельно усталые и измученные глаза. И тень улыбки пробежала по Его истерзанному лицу. Он нас снова узнал.

— Как помочь Тебе, Сын человеческий, в эти последние минуты Твоей земной жизни? — восклицаем мы.

— Что делать?

— Молитесь! — еле слышно шепчут губы. — Молитесь!
Аминь!

3 ноября 2014 г.

Христос Воскресе!

В ночь с субботы на воскресенье приходим в Храм Гроба Господня на Божественную литургию. Справа от входа узенькая лестница ведет на Голгофу. Совсем недавно мы здесь уже были. Здесь на Лобном месте мы простились с Господом Иисусом Христом, здесь Он провел последние минуты своей земной жизни, принял мученическую смерть от людей, для спасения которых Он был послан на Землю Отцом своим Небесным.

«Боже мой, Боже мой! Для чего Ты меня оставил?», — вопрошал Отца Спаситель и эти слова стали последними словами умирающего на кресте Богочеловека. Горько плакали присутствовавшие при казни некоторые из учеников Его, Матерь Его и жены — мироносицы. Невутешно было их горе. Они потеряли своего любимого Учителя и Сына.

Спускаемся с Голгофы. Перед нами камень Миропомазания, камень, на который положили истерзанное тело снятого с креста Господа Иисуса Христа.

Вспоминается священническая литургическая молитва: «Благообразный Иосиф с древа снем Пречистое Тело Твое, плащаницею чистою обвив и вонями, во гробе нове покрыв положи».

Представляем как с великой осторожностью и благоговением Иосиф Аримафейский и Никодим снимают с креста израненное пречистое тело Христа и, умастив Его ароматами из смирны и алоэ, кладут на этот камень и заворачивают тело в плащаницу. На груди, руках и ногах пелены обагряются алой кровью Сына Божия. Ноги наши подкашиваются, и мы падаем на колени и плачем: «Господи! Как они смогли, как они посмели? Жестокосердные и равнодушные людишки!». Слезы, слезы, слезы.

Прикладываемся к благословенному камню. Он помнит Христа, он живой свидетель человеческой жестокости и несправедливости. Камень мироточит. Тоже плачет. Почти две тысячи лет плачет о распятом Христе, о его страданиях и пролитой за нас крови, искупительной спасительной крови Господа!

...Закончилась Божественная литургия, мы вместе с иерархами Греческой Православной церкви «едиными устами и едиными сердцами славили и воспевали пречистое и великолепное Имя Отца, и Сына, и Святого Духа». Наступило раннее воскресное утро. Еще не рассвело.

Подходим ко входу в Гроб Господень. В этот, тогда еще новый, гроб было положено тело Иисуса Христа и здесь оно пролежало неполные три дня. И в такое же раннее воскресное утро произошло Его славное Воскресение.

Тогда вокруг этого места был красивый сад и высеченный в скале гроб не казался таким мрачным.

Вот мы оказались в том саду. То же раннее, но весен-

нее утро. Вход в гроб закрыт приваленным тяжелым камнем. Спит Иерусалим! Еще не рассвело, но птицы щебечут во все голоса. Легкий ветерок покачивает ветви деревьев, слышится шелест листьев, сливающийся с птичьей многоголосицей. Жизнь на Земле продолжается, все идет своим чередом. Будто ничего и не произошло.

И вдруг ветер утих, шелест листьев прекратился, замолкли неугомонные птицы. Наступила тишина, настораживающая тишина. Кажется, само время остановилось. Сердца наши тревожно забились часто, часто. Что это? Неужели конец? Нет! Это начало! ХРИСТОС ВОСКРЕС!

Смотрим на гроб. Камень отвален от входа в него. Значит, там уже нет Спасителя!

И вновь воздух наполнился птичьим гомоном, подул ветерок, и зашелестела листва на деревьях. Тонкий лучик утреннего солнца выглянула из-за горизонта и, пробившись сквозь стволы деревьев, осветил вход в открытый гроб. Господа там уже нет. ХРИСТОС ВОСКРЕС!

Время пошло, новое время! ХРИСТОС ВОСКРЕС! ВОИСТИНУ ВОСКРЕС ХРИСТОС!

Аминь!

СОДЕРЖАНИЕ

Источник святости 5

Священник Владимир Лапшин
Святость как призвание 7

ИСТОКИ РУССКОЙ СВЯТОСТИ

Сергей Аверинцев
Святость и красота 21

Наталья Белевцева
Образ преподобного Сергия Радонежского
в творчестве Ю. Н. Рейтлингер
(ионкини Иоанны) 39

Павел Тюрин
Икона и Царь 65

ЦЕРКОВЬ ИСПОВЕДНИКОВ И МУЧЕНИКОВ

Лилия Ратнер
Павел Корин – художник, миссионер,
исповедник 111

Ирина Языкова
Матушка Фамарь (Марджанишвили) –
грузинская княжна и русская святая 128

Священник Антоний Лакирев

Вера и верность

Священномученик Феодор Грудаков 150**Лилия Ратнер**

Евхаристия в ГУЛАГе 167

К 10-летию канонизации

преподобномученицы

матери Марии (Скобцовой) и

мученика Ильи Фондаминского

Наталия Большаякова

Подражание Христу

Путь матери Марии (Скобцовой) 178**Лариса Волохонская**

В одно прекрасное утро

Неожиданный визит 201**К 80-летию мученической кончины**

архиепископа Рижского и Латвийского

Иоанна (Поммера)

Сергей Мазур

Отношение к труду и богатству

архиепископа Иоанна (Поммера)

*(Попытка исторического осмыслиения служения**архиеп. Иоанна в свете судьбоносной**для него темы)* 207

ОТЦЫ ЦЕРКВИ. ВЕК XX

- Протоиерей Сергий Модель**
Основоположник «неопатристики»
в православном богословии XX века:
архиепископ Брюссельский и Бельгийский
Василий (Кривошеин, 1900–1985) 277

К 70-летию кончины прот. Сергея Булгакова

- Архимандрит Савва (Мажуко)**
Свидетель Софии
Судьба отца Сергея Булгакова 303

ОБЩЕНИЕ СВЯТЫХ

- Анатолий Красиков**
«Папа мира» Иоанн XXIII 333
- Мариано Боргоньони**
Сестра Мария
«Выбираться на простор...»
(пер. с итальянского) 359

- Наталия Большакова**
«Мы остаёмся всегда вместе!»
Памяти игумены Ольги (Слёзкиной) 377

- Михаил Баранов**
Из дневника паломника на Святую Землю 390

SOMMAIRE

La source de sainteté.....5

Père Vladimir Lapchine

La sainteté comme vocation.....7

LES SOURCES DE LA SAINTETÉ RUSSE

Sergueï Avérintsev

La sainteté et la beauté21

Natalia Belevtseva

L'Image de Saint Serge de Radonezh dans l'oeuvre
of J. N. Reintlinger (sœur Ioanna)39

Pavel Tiourine

L'icône et le Tsar65

L'ÉGLISE DES CONFESSEURS ET DES MARTYRS

Lilia Ratner

Pavel Korine, peintre, missionnaire,
confesseur de la foi111

Irina Yazykova

Matouchka Thamar (Mardjanichvili) –
princesse géorgienne et sainte russe128

Père Antoine Lakirev

Foi et fidélité

Le saint prêtre martyr Théodore Groudakov150

Lilia Ratner

L'Eucharistie au Goulag 167

**Pour les 10 ans de la canonisation
de la sainte martyre Marie Skobtsova
et du saint martyr Élie Fondaminsky****Natalia Bolchakova**

L'imitation du Christ

Le chemin de mère Marie Skobtsova 178**Larissa Volokhonsky**

Un beau matin

Une visite impromptue 201**Pour le 80e anniversaire de la mort en martyr
de l'archevêque de Riga et de toute la Lettonie
Jean Pommer****Sergueï Mazur**L'attitude de l'archevêque Jean Pommer
envers le travail et la richesse*(Essai d'interprétation historique du service
de l'archevêque Jean à la lumière d'un
thème qui lui fut fatal)* 207**LES PÈRES DE L'ÉGLISE.
XX SIÈCLE****Archiprêtre Serge Model**Un fondateur de la néopatristique
dans la théologie orthodoxe du XXe siècle
Basile (Krivochéine, 1900–1985)
archevêque de Bruxelles et de Belgique 277

**Pour le 70e anniversaire de la mort
de l'archiprêtre Serge Boulgakoff****Archimandrite Savva Majouko**

Le témoin de la Sophia

Le destin du père Serge Boulgakoff 303**LA COMMUNION DES SAINTS****Anatoli Krassikov**

Jean XXIII « le Pape de la paix » 333

Mariano Borgognoni

Sœur Maria

Avancer au large (traduit de l'italien) 359**Natalia Bolchakova**

« Nous resterons toujours ensemble »

A la mémoire de la Mère Abbesse Olga (Slezkine) 377**Mikhail Baranov**

Extrait du journal d'un pèlerin en Terre Sainte 390

CONTENTS

The Source of Holiness.....5

Priest Vladimir Lapshin

Holiness as a Calling.....7

THE SOURCES OF RUSSIAN HOLINESS

Sergey Averintsev

Holiness and Beauty.....21

Natalia Belevtseva

The Image of St. Sergius of Radonezh
in the Work of J. N. Reitlinger (Sister Ioanna)39

Paul Tyurin

The Icon and the Tsar.....65

THE CHURCH OF CONFESSORS AND MARTYRS

Lilia Ratner

Pavel Korin –
an Artist, a Missionary, a Confessor.....111

Irina Yazykova

Mother Tamar (Marjanishvili) –
a Georgian Princess and a Russian Saint.....128

Priest Anthony Lakirev

Faith and Faithfulness
Priestly Martyr Feodor Grudakov.....150

Lilia Ratner

Eucharist in GULAG 167

**To the 10th Anniversary of Canonization
of Righteous Nun and
Martyr Mother Maria (Skobtsova)
and Martyr Ilya Fondaminsky****Natalia Bolshakova**

The Imitation of Christ

The Path of Mother Maria (Skobtsova) 178**Larissa Volokhonsky**

Some Fine Morning

A Surprise Visit 201**To the 80th Anniversary of Martyrdom
of Archbishop
Of Riga and Latvia Ioann (Pommer)****Sergey Mazur**

The Attitude to Work and Wealth

of Archbishop Ioann (Pommer)

*(An Attempt at Historical Interpretation of Archbishop
Ioann's Ministry in the Light of His Life Theme)* 207**FATHERS OF THE CHURCH
THE 20TH CENTURY****Archpriest Serge Model'**

The Founder of „Neo-Patristics“

in the Orthodox Theology of the 20th Century

Archbishop of Brussels and Belgium

Basil (Krivoshein, 1900–1985) 277

**To the 70th Anniversary
of Decease of Archpriest Sergius Boulgakov****Archimandrite Savva (Mazhuko)**

A Witness of Sofia

The Life Path of Fr Sergius Boulgakov.....303**THE COMMUNION OF SAINTS****Anatoly Krasikov**

John XXIII „The Pope of Peace“ 333

Mariano Borgognoni

Sister Maria

“To Get Out into the Vast...” (*Transl. from Italian*) 359**Natalia Bolshakova**

“We Stay Together Forever!”

In Memory of Hegumeness Olga (Slyozkina) 377**Mikhail Baranov**

From the Diary of the Pilgrim to the Holy Land.....390

**Международным Благотворительным Обществом
имени Александра Меня
(Рига, Латвия)
изданы (1991–2014)**

Альманах «Христианос» – выпуски I – XXIII

Книги:

Протоиерей Александр Мень

«Практическое руководство к молитве»

«Апокалипсис» –

Комментарий протоиерея Александра Меня

«Крестный Путь». Молитvenные размышления и
молитвы

Вселенского Патриарха Варфоломея

Архимандрит Зинон (Теодор) «Беседы иконописца»

Владимир Френкель «Время пустыни». Стихи

Малая сестра Магдалена Иисуса

«По следам брата Шарля» (Зеленая тетрадь)

Иеромонах Габриэль Бунге «Скудельные сосуды» –
практика личной молитвы по преданию Святых Отцов

София Рукова «Отец Александр Мень»

Протоиерей Александр Мень «Истоки религии»
(``Relīģijas pirmsākumi``) на латышском языке

Артуро Каттанео «Брак: дар и служение»

Иеромонах Габриэль Бунге

«Другой Утешитель. Икона Пресвятой Троицы
преп. Андрея Рублева»

Светлана Домбровская «Пастырь»

(Повесть об отце Александре Мене)

Иеромонах Габриэль Бунге

«Вино дракона и хлеб ангельский» –
учение Евагрия Понтийского о гневе и кротости

Священник Владимир Лапшин

«Деяния Святых Апостолов» – Комментарии

Иеромонах Габриэль Бунге

«Акедия» – духовное учение Евагрия Понтийского
об унынии

Наталья Большакова

«Христианство осуществимо на земле»

(История создания и жизнь монастыря

Покрова Пресвятой Богородицы в Бюси-ан-От
(Франция)

Священник Владимир Лапшин

«Читая апостола Павла:

Послания к Коринфянам,

Послание к Галатам – Беседы»

Священник Владимир Лапшин

«Читая апостола Павла:

Послания к Фессалоникийцам,

Послание к Римлянам – Беседы»

Наталья Большакова

«Жизнь и служение епископа

Кампанского Мефодия (Кульмана)»

Священник Владимир Лапшин

«Читая апостола Павла:
Послание к Филиппийцам,
Послание к Колоссянам, Послание к Филимону,
Послание к Ефесянам – Беседы»

Священник Владимир Лапшин

«Читая апостола Павла:
Послание к Титу,
Послания к Тимофею,
Послание к Евреям – Беседы»

Alexander Men' International Charity Society
Riga LATVIA
Phone: +371 29147350
E-mail: vasilij@mailbox.riga.lv